Ограда из драгоценных камней

Книга 1

Виктор Кузьмич Моша

Борис Яковлевич Шмидт

2019

Ограда из драгоценных камней
Книга 1
Виктор Кузьмич Моша
Борис Яковлевич Шмидт

2019 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

«Ограда из драгоценных камней» — это серия биографий верных Богу людей, которые в трудное время отстаивали независимость Церкви от мира, жертвуя своими силами, здоровьем, свободой и даже жизнью. Они побеждали верой, долготерпением, смирением и любовью к Богу, к ближним и к врагам. Их каждодневным стремлением было — идти по следам, проложенным Иисусом Христом, Который отдал жизнь ради Своей возлюбленной Церкви. Только Он, Господь и Спаситель, был для них неиссякаемым источником сил для борьбы и побед.

Люди, прошедшие через горнило испытаний, были подобны нам. Они ошибались и порой согрешали, но как искренне каялись, как смиренно просили прощения! Им не понаслышке были знакомы страхи и сомнения, печаль и боль. У каждого из них была своя судьба, свой характер. Но их сплотила в одно целое вера в единого Бога и общая цель — сохранить преданность Ему во что бы то ни стало.

Всецело положившись на Иисуса Христа — камень краеугольный, избранный, драгоценный, — эти скромные христиане твёрдо стояли на тех местах и позициях, где поместил их Господь. Словно прочные, нераздельные камни, они составляли благословенную ограду для страдающей Церкви Божьей.

Сколько было пережито, вымолено, выплакано! Какие только лишения ни выпадали на долю верных последователей Христа! Их жизнеописания лишь отчасти откроют нам, что пришлось перенести этим драгоценным камням, какой натиск они выдержали и какой ценой давалась им победа. Но и это немногое — богатейший материал для нынешнего поколения. Каждый христианин найдёт здесь для себя вдохновляющие примеры преданности Богу и неизменной верности Самого Бога.

Вчитываясь в эти строки, погружаясь в биографии верных воинов Христа, будем искренне подражать их вере, угождая тем самым нашему Господу и Отцу.

«Бедная, бросаемая бурею, безутешная! Вот, Я... сделаю окна твои из рубинов, и ворота твои — из жемчужин, и всю ограду твою — из драгоценных камней» (Ис. 54, 11–12).

С молитвой и песней

Виктор Кузьмич Моша

Детские годы

В украинской глубинке, на приличном расстоянии от областного центра Сумы, притаился небольшой посёлок Гезовка. Летом он утопал в пышной зелени, а зимой — в белоснежных сугробах. Между двумя прудами без особого порядка располагались крытые соломой мазанки. Жили в них труженики, в поте лица добывающие насущный хлеб.

В одном из таких домов в хмурый осенний день, 9 ноября 1935 года, родился мальчик. Кузьма Михайлович и Наталья Николаевна Моша были рады его рождению и с большой любовью назвали Виктором. Хоть и в трудную пору появился на свет малыш, но сын же, дитя родное, как его не любить?!

Семья жила в голоде и холоде. Помимо хлеба и одежды, остро не хватало времени на уход за малышом, на ласку и воспитание. От зари и дотемна была работа, работа,

работа — в поле, на огороде, со скотиной. Поэтому крик из самодельной люльки, подвешенной к потолку, был привычным.

Старшая дочь Надя была бы уже хорошей помощницей матери, но умерла от голода в 1933 году, не прожив и десяти лет.

Двенадцатилетнему Володе приходилось работать наравне со взрослыми, и присматривать за братиком он не мог. Только семилетняя Ниночка иногда подбегала к люльке — спросит у малыша, почему кричит, сунет ему в рот тряпочку с размоченным хлебушком (вместо пустышки!) и снова бегом во двор — работы и ей хватало!

В изнурительном труде и ожидании лучших дней проходили дни, месяцы и годы. Великая Отечественная война была в самом разгаре, когда Вите минуло восемь. Он стал полноценным помощником в доме — пас коров и свиней.

Отца уже два года не было дома — забрали на фронт. Родные и не знали, что он, контуженный, борется со смертью в одном из ленинградских госпиталей.

Хорошо было бы сейчас Вите с братишкой Мишей, который родился после него через полтора года. Но война никого не щадила — шальной осколок смертельно ранил мальчишку, и убитая горем мать схоронила его в конце огорода.

Следующим несчастьем была гибель самого младшего сына, Васи. Один военный в ярости напал на Наталью Николаевну и, ранив её, ткнул четырёхлетнего малыша штыком в спину. Мальчик скончался на руках у матери. Как не обезумела женщина от всех этих ужасов и потрясений?!

В конце войны пришла похоронка на старшего сына, Петю.

— Сынок, деточка моя! — металась по двору мать с извещением о смерти в руках. — Как же мы без тебя?! Как пережить утрату?! Что же ты ушёл от нас так рано, в расцвете сил!..

Неизвестно, справилась бы она со всеми этими невзгодами, если бы не привезли домой полуживого Кузьму Михайловича. Ни с чем не считаясь, выхаживала она дорогого мужа. Мало-помалу глава семьи встал на ноги.

Жизнь между тем продолжалась. Медленно, но всё же заживали сердечные раны, робко пробивалась надежда на лучшее.

— Вставай, сынок! — рано утром будила мать Витю. — Вставай, днём поспишь. Пора выгонять скотину.

А ему так хотелось спать!

В те годы каждый пас свой скот, и это было нелёгким делом. Коровам требовалось одно пастбище, а свиньям — другое, они всегда норовили разбежаться в разные стороны. Надо было ещё следить за телёнком. Коз чаще всего держали на привязи.

Коров и свиней нужно было вовремя угнать и пригнать, и Витя изо всех сил старался делать всё так, как учил его отец. Кузьма Михайлович — человек строгий и принципиальный, наказывал детей розгой, и его все боялись.

После обеда в семье всегда наступал «мёртвый час». Отец укладывал спать на два часа и жену, и детей, и сам ложился. Это был закон, и его соблюдали неукоснительно.

Кузьма Михайлович слыл религиозным человеком. Сын

Подворье в Гезовке. Возле лошади — Кузьма Михайлович

баптиста, он, однако, отверг живую веру в Господа Иисуса Христа и принял православие. Своим детям он внушал, что самая правильная вера — православная. У него были две иконы, и он каждый день молился, вставая перед ними на колени.

По праздникам отец призывал к молитве жену и детей. Выстроив всех по росту перед иконой с зажжённой лампадой, он произносил молитву «Отче наш», потом — «Верую», и родные должны были повторять за ним и креститься, как он.

Поклонение иконам не мешало Кузьме Михайловичу курить, сквернословить, а порой и напиваться. Когда же он был пьяным, семья не знала, куда прятаться от его кулаков.

Как-то раз зимой Витя катался на пруду на самодельных коньках и провалился в прорубь. К счастью, неподалёку женщины полоскали бельё. Заметив, что мальчик нырнул в ледяную воду, не успев даже вскрикнуть, они кинулись на помощь и вытащили его. Он так сильно испугался, что стал заикаться и непроизвольно вздрагивать. Отец решил повести его к знахарке — он не брезговал ворожбой и нередко прибегал к этому нечистому методу, стараясь разрешить трудности в своей жизни.

В загробную жизнь Кузьма Михайлович не верил.

— Рай и ад существуют на земле, — поучал он подросшего Витю, отвечая на его вопросы о Боге. — От тебя зависит, как построишь свою жизнь. Захочешь хорошо жить — будет тебе рай, не захочешь — будешь мучиться. Чем не ад при плохой жизни?

Свои понятия отец старательно внушал детям, и из всей семьи Витя рос самым восприимчивым ко всему, что касалось веры в Бога. Он искренне верил, что Бог есть, и Ему нужно молиться.

По воскресеньям Кузьма Михайлович сам не работал и детям не разрешал. Особенно свято он чтил церковные праздники, хотя и по-своему, совсем не так, как написано в Библии. Он всегда зажигал лампадку и ставил её перед иконой. Не только особый запах, но и сам этот обряд до

глубины души волновал Витю. Он всё чаще задумывался о Боге, и ему очень хотелось понять — какой Он?

Вите было лет двенадцать, когда он впервые увидел Евангелие. Оно хранилось в сундуке, эту книгу в семье никто никогда не читал. Ящик всегда стоял закрытым на ключ, там лежала выходная одежда. На праздники отец открывал крышку, и все наряжались по-праздничному.

Так на Пасху 1948 года, когда сундук стоял открытым, Витя обнаружил в нём книгу с пожелтевшими листами. Он спросил у отца, что это такое.

— Евангелие, сынок, — ответил тот с каким-то особым почтением. — Святая книга.

Витя стал упрашивать отца, чтобы он разрешил почитать необычную книгу. В конце концов отец позволил, но велел обходиться со Святым Писанием бережно и после праздника обязательно положить на место.

Потрёпанная книга начиналась с Евангелия от Луки. Витя с большим интересом читал повествование о Господе Иисусе. Дойдя до описания предательства и распятия, он заплакал. Как могли люди сделать такое зло Божьему Сыну?! Чуткая душа подростка искала ответы на множество вопросов. Бога распяли на кресте! За что?!

Всем сердцем Витя потянулся к невидимому Богу. Как и отец, он стал каждый день вставать на колени перед иконой и усердно молиться. Пол в доме был глиняный. Мать по субботам тщательно подметала его и мазала свежей глиной, чтобы было чисто.

Прощай, детство!

Закончив в 1951 году школу, Виктор поехал в Киев. Поступить в техникум не удалось, да и город юноше не понравился. Через неделю он вернулся домой.

Сойдя с поезда, он с неописуемой радостью шёл в родную деревню пешком, наслаждаясь красотой природы и пением птиц.

В конце лета юноша сдал документы в железнодорожное училище города Белополье. Несмотря на сплошные пятёрки в аттестате, его из-за маленького роста зачислили на самую простую специальность — слесарь по ремонту вагонных тормозов. Однако он старался учиться добросовестно и много молился — просил у Бога благословения на учёбу.

Ещё перед окончанием школы Витя получил небольшую иконку от мужчины, вернувшегося после войны из Германии. Мальчику она очень понравилась, и он бережно хранил её. Уезжая из дому на учёбу, он спрятал икону в чемодан и потом каждый день доставал её и тайком молился перед ней и утром, и в обед, и вечером.

Размышления о Боге почти никогда не покидали молодого человека. Его беспокоили вопросы: какой Он — Бог? где Он обитает? слышит ли Он молитвы? каждого ли человека Он слышит?

Виктор Моша и Павел Нечай

В Белополье юноша снимал квартиру. Вечерами он никогда не ходил с однокурсниками на гулянья и вечеринки. Ему не нравилась жизнь молодёжи, наполненная пустыми развлечениями и развратом.

Находясь вдали от дома, Виктор стал замечать, что Бог помогает ему в учёбе и хранит его от греха. Это вдохновляло его

больше молиться и жить скромно. Перед экзаменами и в трудных обстоятельствах он увеличивал количество молитв, думая, что это угодно Богу. А перед выпускными экзаменами он молился ещё чаще — каждый час вставал на колени. Молился не всегда заученными молитвами, иногда слова к Богу лились произвольно, из глубины сердца.

Как-то раз, незадолго до выпускных экзаменов, Виктору потребовалось зайти к соседям. У них была злая собака, которую на ночь отпускали с цепи. Подойдя к калитке, он увидел, что собака привязана, и смело вошёл во двор. В это время на пороге появилась хозяйка. Не успел Виктор ничего спросить у неё, как вдруг собака сорвалась с цепи и кинулась на него.

Виктор бросился бежать, но в следующий момент понял, что это бесполезно. Едва он успел обернуться, как собака схватила его зубами за левую руку.

От страха и резкой боли юноша прижал разъярённого пса к земле. Тот вдруг разжал зубы, и тогда Виктор схватил его за шею и сел на него верхом. Пёс злобно рычал, но больше ничего не мог сделать.

Подбежала хозяйка. Помочь Виктору она не могла, потому что сама боялась. Она позвала хозяина, и тот забрал собаку. Женщина обработала пострадавшему рану, перевязала руку, а он не переставал восхищаться тем, что это Бог защитил его от свирепого пса, которому ничего не стоило разорвать беззащитного человека. Вера в то, что Бог слышит молитвы, хранит его и бережёт, росла и укреплялась в его сердце.

Сдав на «отлично» все экзамены, Виктор получил направление на работу в Харьков, на железнодорожную станцию Харьков-Сортировочный. Поселился в общежитии вместе с Павлом Нечаем, с которым крепко подружился во время учёбы. Павел нравился Виктору, потому что не курил, был скромным, молчаливым, не таким, как все.

В день получки в общежитии никогда не обходилось без неприятных историй — рабочие напивались и напрочь забывали о всяком приличии. Чтобы не видеть и не слышать,

что вытворяют сотрудники, друзья уходили в город и допоздна бродили по улицам.

Ещё в училище Виктора, как примерного ученика, втянули в комсомол. Несмотря на это, он продолжал молиться и креститься по-православному, всем существом сопротивляясь мирскому образу жизни. Вспоминая отца, который любил выпить и не расставался с курительной трубкой, Виктор решил никогда не курить и не пить, вести нравственный образ жизни. Друзей, кроме Павла, у него не было, и он иногда тосковал от одиночества.

В Харькове Павел частенько куда-то уходил — и в воскресенье, и среди недели, но друга с собой не приглашал. О Боге они никогда не говорили.

Однажды поздней осенью ребята шли после работы по улице Свердлова, и Павел неожиданно сказал:

— Я хочу открыть тебе одну тайну.

Виктор почувствовал, как ёкнуло сердце.

— Тайну? — спросил он, не подавая виду, что взволновался.

— Да. Здесь неподалёку есть молитвенный дом. Я хожу туда на богослужения. Пойдём со мной!

Виктор тотчас согласился, и через несколько минут, свернув в переулок, они вошли в большое здание.

Не без трепета в сердце Виктор сел рядом с Павлом и огляделся. Ни икон, ни крестов не было: «Значит, это не для меня», — решил он.

Зал постепенно наполнялся людьми.

Никто здесь не крестился, как в православном храме. Песни пели тоже совсем не так.

О чём говорили проповедники, Виктор не слышал — его осаждала мысль, что всякая другая вера, кроме православной, — неправильная, и ему здесь не место.

Заметив настроение друга, Павел не стал больше приглашать его на собрания. А сам ходил и иногда рассказывал, как хорошо они с молодёжью провели время.

Весной 1954 года добросердечный христианин ещё раз предложил Виктору пойти на богослужение. Отказать

Новообращённый Виктор в кругу молодёжи (первый слева)

другу было неудобно, и Виктор пошёл. После утреннего собрания Павел познакомил его со своими друзьями. Они тут же пригласили ребят посетить вместе с ними престарелую сестру, которая из-за болезни уже не вставала с постели.

Виктор впервые находился в кругу христианской молодёжи. Ему очень нравились простые, бесхитростные отношения, нравились разговоры — ничего предосудительного, пустого, пошлого. А когда пришли в дом больной, Виктор с удивлением наблюдал, с какой любовью девушки ухаживали за ней, как сердечно с ней общались.

Друзья пригласили Виктора на следующее богослужение, и он не отказался от приглашения. Ему стало нравиться не только общество верующих, но и слово, звучащее с кафедры. Особенно нравились ему проповеди о Христе.

На Пасху Дух Святой по-особому коснулся души, тоскующей по святой жизни. Виктор открыл своё сердце Богу, и

туда удивительным образом снизошёл мир и покой. Виктор стал новым человеком.

Теперь его непрестанно влекло в общение с детьми Божьими. Работая во вторую смену, он всю неделю с нетерпением ожидал выходного дня, чтобы попасть на богослужение.

На работе Виктор сразу же стал рассказывать сотрудникам о Спасителе, и начальство обратило на это внимание. Быстро нашлись те, кто вычислил, что комсомольца совратил в свою веру Павел Нечай.

За ребятами стали следить. Стоило им хотя бы коротко поговорить или пройти вместе по улице, как их вызывал начальник.

— Почему вы не живёте как все?! — возмущался он, размахивая руками. — Придумали себе какого-то Бога! Нет Его! Одурачили вас штундисты, да и только! Чтоб ни слова о Боге, поняли? Иначе вас или уволят, или спрячут за решётку!..

Павел с Виктором стали уходить после работы в лесо-

На рабочем месте

посадки неподалёку от общежития. Виктору многое было непонятно — и в проповедях, которые он слышал на богослужениях, и в христианской жизни. Поначалу он даже не мог понять, почему так часто говорят: Давид — муж веры, Авраам — муж веры, апостол Павел — муж веры, Пётр — муж веры.

— Неужели у каждого из них жену звали Верой? — удивлённо спрашивал он.

— Нет, конечно! — смеялся Павел. — Выражение «муж веры» означает, что у человека, последовавшего за Господом, была большая, глубокая вера, полное доверие Божьему слову.

Виктора сильно беспокоило то, что он числится комсомольцем. Несколько раз он подходил к старшим братьям в церкви и спрашивал, как ему поступить с комсомольским билетом. Одни советовали сжечь его, другие просто пожимали плечами.

В конце концов юноша решил пойти к комсоргу.

— Я не могу исполнять все пункты комсомольского Устава, — решительно заявил он с порога.

— Почему?

— Потому что верю в Бога, а Устав велит «бороться с религиозными предрассудками».

Комсорг с ходу сорвался на крик:

— Мы знаем, что ты стал баптистом! К тому же агитируешь других! Знаешь, что за это может быть?!

Однако спокойствие собеседника охладило пыл комсорга, и он миролюбиво продолжил:

— Зачем нарываться на неприятности? Верь себе, сколько хочешь, и помалкивай. Здесь все комсомольцы, и ты будь как все.

— Нет, я хочу быть честным человеком и верным Богу. В комсомоле состоять не могу, — заявил Виктор.

Комсорг проводил его, ничего не добившись. А через пару дней на предприятии было объявлено комсомольское собрание.

В актовом зале собралось около ста человек — и молодые комсомольцы, и люди постарше, партийные. Виктора посадили впереди, словно подсудимого. Долго расспрашивали, как попал в баптисты, кто первый раз пригласил в молитвенный дом, как его затянули в эту страшную секту.

Виктор большей частью молчал.

Некоторые смельчаки не скупились на неправду, на острые словечки, стараясь унизить верующих и показать, как это нелепо в наше время верить в Бога.

Наконец парторг дал Виктору последнее слово — возможно, он одумался и останется в комсомоле!

Однако молодой христианин с жаром сказал:

— Я решил служить великому Богу и от этого решения не отступлю!

Зал тут же загудел:

— Исключить его из комсомола!

— Ему не место среди нас!

— Горбатого только могила выправит!

— Уволить его!

Спустя месяц Виктора вызвали в райком комсомола. Около десяти партийных работников задавали стандартные вопросы, как по схеме: как уверовал, кто втянул в секту и прочее.

— Мракобесы... — процедил сквозь зубы худощавый мужчина. — Зачем ты слушаешь бабушкины сказки?! Молодой, грамотный, способный! Живи и радуйся, никакого Бога нет!

— Живу и радуюсь, — кивнул Виктор, — потому что Господь действительно есть, Он избавил мою душу от вечной гибели...

— Замолчи! — выкрикнул председатель комиссии. — Мы исключаем тебя из комсомола!

— Благодарю вас! — улыбнулся Виктор и тут же положил на стол комсомольский билет.

Через день у входа в контору появилась стенгазета с надписью: «Религия — опиум для народа!» и карикатурой: молодой человек, Виктор Моша, стоит на коленях и молит-

ся Богу. Глядя на изображение, рабочие ухмылялись и не скупились на реплики и недобрые шутки в адрес христианина.

Центральные газеты «Южная магистраль» и «Гудок» опубликовали красочные статьи о том, что на таком известном предприятии как «Харьков-Сортировочный» совершенно не работает парторганизация. Мыслимое ли дело — комсомолец начал молиться Богу! Позор, да и только!

Парторг, взволнованный происходящим, вызвал Виктора с утра пораньше и разразился гневной речью:

— Что ты наделал?! Зачем сдал комсомольский билет?! Мне это нож в спину! Думаешь, я буду терпеть такое?! — Он передохнул и злобно бросил: — Иди работай, но не забывай, что по тебе тюрьма плачет...

Сердце Виктора не дрогнуло от этой угрозы. Он молча вышел из кабинета, а внутри у него всё трепетало от радости и хвалы Тому, Кто помиловал его и осчастливил навеки.

Каждую свободную минуту в тот день Виктор использовал для молитвы. Найдя пустой вагон, он преклонял в нём колени, и душа его опять переполнялась утешением и покоем, исходящим от самого Бога.

Пресвитеры в церкви никак не реагировали на трудности новообращённого. Друзья же всегда старались выразить свою солидарность с ним и вдохновенно напоминали тексты Писания, вселявшие в душу радость.

— Витя, не забывай, что быть гонимым за веру — это честь! — пожимал ему руку Павел Нечай. — Христос говорил: «Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня».

— Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, — улыбаясь, добавила одна из сестёр, — так гнали и пророков...

Поддержка друзей, конечно же, была не лишней. Виктор всё больше и больше утверждался в вере, учился понимать Священное Писание, с интересом учил наизусть целые главы.

На прощанье с Павлом

С работы его не уволили. А Павла Нечая — уволили за то, что «совратил комсомольца в баптистскую веру». Павел уехал из Харькова, и друзьям пришлось расстаться.

В начале 1955 года военкомат направил Виктора на учёбу в аэроклуб для подготовки к службе в десантных войсках. В аэроклубе учили прыгать с парашютом.

Незабываемым остался первый прыжок. Виктор не без волнения проверил своё снаряжение, поправил шлем и посмотрел на открытую дверь самолёта.

— Прыгай! — послышалась команда инструктора.

«Куда?!» — глянул юноша в бездну.

Закрыв глаза, он камнем полетел вниз. Когда парашют не раскрылся, инструктор увидел, что парень запутался в стропах, и быстро скомандовал выбросить запасной парашют. Таким образом приземление для начинающего десантника закончилось благополучно.

В военкомате, как только представилась возможность

сказать военкому о своих убеждениях, Виктор сделал это смело и искренне. Говорить о Христе он не стыдился.

— Баптист? — уточнил офицер и размашистым почерком написал это слово на личном деле будущего солдата.

Армия. Первый раз в заключении

Осенью 1955 года Виктора призвали в армию. Проводов, можно сказать, не было. Накануне он съездил в Гезовку, попрощался с родителями.

— Не знаю, когда теперь встретимся, — сказал Виктор матери, обнимая её. — Присягу решил не принимать, так что сладко мне не будет.

— Тебя же посадят! — Наталья Николаевна смахнула слезу.

— Возможно. Но я готов пострадать за моего Спасителя. Он мне всё простил и полюбил меня... Он так тяжко страдал за наши грехи!

Родительский дом

— Сынок, ты не выдержишь... — заплакала мать.

Виктору показалось, что её слёзы обожгли его сердце... На том и расстались.

«Конечно, самому не выдержать, — думал юноша, шагая полем до станции. — Но Господь поможет мне, Он же Всемогущий! Он даже мёртвых воскрешал. Не оставит Он и меня в беде — я люблю Его, и Он исполнит Свои обещания!»

Из военкомата новобранцев отправили поездом в Белоруссию — в город Сухиничи, в железнодорожный батальон. Туда обычно брали людей с испорченной репутацией, с плохой характеристикой.

Ненавязчиво, но при всяком удобном случае Виктор говорил солдатам о том, что верит в Бога. Они воспринимали это по-разному — кто-то смеялся, кто-то равнодушно отворачивался. Все были заняты своими мыслями — всех волновало, как пойдёт служба, чем будут заниматься в ближайшие годы.

Пролетел месяц. Не раз и не два Виктора вызывали в штаб — то полковник, то подполковник. Каждый пытался переубедить юношу. И лестью, и угрозами они старались сломить его, заставить поверить в «светлое коммунистическое будущее», но успеха не имели.

Наступило восемнадцатое декабря — праздник в воинской части, день принятия присяги. Сто двадцать человек выстроились в ровные шеренги. Один за другим солдаты присягали на верность.

Очередь Виктора приближалась. Он уже несколько раз помолился Господу, с глубоким волнением обещая быть верным Ему и до конца жизни соблюдать Его заповеди. Снова и снова он повторял полюбившийся ему стих из 22-го Псалма: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...»

В строю осталось пять человек. Виктор стоял последним.

«Что же сказать? — вдруг встревожился он, и его колени задрожали. — Сейчас надо будет что-то говорить...»

«А ты отвечай только „нет“!» — неожиданно всплыли в его памяти слова молодёжной песни.

Стоишь на пороге ты в вечность,
Зовёт тебя счастье: «Приди!»
А мир так красив и так манит,
Как будто цветы на пути.

Но змей, укрываясь цветами,
В них жало своё притаил.
Он ловок, прельщает грехами,
А ты отвечай только «нет»!

«А ты отвечай только „нет“!» — стучало у Виктора в висках, когда из рупора донеслось громогласное:

— Рядовой Моша, для принятия присяги выйти вперёд!

Чеканя шаг, молодой солдат подошёл к майору, замполиту части:

— Рядовой Моша прибыл по вашему приказанию.

— Для принятия воинской присяги, — добавил майор.

— Нет.

— Приказываю тебе принять присягу!

— Нет.

— Взять в руки оружие!

— Нет.

— Арестовать его!

К Виктору тут же подошло несколько старослужащих. Они быстро сняли погоны с его гимнастёрки и повели на гауптвахту.

Девять суток держали непокорного солдата под стражей, пытаясь одиночеством и скудной пищей сломить его верность.

Нары в камере откидывались только на ночь. Положив сапоги под голову, Виктор с Божьим благословением засыпал. А утром, поднявшись, прославлял Господа за радость спасения и целый день, меряя шагами камеру вдоль и поперёк, молился и вспоминал всё, что знал из Евангелия.

Через девять дней арестованного вызвали в управление и долго водили по кабинетам. Самые разные начальники пытались всё же переубедить христианина, но у них ничего не получилось — он оставался непреклонным.

Наконец солдата вернули в часть. Там он должен был выполнять обязанности истопника.

После новогодних праздников баптиста Виктора Мошу отправили в Калугу в психиатрическую больницу. Кто-то засомневался, в своём ли уме молодой человек, дерзнувший верить в Бога!

Больше недели Виктор находился среди людей, изолированных от общества из-за неполадок в психике. Сколько раз он обращался к Богу с просьбой защитить его и сохранить от зла! Сколько раз из самой глубины его сердца вырывалась благодарность Господу за любовь и спасение!

В конце концов 15 января Виктора признали совершенно здоровым, выписали из больницы и отправили в воинскую часть. Совсем недолго длилось оформление документов, и в тот же день, ближе к вечеру, три солдата повели товарища в калужскую тюрьму.

На всю жизнь останется в его памяти эта массивная железная дверь с облупившимся окошком. Она отворилась перед ним, словно ненасытный зев, и в следующее мгновение захлопнулась, решительно отрезав свою жертву от свободы.

Виктора поместили в камеру, где было около пятидесяти заключённых. После недолгих расспросов все занялись своими делами и новичка оставили в покое. Он ни у кого не вызвал особого интереса.

«Сынок, ты не выдержишь», — вспомнились ему слова матери, и он, проглотив горький ком, встал на колени у своих нар. Он глубоко верил, что высоко в небе, у престола благодати, есть сила и помощь для всякого, кто с искренним сердцем обращается к Богу.

Ни родные, ни друзья не знали, что Виктор арестован, поэтому он долго не получал ни писем, ни передач. В ка-

мере нашлось несколько добродушных евреев, которые делились с солдатом своими продуктами. Однако этого было далеко недостаточно, и силы юноши постепенно слабели.

Следствие длилось всего семь дней. Военный прокурор был уверен, что переубедит молодого солдата.

— Ты притворяешься! — наконец не выдержал он. — Ты просто не хочешь служить и прикрываешься чем-то совершенно несущественным! Какого Бога ты нашёл в наш атомный век?!

— Живого, истинного, — по привычке прищурившись, ответил Виктор. — Плохо, что вы Его не знаете. Он наш Творец и Спаситель.

— Замолчи! — стукнул прокурор кулаком по столу и, стараясь овладеть собой, спокойнее добавил: — Жаль мне тебя... Раздавят тебя, как муху, и никакой Бог не поможет...

Он немного помолчал. Добродушный и мирный вид подсудимого не вдохновлял его на гневные речи.

— На каком основании отказываешься от присяги? — взял он перо, старательно обмакивая его в чернила.

— На основании пятой главы Евангелия Матфея, — оживился Виктор.

На столе у прокурора лежал Новый Завет. Он открыл его и начал искать главу.

— Тридцать четвёртый стих, — подсказал Виктор и, выждав минуту, пока прокурор прочитает, добавил: — В Послании Иакова тоже сказано, что не следует клясться, и для меня это закон. Я хочу поступать так, как велит Бог.

Прокурор не стал искать Послание Иакова. Отложив Евангелие, он что-то записал в своих бумагах и велел увести подсудимого в камеру.

Когда наконец обвинительное заключение было составлено, Виктора предали суду военного трибунала. Статья, по которой его обвиняли, предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет. Но его осудили на пять. Суд состоялся 25 января 1956 года.

Из Калуги осуждённого солдата этапировали в Смоленск,

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу рядового в/части 29496
МОША Виктора Кузьмича, обвиняемого
по ст. 193-13 с санкцией ст.193-2 п."а"
УК РСФСР.

В ноябре 1955 года МОША Ленинским РВК гор. Харькова был призван в Советскую Армию и для прохождения дальнейшей службы направлен в в/часть 29496.

18 декабря 1955 года по приказанию командования личный состав учебной роты был построен для принятия военной присяги.

Весь личный состав присягу принял, а рядовой МОША категорически отказался принять военную присягу и оружие в руки не взял.

В целях детального раз"яснения МОША о его противозаконных действиях, с ним долгое время беседовали и раз"ясняли ему командиры и начальники всех степеней, вплоть до командира бригады включительно, однако МОША их не послушал, присягу не принял и оружие в руки не взял. Свой отказ принять присягу МОША об"яснил тем, что он является евангелистом-баптистом, верует в бога, и что по священному писанию ему неположено давать каки-либо клятвы и брать в руки оружие.

Допрошенный в качестве обвиняемого МОША виновным себя признал и заявил, что присягу не принял только потому, что является евангелистом. /л.д.

На основании изложенного подлежит преданию суду Военного Трибунала

МОША Виктор Кузьмич 1935 года рождения, уроженец Сумской обл., Ульяновского района, с.Николаевка, из крестьян, холост, б/п, украинец, образование 8 классов, в ноябре 1955 г. призван в Советскую Армию Ленинским РВК гор. Харькова, проходил службу в гор. Сухиничи в/ч 29496

обвиняемого в том, что он:

18 декабря 1955 года в момент принятия личным составом части военной присяги под предлогом религиозных убеждений категорически отказался принять военную присягу и оружия в руки не взял, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст.193-13 с санкцией ст.193-2 п."а" УК РСФСР

Обвинительное заключение составлено 25.1.56 г. г.Калуга

Врио Военного прокурора Калужского гарнизона
Подполковник юстиции [signature] / Беневцев /

а оттуда — на Урал, в Свердловскую область, в лагерь Сосьва.

Везли в товарном вагоне. Посреди вагона стояла небольшая печка, так называемая буржуйка, в которую надзиратели исправно подбрасывали дрова.

Заключённых было немного, и вели они себя относительно тихо. Двое мужчин разговаривали между собой о том о сём, и один из них задался вопросом, что будет, если вагон вдруг перевернётся.

— Не перевернётся, — заявил другой. — С нами ведь святой едет! Поди сюда! — кивнул он Виктору.

Виктор подошёл.

— Расскажи нам что-нибудь интересное из Библии.

Виктор охотно рассказал об апостоле Павле, который попал однажды в бурю на море. Тогда Бог чудом сохранил людей от гибели, несмотря на то что корабль разбился.

Оказалось, что один из собеседников служил в Морфлоте. Перед армией мать переписала ему 90-й Псалом и велела всегда носить с собой и каждый день читать, как молитву. Он так и делал, и служба его прошла благополучно. Однако после демобилизации он решил,

С другом, обратившимся к Богу во время первого срока.

что ему теперь ничто не угрожает и читать Псалом не обязательно. И тогда случилась беда: он попал в неприятную ситуацию — разнимал дерущихся в магазине и нечаянно разбил витрину. За это ему дали срок.

Виктор сказал своим собеседникам, что молиться Богу — дело надёжное. Но нужно просить у Него не только помощи и защиты, а ещё и прощения за грехи. И стараться не грешить.

Впоследствии бывший моряк подружился с Виктором и искренне уверовал в Бога. По окончании срока он поехал домой христианином.

Десять дней этап находился в пересыльной тюрьме. Свои впечатления об этом мрачном месте Виктор записал в тетради:

На дверях моей камеры стоит цифра 22. Это номер камеры. Располагается она на втором этаже.

*Войдя в помещение, сразу увидишь два высоких окна, через которые хорошо виден двор. Справа от двери — небольшой шкафчик, за ним — железные нары и кирпичная голландка (*печь. — Ред.*). Вдоль другой стены — двухъярусные нары. Их двадцать пять штук.*

Слева от двери стоит тумбочка, на ней — бачок с водой, а рядом — вешалка. За вешалкой висят в рамке правила для обитателей камеры. Посреди камеры — стол с двумя скамейками, вмонтированными в пол.

Одно окно наполовину закрыто одеялом, потому что в нём нет стекла. Стены камеры давно небелёные, ободранные, местами донельзя исписанные.

Пересылочная тюрьма — большое четырёхэтажное здание. Сейчас многие ушли на прогулку и лишь некоторые увлеклись игрой в домино. Один старик с бородой, похоже, пишет стихи...

В марте 1956 года этап прибыл в Сосьву.

Заключённые в этом лагере занимались разделыванием леса, который приходил с лесоповала. Одни брёвна шли

на дрова, другие — на доски, брусья.

Виктора определили в бригаду, которая готовила крепёж для шахт. Длина брёвен зачастую превышала два метра. Два человека распиливали брёвна на станке, затем зачищали, шкурили их, а другие два — грузили их на плечо подходившего к ним заключённого. Этот носильщик должен был отнести бревно в вагон или уложить в штабель.

Ослабевший от недоедания, в ветхой, совершенно не греющей одежде, Виктор еле передвигал ноги. А его определили на самую тяжёлую работу — переносить брёвна, так называемую рудничную стойку.

Носить такую тяжесть он не мог и буквально падал под непосильной ношей.

«Боже, я умру, если Ты не поможешь мне!» — в изнеможении молился он.

Среди заключённых находился один мужчина из Харьковской области, сын верующих родителей, крепкий, здоровый человек. Узнав, что Виктор получил срок за веру в Бога, этот здоровяк стал ему помогать. Когда подходила его очередь брать большое бревно, мужчина быстро подставлял своё плечо и нёс груз вместо него. Виктор воспринимал это как чудо, как Божий ответ на слёзные молитвы.

Харьковчанин отбывал срок уже не первый год, и у него был сахар и другие продукты. Он стал подкармливать Виктора, пока тот не начал получать передачи из дому, а также отовариваться в лагерном ларьке.

Немного освоившись на новом месте, Виктор пошёл к начальнику колонии и попросился в другую бригаду.

— Я не отказываюсь от работы, — чистосердечно говорил он, — но при всём желании не могу носить брёвна, они просто придавливают меня к земле!

— А-а-а, это ты — тот самый злостный преступник! — насмешливо проговорил начальник, смерив взглядом стоящего перед ним заключённого. — Всё правильно, тебя положено держать на трудных работах, иначе дурь из твоей головы никак не выбить! Как же ты посмел отказаться от службы в Советской армии?!

— От службы я не отказывался. Я согласен был на любую работу, только без присяги и оружия. Клятва неугодна Богу. Мы и без клятвы должны быть честными и трудолюбивыми.

— Не надо мне здесь проповедовать! — вспыхнул начальник. — Советские законы каждый обязан соблюдать!

Начальник долго возмущался, но всё-таки распорядился, чтобы Виктора перевели на более лёгкую работу — перевозить опилки с пилорамы на электростанцию. Возить тяжёлую тачку тоже было непросто, хотя и гораздо легче, чем носить брёвна.

Так в изнурительном труде проходили дни, недели и месяцы, выжимая из неокрепшего юноши последние силы — и физические, и духовные.

«Сынок, ты не выдержишь» — вспоминались Виктору слова матери, и сердце сжималось от тоски и боли.

«Помоги мне, Господь!» — взывал он, и молитва в то тяжёлое время часто состояла только из этих слов...

Юный узник за работой

Скорби и радости идут рядом

Прошло немало времени, пока родители, а потом и христиане узнали, что их сын и брат находится в неволе. Мать сразу же стала хлопотать о том, чтобы поддержать сына продуктами. Друзья, найдя адрес, поспешили написать письмо.

Милосердный Бог видел страдания Виктора и не медлил с помощью. Через полгода необычного заключённого, добросовестно исполняющего свои обязанности, перевели на режим бесконвойного передвижения. Для него это была очень приятная неожиданность. Ему выписали пропуск, и он ходил на работу за пределы лагеря. Правда, ему запрещалось общаться с вольными людьми, кроме тех, с кем трудился на объекте. В конце дня он должен был возвращаться в барак и там коротать время. И всё же это было намного легче, чем работать внутри лагеря.

В одном из писем Виктор писал друзьям, как выглядит помещение, в котором он проживает.

Жилище, где обитает сорок заключённых, среди которых затерялся и я, представляет собой большую комнату 15х15. На окнах висят занавески из простой материи. Окна не обмазаны, и сквозь щели часто свистит ветер. В этой комнате, которую обычно называют секцией, бывает довольно холодно.

Стены здесь аккуратно побелены и разрисованы. Напротив двери висят монотонно стучащие стенные часы. Рядом — репродуктор и картина, на которой изображён поросший деревьями берег реки и мальчик с удочкой.

На этой же стене нарисованы ещё две большие картины. На одной из них — поле зрелой пшеницы и убегающая вдаль тропинка. Когда смотришь на эту картину, вспоминаешь далёкую родину. Там обширные поля золотой пшеницы, словно море... Невольно вспоминается детство, как бегали по таким вот тропинкам... Но всё это прошло, осталось далеко позади.

Другая картина на этой же стене изображает море и тёплый песчаный берег.

В нашей комнате — десять двухъярусных деревянных нар, на которых располагается по два человека вверху и два внизу, всего сорок человек. Между нарами стоят тумбочки для личных вещей. Проход устлан толем.

Возле дверей стоит стол со скамейками, большой шкаф и два бачка с водой. Комната ярко освещается.

Большинство заключённых сейчас ушли в кино, некоторые читают, а кто-то уже спит. Наступает ночь, и мне тоже надо отдыхать, чтобы завтра выйти на работу с новыми силами.

Жизнь здесь очень однообразна, и бывает нелегко...

Виктору действительно было нелегко — ведь он в двадцать лет оказался в заключении, вдали от родных и друзей. Лишённый богослужений и общения со святыми, молодой христианин мог бы засохнуть на корню, если бы не Божья милость, укреплявшая его днём и ночью.

Вначале Виктор работал грузчиком на продуктовом складе, а потом его направили на конный двор. Он должен был на лошади перевозить дрова и продукты.

Лошадь оказалась пугливой и непослушной, и работать с ней было трудно. Зимой она нередко опрокидывала сани, и извозчик вместе с кладью погружался в глубокий снег. Немало мучений доставляла юноше эта работа. Ни на минуту не мог он забыть, что находится в неволе. Единственным утешением была молитва. Он постоянно искал помощи у Всевышнего, и она наполняла его тихой радостью и желанием не отступить от Бога.

Весной 1957 года Виктора перевели грузчиком в Мотофлот. Река Лозьва — очень широкая, летом баржи доставляли по ней грузы в тайгу, где располагалось множество лагерей.

Берега Лозьвы в Сосьве соединял большой красивый мост. На нём вечерами шумно гуляла молодёжь. Глядя на веселье своих сверстников, Виктор не раз останавливал

Грузчики на барже. Виктор — третий слева

себя: «Нет, мне туда нельзя, там я непременно согрешу. Лучше держаться подальше от таких мест». И он никогда не ходил ни на какие гулянья.

Наблюдая за добросовестным работником, начальник Мотофлота позаботился о том, чтобы Виктора перевели на вольное поселение. Конечно, это произошло не без Божьего вмешательства. Именно так воспринимал эти перемены узник. Теперь он мог свободно перемещаться по посёлку, общаться с жителями.

Одна православная старушка пустила Виктора на квартиру. В её доме было множество икон и книг. О, как он радовался тишине, которой всегда не хватало в бараке! Здесь он мог спокойно молиться, читать. Хозяйка не возбраняла пользоваться её библиотекой.

Виктор любил природу. Восхищаясь её красотой, он много думал о Боге и прославлял Его как Господа и Творца. Очень часто в свободное от работы время он уходил на окраину посёлка и долго любовался небесной синевой и

величаво плывущими облаками. В хорошую погоду он присаживался на пень, доставал из кармана карандаш и тетрадку и записывал свои впечатления.

Всё пусто и тихо.

Неподалёку стоят две толстые берёзы. Они уже старые, белизна их стволов помрачнела, ветки в основном посохли, но жизнь ещё теплится — кое-где зеленеют верхушки. Они стоят одиноко, выглядят скучными. Ветерок порой колышет их жалкие ветки.

Так и человек иногда под влиянием тех или иных обстоятельств колеблется, мечется в мыслях туда-сюда... В народе говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает». Истинно так! Если восстают на душу сомнения, присмотрись к своей жизни...

Серое однообразие жизни заключённого порой нарушали непредвиденные события.

Так 10 августа 1957 года Виктор получил телеграмму о смерти матери. Сыновье сердце забилось, словно птица в клетке: «Надо ехать! Скорее!»

Виктор побежал к начальнику, попросил кратковременный отпуск.

— Я не против, подпишу заявление, — сказал директор Мотофлота. — Но тебе надо получить разрешение вышестоящего начальства.

Старания Виктора оказались безуспешными. Он дошёл до управляющего уральскими лагерями, и ему везде отказали.

— Дорогой Господь, я хочу и эти обстоятельства принять, как решение Твоей благой воли, — со слезами молился Виктор поздно вечером в своей комнатушке.

Долго не мог он заснуть в ту ночь. Вспомнился вдруг сон, который он видел ещё в тюрьме, в Калуге. Снилось поле, где он в детстве пас коров, — всё в цветах, очень красивое, и мама. Она печально смотрела на него, а он прощался с ней и говорил: «Мамочка, мы с тобой больше ни-

когда не увидимся...» Он проснулся весь в слезах и сердцем почувствовал, что это вещий сон. Мать тогда сильно болела. Ей было пятьдесят лет.

В камере Виктор молился о том, чтобы Господь дал ему силы перенести всё, что выпадет на его долю. И за мать молился, чтобы она познала живого Бога и нашла мир своей душе.

В свои двадцать два года Виктор ещё нуждался в матери. Особенно в неволе, где было столько зла и несправедливости, его душа жаждала материнского тепла и ласки.

Весть о смерти самого близкого человека и невозможность поехать на похороны вызвали небывалую тоску, и Виктор, уединившись, излил свою боль на бумаге:

Мама, смотрю на вашу фотографию и не могу оторвать взгляда: хочется смотреть и смотреть... Живую я вас больше никогда не увижу. Никогда больше не пожму вашу натруженную руку, не удостоюсь вашего поцелуя. Всё это я потерял навсегда. Я даже не удостоился приложиться к вашим холодным устам. Неисцелимая рана на многие годы останется в моём сердце.

Никогда вы не сядете со мной рядом, никогда не услышу вашего ласкового голоса. Господь не позволил мне посмотреть на вас. Видно, Ему так было угодно. Да будет воля Его.

На вашем худом лице — множество морщин, которые оставила тяжёлая жизнь. Краса ваша поблекла... Тяжёлые годы истощили ваши силы, истерзали сердце и даже душу.

Вы так жаждали видеть меня в последние минуты своей многотрудной жизни, мама моя, и не пришлось. Узы сковали меня...

Нескоро заживала сердечная рана — мысль о том, что матери у него больше нет, лишала радости.

Сердце моё бьётся, как птица в клетке, тоскует и скорбит, — писал Виктор друзьям в Харьков. — *Не хватает слёз, чтобы выплакать своё горе перед Господом, от*

Которого зависит моя жизнь и всё доброе и худое, что выпадает на мою долю. Да будет воля Его!

Чувства мои притупились, и сердце очерствело. Меня постигла значительная скорбь, хотя горести ещё и не оставляли меня. Я хожу скорбный, разбитый горем, с поникшей головой. Да и кто не печалится в таком случае? Ушла из жизни моя родная мать! Безусловно, мне нелегко.

Родные звали меня на похороны, провести в последний путь нашу мамочку. Я больше никогда её не увижу, не услышу её голоса. О, как это тягостно!

В таких случаях вольнопоселенцам давали краткосрочный отпуск. Но мне отказали. Я ходил даже к начальнику Севураллага (Северное управление лагерей. — Ред.*), но все ходатайства были напрасны. Видно, так угодно Господу. Да будет воля Его. Только мне очень тяжело вспоминать о том, что мамы больше нет.*

К кому мне прибегать? Только к Господу, хотя я недостоин Его милостей. Я заслуживаю осуждения, а Он по Своей величайшей милости изглаживает мои беззакония...

Уже почти месяц ни от кого не получаю писем... Жизнь моя проходит по милости Господа. Он не оставляет меня совсем. Слава Богу! Слава вовек!

Работаю на прежнем месте. Работа не очень тяжёлая, здоровье хорошее. Господь хранит в благополучии.

От родных из дому тоже больше месяца нет писем. Я знаю, что тяжёлая утрата и скорбь постигла нас, и им ещё тяжелее переносить это. Неисцелимая рана на многие годы останется в наших сердцах. Умоляю Господа, чтобы утешил их...

Дорогие мои, что-то с Рябиновой 8 давно нет писем. Некоторые друзья постепенно начали забывать меня... Да поможет Господь всем нам начатую жизнь сохранить до конца!

Подвизайтесь в молитвах ваших о мне. Передайте привет сёстрам и братьям. Извините, если что не так выразил в своей немощи.

Оставайтесь с Богом.
Виктор.

В начале сентября 1957 года Виктора неожиданно посетили братья из Харькова — Николай Дмитренко и Александр Стрельцов. Встреча с ними навсегда осталась в памяти — сильна и крепка братская любовь!

Виктор Моша, Александр Стрельцов, Николай Дмитренко

После трудового дня друзья до поздней ночи рассказывали Виктору о жизни на свободе, о праздниках и буднях церкви. Они привезли с собой Евангелие и желали своему другу и брату только одного — не сломиться в трудностях, выдержать испытания и остаться верным Богу.

Сладостные минуты общения

Хорошо с друзьями! Виктору казалось, что у него выросли крылья — хотелось жить свято, хотелось принять крещение, хотелось всем рассказывать о Божьей любви и вечной жизни.

Дни общения пролетели стрелой. Друзья уехали. И снова пришли будни. Виктор остался в окружении злых, нечестивых и скверных людей. Настоящей отдушиной была только молитва. Он часами мог беседовать с Господом, и в этом общении укреплялась его вера, умножалась любовь. Святое Писание тоже служило хорошей пищей для жаждущей истины души.

Виктор очень понравился начальнику Мотофлота. Трудолюбивый и аккуратный, не отличающийся особой физической силой грузчик вызывал симпатию и доверие своим благочестием. Начальник поставил его шкипером бензоналивной баржи. Это была ответственная работа, но физически несравнимо лёгкая.

Однажды на барже случилась поломка. Пришлось остановиться вблизи поселения с интересным названием Красный Яр. Пока мастера устраняли повреждение, Виктор уединился для общения с Господом.

Как всегда, в первую очередь он искренне поблагодарил Бога за спасение, за сохранность жизни и за право страдать за веру, страдать за своего любимого Спасителя. Слёзы текли по его впалым щекам, а сердце наполнялось сознанием, что великий Бог слышит молитву, видит его — маленького человека, затерянного в уральской глуши...

После молитвы, глубоко успокоенный, Виктор достал из кармана карандаш и тетрадку.

Красный Яр. Как удачно дано название этой местности! Один берег очень крутой, местами его высота достигает четырёх метров. Там, где ничего не растёт, виднеется красный песок.

Наступила осень. Вода в реке остыла, хотя особо она здесь и не нагревалась, солнечного тепла ей не хватало. Уровень реки значительно уменьшился.

Берег, поросший молодыми берёзками, стал менять свою окраску. Почти всё вокруг пожелтело. Лишь сосны выделяются зеленью, будто не предчувствуют наступающей осени.

Всё вокруг ещё очень красиво. Но пройдёт время, и эти жёлтые листочки опадут и превратятся в прах. Лютая зима не пощадит нежных растений, любящих тепло. Она усыпит деревья, и они будут обнажённые и грустные...

Здесь же, на берегу, видны густые заросли черёмухи. Они ещё зелёные, как и трава — зеленеет небольшими ковриками. Всё это как бы не сдаётся наступающей поре.

И всё же, рано или поздно, всем растениям придётся сдаться и попрощаться со своей красотой.

Прошло лето, и незаметно подкралась осень, устанавливая свои порядки. Точно так уходит и юность... Молодые люди ещё красивые, резвые, весёлые, но годы уходят, унося с собой красоту и жизнь. Так же, как и осень, незаметно подкрадывается старость. Она так же установит свои порядки, принесёт свои изменения. И человеку останется лишь вспоминать о прошедших временах, о лете юности.

В природе пройдёт зима, потом настанет весна и расцветёт лето. Но никогда не расцветёт юность в жизни пожилого человека. Она уходит, и её не возвратишь...

Помни Создателя в дни юности твоей...

Неожиданная радость

Наступил 1958 год. Виктор встречал его один на один с Господом — на коленях, в молитве, со слезами. Он чувствовал, что силы его на исходе. Где-то христиане радуются в общении друг с другом за праздничным столом. А он здесь один, в холоде и голоде, среди развратных людей с разбитыми судьбами. Укрыться негде — кругом ссоры, брань и сквернословие. А впереди ещё три долгих года неволи...

«Сынок, ты не выдержишь» — в который раз всплывали в памяти слова матери, обжигая сердце щемящей болью.

— Господь Иисус, помилуй меня! — изливал он Богу свою душу. — Уже и мамы нет, она сама не выдержала скорбей и забот, а меня Ты хранишь. Укрепи мою веру

в то, что никогда не оставишь меня! Помоги мне, дорогой Господь, сохрани меня в этом злом мире! Я очень хочу исполнить Твою волю...

Виктор действительно надеялся на милость Господа и ждал от Него помощи. Для слёз было много причин. Неокрепший в вере, не наставленный в истине, он с трудом справлялся с сатанинским натиском. А порой и не справлялся — тогда уныние заволакивало мысли и, казалось, мешало дышать.

«Зачем тебе все эти тревоги? — вползала в сердце грусть. — Всё равно не выдержишь, не устоишь, зачем страдать напрасно? Тебе уже никогда хорошо не будет...»

О, как нужна была Виктору дружеская помощь! Если бы кто-то, обняв его за плечи, просто сказал: «Крепись, друг! Господь — сила твоя и прибежище! Потерпи немного! Лучшее у тебя — впереди, и оно — за гранью земного!» Но рядом никого не было.

В полумгле мерно тикали стенные часы.

«Нет, ты не один! — напоминал душе Божий голос, вытесняя одиночество, боль и уныние. — С тобой Господь!»

Виктор вновь вставал на колени, и в ночной тишине истомлённое сердце озарялось немеркнущим небесным светом.

Единственным утешением и выходом из любой ситуации была молитва. Виктор никогда не стыдился встать на колени и воззвать к своему Богу и Спасителю. У него не было комнаты, где он мог бы закрыть за собой дверь и помолиться втайне. Днём ли, ночью ли, — он склонял колени либо у своей койки, либо на рабочем месте, в шкиперской, и, закрыв глаза, созерцал Того, Кому принадлежал. Изливая в молитве душу, Виктор получал в ответ мир и покой.

Свобода наступила внезапно. Это было не иначе как Божий промысл. Господь никогда не опаздывает!

Ранней весной 1958 года Виктора освободили.

По закону за добросовестную и успешную работу за-

ключённого могли отпустить на волю намного раньше срока. Так совершенно неожиданно Виктор Моша отправился домой.

Прислушиваясь к мерному стуку колёс пассажирского поезда, освободившийся узник ехал на родную Украину. Без музыки и цветов. Даже без хлеба. Зато с хвалой Богу на устах и в сердце.

Соседи по купе угостили исхудалого попутчика горячим чаем и варёной картошкой. Завязался непринуждённый разговор, после которого симпатия к юноше возросла, и голодным он не был до конца пути.

В Москве Виктор прямо с поезда поспешил в молитвенный дом, на богослужение. Сколько радости испытывает душа в общении с Божьим народом! Сколько появляется в ней силы для жизни и труда!

Среди москвичей нашлись друзья, которые отнеслись к узнику с большим теплом. Они тут же проявили к нему любовь и заботу — купили пальто взамен зековской фуфайки.

Долго не задерживаясь, Виктор отправился в Харьков. Власти, оказывается, знали, что он не в армии служил, а

В Харькове, с друзьями

отбывал срок наказания (хотя совершенно незаслуженно!). По этой причине в прописке ему отказали: обществу не нужны такие люди! Странники на земле и пришельцы. Как точно выразился в своё время апостол Павел!

Однако Христова Церковь всегда была и будет живой, вратам ада её не одолеть! Друзья встретили Виктора со всей душой. Не в Харькове, так в Дергачах его без проблем прописали, а добрейшая семья вдовы Шафоростовой радушно открыла свой дом и предоставила место для жилья.

Новая жизнь

Без промедления Виктор влился в жизнь молодёжи и стал просить пресвитера, чтобы его крестили и приняли в церковь. Однако в зарегистрированных общинах крещение молодых людей, не достигших тридцати лет, сводилось к минимуму. И Виктор получил вежливый отказ.

Чувствуя что-то неладное, он всё же искренне хотел исполнить Божью заповедь, поэтому продолжал искать служителя, который согласился бы его крестить.

Поиски увенчались успехом. Старец из посёлка Русская Лозовая — Мартын Ильич, убедившись в том, что Виктор действительно рождённый свыше христианин, не отказал в просьбе и 6 сентября 1958 года совершил крещение.

Спустя неделю Виктор вдохновенно описал это событие и до конца своих дней сохранил не только запись в тетради, но и радость спасения в сердце.

Осень делала свои первые шаги. Небо, целый день затянутое серыми тучами, время от времени поливало землю дождём. Подгоняемые порывистым ветром облака величаво плыли с севера на юг. Ещё не поблекла красота цветов. Поля зеленели молодыми всходами пшеницы.

Всё шло своим чередом, и сентябрьский день склонил-

В центре — служитель Мартын Ильич.
На заднем плане — поэт В. М. Беличенко

ся к вечеру. Солнце, на минуту-другую пробившись сквозь облака, утонуло за горизонтом.

Трое мужчин умеренным шагом направились к лесу, расположенному в окрестностях Русской Лозовой. Один из них — пожилой, чуть сгорбленный. Поношенная фуражка аккуратно скрывала его седину. Другой мужчина — в чёрном костюме и голубой рубашке — был довольно молодой, лет тридцати пяти. А третий — в синем костюме и белой рубашке — совсем молодой. Изредка улыбаясь и поправляя чёрные волнистые волосы, он тем самым обнаруживал своё волнение. Ещё бы! Сегодня он заключит завет с Господом. Навеки, навсегда он присоединится к Церкви Божьей и до последнего дыхания будет служить Спасителю — преданно, из любви!

На некотором расстоянии за этими тремя шли женщины. Их тоже трое. Две уже в летах, а одна — молодая. Все они вошли в лес. Вокруг было тихо, ничто не нарушало вечернего безмолвия.

Тропинка, по которой братья и сёстры спустились в яр, петляла между деревьями и кустарником. Сумерки

скрывали красоту, которой можно было бы наслаждаться солнечным днём.

Тропинка привела к пруду, поросшему ивняком.

Друзья преклонили колени на берегу и вполголоса стали молиться. Хвала Богу перемежалась с просьбой о благословении — юноша и две старицы желали вступить в завет с Господом через святое водное крещение.

Последним молился старец. Это Мартын Ильич. Ни на что невзирая, он из последних сил исполнял своё служение.

После молитвы креститель и крещаемые переоделись в белые одежды. Первым в воду зашёл старец. За ним смело шагнул юноша. Холодная вода заставила глубже вдохнуть вечерний воздух и слегка умерила пульс.

— Веришь ли от всего сердца в Иисуса Христа, Спасителя грешников? — раздалось в тишине.

— Верую! — твёрдо ответил юноша.

Холодные воды на мгновение сомкнулись над его головой, свидетельствуя о том, что он действительно умер

6 сентября 1958 г.

для мира, для жизни по плоти, чтобы жить только для Бога.

Там же, на берегу, служитель возложил на голову крещённых руки и за каждого помолился, благословляя на нелёгкий христианский путь.

Вокруг всё было тихо и спокойно. Стемнело. Только в душе спасённых Богом сиял дивный свет. Пусть он сияет всегда, пока бьётся сердце!

Восторгаясь Богом, крещённый почувствовал, как все уголки его естества заполняются неземным счастьем.

Слава Всевышнему! Слава вовек!

с. Русская Лозовая
13/IX-58, Дергачи

Виктору хотелось, чтобы тот дивный свет, который зажёгся в его душе, никогда не погас. Молодой, энергичный, опробованный в вере, он был готов трудиться, не жалея для этого ни сил, ни здоровья. Но прошло совсем немного времени, и его постигло тяжёлое испытание.

Ах, юность!

После крещения Виктора неотступно преследовала мысль об испытании. И друзья, и Мартын Ильич говорили ему о том, что Господь непременно будет проверять его веру и любовь, поэтому он всегда должен быть начеку и ни при каких обстоятельствах не изменять Господу.

«Даже Иисус Христос после крещения был искушаем, — думал Виктор. — Значит, и меня это не минует. Но Господь поможет, Он знает, какой я немощный...»

Дни потекли своим чередом. Работой Виктор был доволен — его приняли на завод сварщиком. Квартира его тоже вполне устраивала: хозяйка выделила ему место в просторной передней, и он мог спать прямо возле печки. Сама она размещалась в соседней комнате с двумя дочерями — Ниной и Аллой. Из-за одной из них у Виктора и начались вдруг проблемы.

Виктор и сам не понял, как получилось, что он полюбил Нину. Она просто покорила его сердце, и он больше ни о чём другом не мог думать.

Ах, почему его никто не предупредил, что это может случиться даже в христианской среде! Да, в училище и в заключении, вращаясь среди неверующих, он никогда не позволял себе думать о девушках. Он хранил себя от греховных помыслов, зная, что его судьба — в Божьих руках, и в своё время Бог даст ему невесту. Что же случилось сейчас? Может, пришло время создавать семью?!

Виктор стал задумываться о женитьбе.

«А где жить? — озадаченно хмурил он брови. — Ни средств у меня никаких нет, ни имущества... Да и в церкви хотелось бы потрудиться, без семьи намного проще...»

Он готов был отказаться от мысли о женитьбе, если бы изо дня в день не встречался с той, которая пленила его. Она была красива, пела в хоре, хорошо шила...

Виктор стал молиться о том, чтобы Господь благословил его создать семью, если есть на то Его святая воля. Молился день, другой, молился неделю, другую. Как же понять, это угодно Господу или нет? Ему казалось, что он не понимает Бога, не слышит Его. Покоя в сердце не было. Нина ему очень нравилась. Он думал о ней больше, чем о Господе. Неужели так должно быть?

Помучившись месяц-другой, Виктор решил сделать Нине предложение.

Удивлённо вскинув брови, она улыбнулась своей неповторимой улыбкой и, ни минуты не задумываясь, сказала:

— Нет, Витя, я хочу оставаться вольной птицей.

Свет померк в глазах юноши. Ужасное слово «нет» пронзило его сердце, как стрела.

«Господь, что я сделал не так? Почему она отказала мне? Или Тебе неугодны мои желания?» — Виктор задавал Богу эти вопросы, но опять ничего не слышал в ответ.

«Если создавать семью, то только христианскую, — рассуждал он. — Жена должна быть богобоязненной, трудолюбивой. Именно такая Нина и есть. Почему же она не

согласилась? Надо подробнее рассказать ей, какой я представляю себе жизнь — мы будем вместе служить Богу, изучать Писание, трудиться в церкви...»

Кто-то из друзей ненароком поведал Виктору, что уже несколько видных и красивых братьев делали Нине предложение, но ни один не пришёлся ей по вкусу.

«Видные, красивые, — вздыхал несчастный, — куда мне до них?.. Я и ростом маленький, и худой... Такого худого, как я, среди молодёжи нет никого. А может, Бог предназначил её для меня? Что, если именно ради меня она отказывала другим?»

Виктор воспрянул духом. Он начал горячо молиться о том, чтобы Нина согласилась выйти за него замуж и чтобы Господь благословил их брак. После усиленных молитв он вновь заговорил с Ниной о своей привязанности к ней, попросил стать его женой.

— Нет, — решительно сказала она, терпеливо выслушав его объяснения. — Успокойся и больше не подходи ко мне с этим вопросом!

О, если бы она могла заглянуть в будущее и увидеть своё одиночество и тоскливую старость! Если бы она в юности поняла суть Божьей воли и решила жить не для себя! Скорее всего, она поменяла бы своё отношение к вольной жизни, и всё сложилось бы иначе...

На следующей неделе хозяйка попросила Виктора поискать другую квартиру. Да он и сам решил уйти, потому что жить под одной крышей с Ниной не мог. Его душа, жаждущая чистой и святой жизни, попала в плен к чувствам, с которыми так трудно было справляться. Внутри горел огонь, и жар этого огня лишал Виктора сил. О чём бы он ни думал, все мысли сводились к Нине.

«Боже мой! Я больше так не могу! — взмолился юноша. — Раз Ты не благословляешь моё желание, помоги избавиться от безответной любви!»

Эта просьба стала для него ежедневной. Он тяжело страдал и старался понять, как попал в это искушение. Потребовалось немало дней, пока ему стало ясно, что он

поддался человеческим чувствам по неопытности. Ещё не время было ему создавать семью. Прежде всего надо было позаботиться о своём духовном росте, потрудиться среди молодёжи. Ему надо было просить жену у Господа, а не самому выбирать нежную и красивую.

«Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы» — наткнулся он однажды на текст в Библии. Вот что говорит Слово Божье! Это же подлинная истина!

«Нет, хватит думать о невесте! — останавливал себя несостоявшийся жених. — Надо заняться изучением Священного Писания, уделить больше времени служению в церкви, а потом Господь поможет мне и семью создать».

Принять решение было нетрудно — Виктор искренне желал жить для Бога. Но удалить из мыслей и сердца Нину не получалось. Ему казалось, что он и дышать без неё не сможет. Как избавиться от такой привязанности?

Виктор стал поститься и больше молиться. На работе, особенно во время третьей смены, когда людей в цехе было немного, он уходил в пустующую раздевалку и умолял Бога освободить его душу от непосильного бремени.

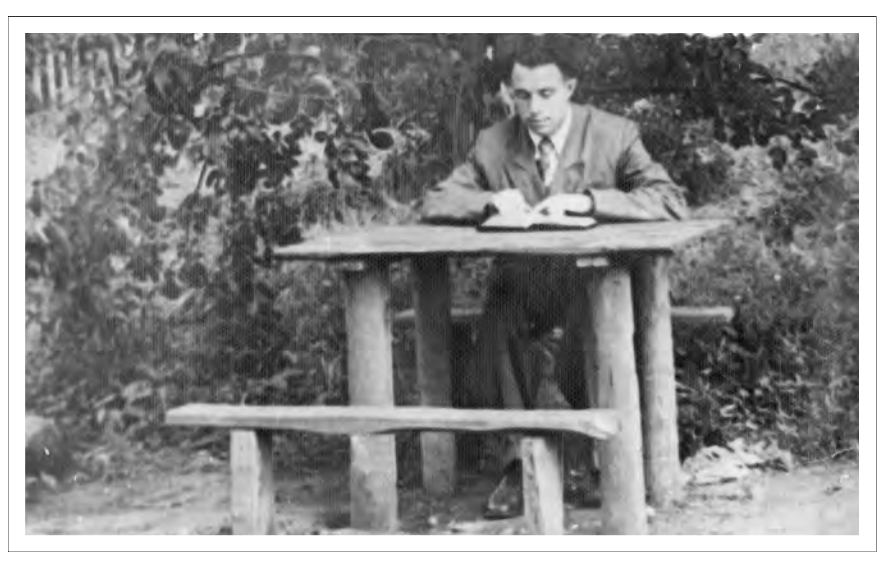
Дивный Господь помиловал Своё дитя. Всё произошло очень просто. Однажды Виктор почувствовал, как внутри словно что-то разжалось и на сердце вдруг стало легко. Ему казалось, что прямо над ним открылось бездонное небо. О, как ему захотелось утонуть в его синеве и чистоте! Наконец он свободен! Он — раб Божий, он будет преданно служить Господу!

Теперь, встречаясь с Ниной, Виктор мог прямо посмотреть ей в глаза. Вспоминая о своей влюблённости, он понял, что это была проверка. Господь хотел показать ему, насколько сильной бывает плоть и как несчастен тот, кто идёт у неё на поводу. Настоящая любовь — от Бога, и она прекрасна, она несёт с собой радость, устройство и взаимность. Господь даёт её тому, кто приобретает у Него благоволение. Это дар с неба. И в своё время Виктор непременно получит этот драгоценный подарок.

Начало служения и второй срок

Вскоре после того, как Виктор принял крещение, ему предложили проповедовать в церкви. С глубоким трепетом он готовился к этому славному служению, сознавая себя недостойным. Вникая в Священное Писание, он любил его всё больше и больше и со временем ощутил непреодолимое желание передавать христианам те истины, которые понял сам.

Между тем в церквах Харьковской области, как и во многих других общинах, было неспокойно. С размахом набирала силу атеистическая кампания. Церковь была обречена. Под давлением властей руководящие служители ВСЕХБ рассылали по общинам различные документы, запрещающие крестить молодёжь, воспитывать детей в христианском духе и даже водить их на богослужения. Запрещалось благовествовать и проповедовать вне стен молитвенного дома, посещать соседние церкви. Атеисты поставили перед собой цель — через послушных им служителей задушить церковь, оставив в ней лишь доживающих стариков. Глава

Вникай в себя и в учение...

правительства всенародно пообещал в скором будущем показать по телевизору последнего верующего.

«Это что-то невероятное, — думал Виктор. — Нельзя же людей слушать больше, чем Бога! Евангелие учит нас жить совсем не так».

Виктор был активным участником всех молодёжных мероприятий. Он ясно понял, что старшие пресвитеры и многие братья, кому Бог поручил пасти Божий народ, объединились с мирской властью и стали бездумно разрушать церковь изнутри. Однако было немало и тех, кто не соглашался с безбожными постановлениями. Их вдруг начали исключать из общин.

Эта участь постигла и Виктора. Однажды после утреннего богослужения он пригласил к себе друзей из Харькова и некоторых членов местной церкви. Общаясь, они беседовали о том, чем жили, что волновало их больше всего — как служить Богу в сложившихся обстоятельствах.

Виктор стал читать друзьям «Инструктивное письмо» от Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, адресованное старшим пресвитерам, и разъяснять, что это антиевангельский документ. Иногда он останавливался, и друзья живо обсуждали прочитанное.

— «Пресвитер наблюдает за тем, чтобы в проповеди участвовали исключительно только члены исполоргана* и лишь иногда, в случае их отсутствия, допускались до проповеди члены ревизионной комиссии. Никто из других членов общины к проповеди допускаться не должен. Исключением является старший пресвитер вашей области или республики, а также представитель ВСЕХБ».

— Ничего себе! — воскликнул кто-то из братьев. — И это пишут наши старшие служители?! Это письмо от ВСЕХБ?!

— Послушайте дальше, — продолжил Виктор: — «С по-

---

* Исполорган — исполнительный орган — это связующее звено между общиной ЕХБ и государством, удовлетворяющее хозяйственные и бытовые нужды общины. Согласно Законодательству о религиозных культах, исполорган должен быть в каждой общине. Состоял он обычно из 3–4 человек, членов церкви.

гоней за количеством членов в наших общинах должно быть решительно покончено, уделяя больше внимания воспитанию наших членов. Поэтому пресвитеры общины должны строго соблюдать двух- или трёхлетний стаж испытательного срока крещаемых, а также возраст принимаемых в общину, стараясь свести крещение молодёжи в возрасте от восемнадцати до тридцати лет к самому минимальному количеству, принимая в общину лишь действительно утвердившихся в вере и хорошо испытанных людей. От лиц, учащихся или находящихся на военной службе, не должны вообще принимать заявления о вступлении в члены общины до окончания ими учёбы или военной службы».

— Это же невозможно... — тихо проговорил Владимир Ястребов. — Это не по-библейски!

— А следующий пункт ещё страшнее, — Виктор поднял повыше читаемое письмо. — «Участвуют в проповеди исключительно члены исполоргана и, как исключение, члены ревизионной комиссии. Другие члены общины в проповеди участвовать не должны.

Дети дошкольного и школьного возраста, как правило, на богослужебные собрания допускаться не должны».

Виктор замолчал. Присутствующие тоже застыли в раздумье. Через минуту-другую он продолжил чтение:

— «Посылая вам, старшим пресвитерам, новое Положение ВСЕХБ и данное инструктивное письмо, Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов должен подчеркнуть, что как новое Положение, так и данное инструктивное письмо имеют своей основой, главным образом, Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях от восьмого апреля 1929 года, а также и другое советское законодательство о культах, поэтому при проведении в жизнь Положения и инструкции вам надлежит в основном ссылаться на Советское законодательство о культах. В прошлом при недостаточном учёте Советского законодательства о культах в некоторых наших общинах происходило нарушение его: бывали случаи крещения

лиц моложе восемнадцати лет; оказывалась материальная поддержка из средств общины; устраивались библейские и другие специального характера собрания; приобретались путём покупки молитвенные дома и оформлялись на подставных лиц, чего больше не должно быть. Допускались декламации стихотворений, бывали дискуссии верующей молодёжи, создавались нелегальные кассы взаимопомощи, устраивались собрания для проповедников и обучение регентов хоров, пресвитеры обслуживали другие общины, хоры совершали поездки в другие общины, допускались до проповеди проповедники других общин, взимались кое-где членские взносы, и бывали другие нарушения Советского законодательства.

Всё это необходимо изжить в наших общинах и деятельность нашу привести в согласие с действующим Законодательством о культах, в чём и должны помочь нам эти два документа: „Новое Положение ВСЕХБ“ и „Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ“».

— Нас обрекли на духовную смерть... — задумчиво сказал Владимир Ястребов.

Неожиданно на это общение пришёл брат, которого никто не приглашал. Послушав рассуждения друзей, он ушёл и сразу же донёс об этом пресвитеру.

В тот воскресный вечер совет общины отстранил Виктора от проповедования. А через две недели от областного пресвитера пришло распоряжение исключить Мошу из членов церкви за то, что он читал Инструктивное письмо и не признался, где его взял. Вместо исключённого из церкви было велено избрать другого проповедника.

Вместе с Виктором исключили ещё восемь человек, которые осмелились заявить, что Моша не сделал ничего достойного наказания.

В декабре 1961 года Виктор неожиданно попал в больницу с дизентерией. Пройдя курс лечения, он чувствовал себя ещё нездоровым, но 24 числа его выписали. А на следующий день, в пять утра, к дому Ястребовых, где квартировал Виктор, подъехал капитан КГБ с нарядом милиции.

Бесцеремонно разбудив всех жильцов, пришедшие предъявили санкцию на обыск.

Виктору предложили добровольно отдать антисоветскую литературу и множительную аппаратуру.

— У меня ничего подобного нет, — развёл руками Виктор. — Есть только религиозная литература. Вот Библия на столе и несколько книг в чемодане под кроватью.

Капитан КГБ дал распоряжение обыскать дом. До самого обеда сотрудники милиции переворачивали всё вверх дном — искали вещи, которых в этом доме и не могло быть. Их добычей стало совсем не то, что значилось в санкции. Забрали Библию, Евангелие, рукописные сборники стихов и песен, открытки, несколько духовно-назидательных книг.

Обыск в доме происходил впервые, никто его не ожидал, так что спрятать ничего не успели. К тому же почти всё изъятое принадлежало хозяевам, а не квартиранту, на имя которого была выдана санкция прокурора. Виктор горевал об этом, но спасти ничего не мог.

Его посадили в милицейскую машину и увезли в управление КГБ по улице Чернышевского. В камере он горячо помолился, доверив свою судьбу Господу, и лёг спать.

Рано утром из соседней камеры послышалось пение:

Будем радоваться, братья,
Прочь уныние и страх:
Принял нас Христос в объятья
И хранит в Своих руках...

«Борис Здоровец! — узнал Виктор голос брата из Харьковской общины. — Значит, он тоже здесь... Неужели ещё кого-то арестовали?»

Позже ему стало известно, что в тот день в Харькове взяли под стражу ещё троих братьев — Михаила Кривко, Виктора Лозового и Александра Стрельцова. Последнего отправили на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

В то утро Виктор обнаружил в тумбочке возле нар

мешочек с сухарями. Видно, кто-то оставил его здесь, уходя на волю. Испытывая недомогание в теле, узник обрадовался находке. Он стал есть сухари, а хлеб, который выдавали, резал ложкой и сушил. Сухари помогли ему, и через несколько дней, недолеченный врачами в больнице, он почувствовал себя здоровым.

Спустя неделю его перевели в тюрьму на Холодную Гору, где он полгода томился под следствием. Передачи были редкими и слишком ограниченными. Килограмм кускового сахара в передаче был величайшей ценностью. Виктор считал кусочки, чтобы не съесть больше им самим определённой нормы. Он всегда имел в виду тех, кто ничего не получал из дому, и старался их угощать.

Нелегко было коротать время в отрыве от церкви, да ещё и без работы. Но узник не бездельничал. Сознавая себя частицей Божьей Церкви, Божьим рабом, он хотел служить Богу, и у него это получалось! Каждый день, просыпаясь зачастую до подъёма, он сердечно молился — обо всём и обо всех, а потом ходил по камере и пел — не менее пяти песен. Пел вполголоса, от души прославляя своего Спасителя и Бога.

В течение дня он семь раз молился. Не меньше. Для него это был закон. Благо, что его держали в камере-тройнике*, где было относительно тихо и спокойно. Он неизменно преклонял колени и наслаждался живым общением с Небесным Отцом. Он знал, о чём говорить с Богом. У Всемогущего и Всесильного он искал помощи и для себя, и для всего Божьего народа, который оказался в печальном положении.

Наконец наступило время суда. Процесс длился четыре дня — с 30 июня по 4 июля 1962 года. Свидетелями на суде выступали старший пресвитер Харьковской общины — П. А. Парчевский и пресвитер Дергачёвской общины — И. Т. Рожок (который в своё время отказался крестить юношу, вернувшегося из заключения).

---

* Камера-тройник — помещение для заключённых, в котором содержат не более трёх человек.

Виктора обвиняли по 209-й статье Уголовного кодекса УССР. Во-первых, на него возлагали вину за организацию группы из двадцати молодых баптистов, которых он якобы настраивал против советской власти, призывал не участвовать в общественной деятельности и не исполнять гражданских обязанностей, отказываясь от защиты Родины.

Во-вторых, его обвинили в том, что он под руководством некоего Прокофьева* распространял своё несогласие с Новым положением, адресованным старшим пресвитерам.

В-третьих, он якобы вербовал в свою веру сотрудников на заводе, навязывал им свои понятия.

Тяжким обвинением ложилась на Виктора организация нелегальной группы, которая под видом религиозных убеждений призывала верующих отказываться от общественной жизни и исполнения гражданских обязанностей. Эта же группа якобы обратилась в высшие органы государственной власти СССР с требованием разрешить Всесоюзный съезд ЕХБ.

Все эти обвинения были вымышлены, доказать вину Виктора суд не мог. Да, подсудимый не был согласен с Новым положением, которое предписывало старшим пресвитерам низложить церковь. Да, он ставил свою подпись под ходатайством о съезде, он много говорил об этом с друзьями, его сердце жаждало чистого и святого служения Богу. Но это не было преступлением!

Он никогда никого не призывал не подчиняться власти или же пренебрегать гражданскими обязанностями. Нет и нет! Христиане законопослушны. Но если закон направлен на уничтожение Церкви Божьей, то христиане не будут его исполнять. Бога они будут слушаться больше, чем людей.

Целью атеистической власти было изолировать Мошу, и злые люди сделали это, не брезгуя ложью и клеветой. Однако разлучить его с живым Богом никто не мог, поэтому жребий узника за веру он принял с радостью и был готов умереть, но Господу не изменить.

---

* А. Ф. Прокофьев — член Инициативной группы по созыву съезда.

Бригада сварщиков в колонии строгого режима.
В. К. Моша — сидит второй слева

После суда узника ещё три месяца содержали в той же тюрьме до рассмотрения кассационной жалобы.

Решение суда было утверждено, и Виктору предстояло три года провести в лагерях строгого режима. Михаилу Кривко дали полтора года лагерей общего режима — он пошёл арестантским путём впервые.

Отбывать срок Виктора отправили в лагерь, находящийся в самом Харькове, на Алексеевке. В этот раз он был избавлен от мучительного этапа — из тюрьмы в лагерь перевезли воронком. Работа тоже оказалась по силам — определили сварщиком.

Пользоваться Библией в лагере, как и в тюрьме, категорически запрещалось. Виктор старался ежедневно повторять отрывки Писания, а когда заимел тетрадь — стал их записывать. Он по-прежнему не отступал от своего правила ежедневно петь по утрам и много молиться. Общение с Богом оживляло дух, укрепляло веру, вселяло радость.

Заключённые часто спрашивали его, чему он радует-

ся — здесь ведь совсем неподходящее место для этого!

— У меня источник радости находится в сердце, — отвечал он счастливо. — Господь спас меня от вечной гибели, дал живую надежду на вечную жизнь — как же мне не радоваться?!

Рукоположение и третий срок

В конце декабря 1964 года Виктор вышел на свободу. Друзья встречали его торжественно. Василий Беличенко, поэт из Харьковской общины, написал к его возвращению:

Ты с нами снова, друг и брат,
После тяжёлых лет,
После тюрьмы, после оград,
Где близким входа нет!

Ты не был вор или злодей,
Когда попал туда, —
Ты участь разделил людей
Отверженных всегда.

Страдая как христианин,
Ты кротко крест свой нёс,
И знаем: не был ты один —
С тобою был Христос.

Нет, не ушёл твой пыл, любовь
В молчания страну,
И Бог настраивает вновь
Души твоей струну:

В мажоре братьев и сестёр
Хвалить Творца спеши!
Мы рады, брат, что мир не стёр
Скрижаль твоей души.

Ты всё исследуй и проверь,
Людей к Христу зови.
И место должное теперь
Среди друзей займи!

За три года в церкви произошло немало событий. Братья и сёстры, изгнанные из зарегистрированной общины, стали собираться на богослужения по домам. Но их часто разгоняли, и они вынуждены были искать подходящие места на лоне природы — в основном в лесопосадках за городом.

Вычеркнутые из церковных списков не были отлучёны от Божьей любви. Они регулярно собирались на богослужения, помня обетование Господа: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди них». Они ревностно исследовали Священное Писание, посещали друзей в соседних городах, ездили по сёлам с благовестием.

Неволя не погасила христианской любви и верности в сердце Виктора, и он по-прежнему желал бескомпромиссно служить Богу. Он присоединился к Дергачёвской церкви, которая состояла из христиан, вышедших из зарегистрированной общины. Горя любовью к Богу и Его народу, он чутко замечал переживания ближних и всегда искал возможности помочь, облегчить трудность, принять участие в скорби. Его проповеди всегда касались сердец слушателей и направляли их мысли к небесному.

Летом 1965 года дергачёвцы, проникнутые любовью к заботливому проповеднику, выдвинули его кандидатом в пресвитеры. Иван Яковлевич Антонов, будучи ответственным за Харьковское объединение церквей, охотно поддержал желание местной общины и вскоре рукоположил Виктора Кузьмича на пресвитерское служение.

Блаженный миг! Ощущая прикосновение рук старшего служителя, Виктор Кузьмич распахнул своё сердце для Божьего благословения.

— Дорогой Господь! — молился он. — Ты ради моего спасения не пощадил Своей жизни, Ты был презрен и умалён перед людьми, Ты претерпел позорную смерть, чтобы

исполнить волю Небесного Отца. И я хочу служить только Тебе, творить Твою волю и не уклоняться от Твоих путей. Только с Твоей помощью, Господь, с Твоим благословением...

Как хотелось ему раствориться в Божьей благодати, в Самом Иисусе Христе, и жить только для Него!

Эта молитва была услышана на высоте. Господь многое доверял Своему покорному слуге. Действительно, невидные и незнатные, служители всемогущего Бога занимались весьма великим делом — домостроительством Церкви Божьей, и имели успех, потому что сила Божья способна проявляться в немощи.

В Дергачёвской общине братьев было немного, молодёжи — тоже, и Виктор Кузьмич, стараясь привлечь к служению каждого, сам участвовал во всех мероприятиях. Он всегда был в гуще событий. Например, в период копки огородов его можно было увидеть с группой подростков на участке у пожилых или многодетных христиан. Если кто-то из членов церкви строил дом, Виктор Кузьмич обязательно принимал участие — месить глину и мазать ею стены всегда было делом молодёжи.

Во время работы труженики много пели, повторяли выученные наизусть тексты Священного Писания. Во всём этом Виктор Кузьмич был и инициатором, и участником.

А когда готовились к какому-либо празднику, пресвитер всегда приходил на репетиции и учил молодых христиан декламировать с душой, вдумываясь в слова.

— Я очень рад, что Господь помог мне в юности поверить в Него, принять Его в сердце, полюбить живого Христа, живого Бога, — вдохновенно говорил он молодёжи. — Это великое счастье — познать Бога в юности. Молодость и юность — это прекрасный цветок, который весьма желательно, жизненно необходимо отдать Господу. Он достоин того!

В соседней общине, в Харькове, ещё не было служителя, и Виктору Кузьмичу поручили и там совершать пресвитерское служение. Больше года он, каждый день работая на производстве, разрывался между Дергачами и Харьковом.

Он любил церковь, и служить Божьему народу для него было не тягостно, хотя за это его в любой момент могли спрятать за решётку. Но дважды судимый за веру не боялся тюрьмы. Самое страшное для него было — изменить Господу и нарушить Божьи заповеди.

Это было время жестоких гонений на христиан. Притесняли не только взрослых, но и школьников. У некоторых родителей отобрали детей и определили в интернаты для перевоспитания. В связи с этим в течение 1964 года Лидия Говорун (из Смоленска), Нина Ястребова (из Дергачей) и Михаил Пшеницын (из Москвы) периодически посещали Комитет защиты мира и хлопотали о прекращении репрессий. Они неоднократно подавали заявления председателю Совета по делам религиозных культов А. А. Пузину, ходатайствуя об освобождении узников и возвращении родителям отобранных детей.

В конце 1964 — начале 1965 года некоторых братьев освободили, но многие ещё оставались в заключении. По этой причине в августе 1965 года делегация из 105 человек (50 из них — освободившиеся узники и их родственники) собралась в Москве для встречи с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном.

Целую неделю, с понедельника до субботы, братья и сёстры с утра приходили в приёмную и подавали заявление на встречу. Ответа ждали до вечера. Каждый день постились. Молились там же — вставали на колени прямо в приёмной. Когда в помещение заходили посторонние люди и видели молящихся, некоторые тоже начинали молиться — кто крестился, а кто и колени преклонял.

В конце дня братья покупали колбасу и хлеб, сёстры делали бутерброды, и прямо в приёмной все вместе принимали пищу. Никто не знал, что будет с ними в этот вечер.

Когда приёмная закрывалась, христиане ехали на ночлег в молитвенный дом в Подольске. Организаторы делегации ночевали в Москве, в доме родителей Павла Афанасьевича Якименко.

Проходили дни, а заявление верующих оставалось без ответа. Делегацию неофициально отправляли к уполномоченному Совета по делам религиозных культов, угрожали неприятностями за неподчинение.

В четверг, ближе к вечеру, приёмную закрыли, и к верующим вышел наряд милиции — человек тридцать, в основном офицеры. Они стали жестоко избивать братьев и сестёр. Били безжалостно: как хотели и куда хотели. Требовали уезжать по домам, угрожали арестом.

Невзирая на угрозы, братья и сёстры пришли в приёмную и в пятницу. Просили встречи с Микояном. В тот день решили не уходить, пока ходатайство не будет удовлетворено.

Часов в одиннадцать утра появился усиленный наряд милиции, и в приёмную вошёл Генеральный прокурор Р. А. Руденко. Он сказал, что некомпетентен решать вопросы данной делегации, и посоветовал обратиться к уполномоченному Совета по делам религиозных культов.

А в субботу в приёмную вышел референт Микояна и объявил, что правительство приняло решение встретиться с пятью представителями делегации через месяц, 22 сентября. На этом все разъехались по домам.

Через месяц встреча с Микояном действительно состоялась. Он принял Н. Г. Батурина, П. А. Якименко, В. И. Козлова, И. Д. Бондаренко и Л. К. Говорун. Они представили документы и фотографии, свидетельствующие о разрушении молитвенных домов, а также списки узников-христиан. Микоян пообещал заняться этим вопросом. Однако через месяц его сняли (или же он вышел на пенсию), и всё осталось без изменений.

Виктор Кузьмич возвращался тогда из Москвы предельно уставший. Неделя поста давала о себе знать. Но дух его пламенел любовью к Богу. С аэровокзала, вместе со служителем из Мерефы — М. С. Кривко, Виктор Кузьмич отправился на общение детских работников. В целях конспирации оно проходило с двенадцати часов ночи до пяти утра. На этом общении присутствовал И. Я. Антонов.

Казалось, Виктор Кузьмич гораздо больше других служителей понимал важность работы с детьми. Он был буквально поглащён мыслями о том, как передать детям евангельскую весть. Как привить им любовь к Священному Писанию? Как сохранить этих «ягнят», чтобы они не стали добычей врага человеческих душ?

Забота о духовном состоянии детских работников, руководство которыми было поручено Виктору Кузьмичу, побуждала его искать материалы для публикации, молиться о каждом труженике, продумывать планы проведения семинаров. Организация этих семинаров была уголовно наказуема. Однако слушать людей больше, чем Бога, Виктор Кузьмич считал преступлением. Он готов был платить любую цену, лишь бы Божье дело процветало — в церквах не умолкали детские голоса, а родители и друзья, занимающиеся с детьми, всё более укоренялись в Божьей любви и утверждались в вере.

Детские работники нуждались в духовной литературе, в пособиях для занятий с детьми. Под руководством Виктора Кузьмича были обработаны и отпечатаны на гекто-

графе такие брошюры и книги как: «Воспитание молодых побегов», «Правила пересаживания живых мыслей», «Обучение к служению». Для детей тоже издавалось немало книг. Вышла серия рассказов «Детский друг», нотный сборник «Из уст младенцев».

Эта книжка была цветной

Желающие трудиться были всегда. Многие братья и даже сёстры, несмотря на угрозу ареста, живо участвовали в Божьем деле. Издавая книги для детей, труженики хотели сделать хотя бы одну с цветными картинками. И у них получилось! Хотя и в небольшом количестве (труд был весьма кропотливый), цветные книги порадовали детей.

Не раз и не два Виктор Кузьмич посылал сестёр к друзьям на Кавказ учиться печатать на гектографе, а опытных сотрудников отправлял в другие регионы, чтобы они и там научили желающих размножать необходимый материал.

Переплетали книги своими силами. Виктор Кузьмич неустанно искал и находил и тружеников, и помещения для работы, и тех, кто поставлял всё нужное для труда.

Он заботился о духовном росте детских работников и приглашал на семинары талантливых проповедников, старался разнообразить преподавание материала.

— Работник Божьей нивы должен много молиться, — учил он, и его негромкий голос обычно проникал глубоко в сердце. — Мы обязаны молиться и за детей, причём за каждого в отдельности, и за их родителей...

Виктор Кузьмич советовал сотрудникам выделять один день в неделю для особого общения с Богом — ничего не делать, а только молиться, петь и читать Библию.

На семинарах он нередко предлагал петь на коленях. Это особое поклонение Богу вызывало трепетное желание всецелого посвящения Господу. «Ближе, Господь, к Тебе», «Услышь мольбу и вздох», «О наш Отец на небесах!» и другие молитвенные гимны наполняли души братьев и сестёр особым благоговением, и каждый мог очами веры увидеть своего Господа как Отца и милосердного Бога.

С детьми в те годы занимались в основном сёстры, и Виктор Кузьмич, зная, что это немощные сосуды в доме Божьем, прилагал много усилий для того, чтобы поддерживать их. Эта забота хорошо чувствовалась.

Узнав, что на одну из сестёр, приехавших на семинар, недавно напал хулиган, когда она поздним вечером возвращалась домой со второй смены, Виктор Кузьмич не преминул подойти к ней.

— Как ты пережила это происшествие? — поинтересовался он.

Семинар занимающихся с детьми, 2000 г.

— Сильно испугалась. Мне до сих пор страшно ходить вечерами.

— Да, страх обычно лишает покоя, — подтвердил Виктор Кузьмич. — Надо от него освободиться.

— Как?

— С помощью Господа, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Постарайся вспомнить всё, что могло огорчить Бога в твоей жизни, скажи об этом, и мы помолимся.

Это на самом деле была молитва веры. Доверие сестры вознаградилось — Господь ответил на её просьбу и избавил от страха, наполнил сердце миром и большой радостью. Не один десяток лет прошёл с тех пор, а сестра не перестаёт благодарить Бога за ответ на молитву и за удивительного служителя, который проявлял так много внимания к ближним.

На семинарах Виктор Кузьмич давал сёстрам задание учить наизусть тексты Священного Писания. Он побуждал молиться — причём не только на семинарах. Он убедительно говорил о том, что каждому труженику необходимо не менее трёх раз в день склонять колени перед Богом и искать с Ним общения. Поститься — тоже очень важно. Пост укрепляет нашего внутреннего человека и обладает большой силой в духовной борьбе.

1966 год ознаменовался новой волной арестов. На апрельском совещании в Киеве служители Совета церквей предложили организовать в мае вторую делегацию.

В назначенный день, в девять часов утра, верующие небольшими группами одновременно направились к зданию ЦК КПСС* на Новой площади в Москве. Образовалась группа около пятисот человек. Христиане хотели добиться встречи с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым или же с членами Политбюро — А. Н. Косыгиным и Н. В. Подгорным.

Во встрече с Брежневым было отказано. Участники делегации ночевали на улице.

---

* ЦК КПСС — Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза, руководящий партийный орган.

Делегация у здания ЦК КПСС, 1966 г.

На второй день в обеденное время к верующим на площади вышли председатель КГБ В. Е. Семичастный и министр внутренних дел В. С. Тикунов. Они властно приказали разойтись в течение пяти минут, в противном случае угрожали разогнать силой.

Столь жёсткое отношение высокопоставленных чиновников не произвело ожидаемого действия. Кто-то из братьев спросил:

— Ну что, друзья, будем умирать поодиночке, на местах, или все вместе здесь?

— Здесь! Мы готовы! — хором ответили братья и сёстры и дружно запели:

За евангельскую веру,
За Христа мы постоим;
Следуя Его примеру,
Все вперёд, вперёд за Ним!..

Буквально через несколько минут на площадь въехали автобусы. Рьяные работники милиции, избивая беззащит-

ных христиан, стали в полном смысле слова забрасывать их в автобусы. Какой-то здоровяк швырнул Виктора Кузьмича с такой силой, что он на лету столкнулся с милиционером, у которого при этом слетела фуражка с головы. Едва Виктор Кузьмич приземлился, как другой блюститель порядка закинул его в автобус.

Битком набитые автомобили отправили вначале на ипподром, а оттуда — в Лефортовскую тюрьму. Более чем на сто человек завели уголовное дело. Обвиняли христиан в том, что они у здания ЦК проводили богослужение и пели.

Виктор Кузьмич находился в Лефортово два месяца.

Лефортово — необычная тюрьма. В камерах тишина. Радио там нет, как в других тюрьмах, где его в шесть утра включают и в десять вечера выключают. В Лефортово полнейшая изоляция от внешнего мира. В коридорах лежат ковровые дорожки. Надзиратель подходит к глазку, чтобы заглянуть в камеру, совершенно бесшумно. Двери в камеру открываются очень тихо.

В Лефортово заключённых не стригут наголо. Бреют раз в неделю. Дают книги для чтения. Виктор Кузьмич выучил там несколько стихотворений, которые пришлись ему по душе. Одно из них «Луна»:

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье Божией десницы?..

Так! может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи, —
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь подъемлют очи!

Следователи в Лефортово понимали, что имеют дело с честными людьми, и особых допросов не чинили. Трудности и переживания к Виктору Кузьмичу пришли с другой стороны.

«Не надо было ехать в Москву в этот раз, — стал он горевать. — Остался бы дома и избежал тюрьмы. Отец совсем беспомощный, кто теперь поможет ему?»

Дважды в месяц Виктор Кузьмич исправно ездил к отцу в деревню — возил ему продукты, помогал по хозяйству. После смерти матери тот жил один и, конечно же, нуждался в помощи.

Виктор Кузьмич затосковал, да так сильно, что лишился самого дорогого — общения с Господом. Молитвы его стали сухими, однообразными, песни — тоскливыми, будто и не за что благодарить, будто нечему радоваться.

«Что со мной происходит? — встрепенулся он однажды. — Где я споткнулся? Где потерял общение с моим дорогим Господом? В чём причина моего уныния?»

Внешне всё выглядело неплохо — на допросы его вызывали редко, в камере он был один. Можно было наслаждаться размышлениями о Господе, вспоминать тексты Писания, петь. Но... куда делись духовные силы?

«Боже, открой, почему мне так тяжело? Что я делаю не так? Направь меня на верный путь...» — искренне просил он Небесного Отца.

И Господь открыл ему, что причина уныния кроется во внутреннем протесте, в нежелании идти путём страданий. Виктор Кузьмич ясно понял, что Богу угодно, чтобы Его раб пошёл в тюрьму ещё раз и дополнил меру мучений Церкви Христовой. Поняв это, он искренне оплакал свой грех, попросил прощения и сказал:

— Боже живой и праведный! Веди меня тернистым путём, если на то Твоя святая воля. Дай сил всё перенести мужественно и твёрдо. А заботу об отце доверяю Тебе, Всемогущему...

И узник воспрянул духом. Господь вновь наполнил его покоем, благодатью и утешением. От всей души он стал воспевать своего Господа и Спасителя, укрепляясь в вере и надежде.

Судить участников делегации оказалось не за что, и многих братьев и сестёр отпустили домой. А Виктора Кузь-

мича этапировали в Харьков. Там нашли, за что можно осудить. Шесть месяцев длилось следствие.

Виктор Кузьмич шёл своим путём безропотно. Черпая силу в вечном источнике, он каждое утро пел около десяти гимнов и часто молился, преклоняя колени в дальнем углу камеры.

Тройники хороши тем, что в них мало людей. Кто-то не выдерживал таких условий, а Виктор Кузьмич находил в них радость — в тишине он много размышлял о слове Божьем, о церкви, много молился.

Однажды в камеру завели преподавателя марксистско-ленинской теории. Это был не просто образованный человек, а изнеженный, единственный сын богатых родителей. Его отец работал директором треста столовых, и сыну, как говорится, только птичьего молока недоставало. Не один год он учил студентов, что коммунизм — это рай. А когда его отправили в тюрьму, он понял, что попал в ад.

Три месяца два идеолога находились вместе. Марксист не пытался переубеждать Виктора Кузьмича. Напротив, он с интересом прислушивался к пению, вникал в слова, а через время признался:

— Я очень доволен, что попал с вами в одну камеру. Когда меня посадили, я думал, что сойду с ума. Ко мне подсылали наседок, но я их всех быстро разоблачал — не зря ведь учился на юриста. А с вами мне было хорошо. Никогда не думал, что в тюрьме люди могут петь. Ваше пение возвратило меня к жизни. Спасибо вам!

Виктор Кузьмич не всегда пел охотно. Случались дни, когда ему совсем ничего не хотелось, душа была близка к унынию, тоскуя по свободе и общению с друзьями. Однако узник знал, что все недомогания надо преодолевать. Он вставал на колени, просил у Бога благословения и начинал петь. Одну песню, вторую, третью... А песня, словно лекарство, под действием Святого Духа может исцелять и оживлять душу. Надо только осмысленно петь. Бывало, и молиться не хотелось — не знал, что сказать Богу. Но он всё же преклонял колени и становился свидетелем чуда — его душа обретала силу! Господь ведь Сам сказал: «Открой уста твои,

и Я наполню их». Этому слову Виктор Кузьмич искренне верил, и Божье обещание неизменно исполнялось в его жизни.

В январе 1967 года состоялся суд. Виктора Кузьмича приговорили к трём годам лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима. Через три месяца его отправили в Черкасскую область, в каменный карьер, на добычу мрамора.

Среди прочих трудностей Виктора Кузьмича сопровождало одиночество. На свидание к нему лишь изредка приезжала сестра. Не потому, что друзья не хотели. Нет, многие желали посетить узника, но свидание разрешалось только с родственниками. А у него все они были неверующие — и брат, и сестра, и больной, престарелый отец. Ездить на свидания им было и некогда, и стыдно.

Ближайшие родственники Виктора, хотя и неверующие, тоже подверглись гонениям со стороны властей. В Ганновку, где проживала старшая сестра, приехали однажды представители власти из города. Они вызвали Нину на беседу и авторитетно утверждали, что Виктор Кузьмич не признаёт коммунизм, выступает против государственного строя, и будет хорошо, если родные откажутся от него, как от брата. За это обещали всякие поощрения на работе. Бесчестное и жестокое требование старались сгладить объяснением, что Виктору Кузьмичу, возможно, это пойдёт на пользу и он оставит своё сумасбродство.

Бумага об отказе была уже готова, её надо было только подписать. Нина не стала этого делать.

— Голод унёс из жизни мою сестрёнку, война забрала двух братьев, и вы теперь предлагаете мне так несправедливо поступить с родным человеком?! Нет, Витя — мой лучший брат! Я не верю, что он может выступать против советской власти. Нет и нет! Он очень добрый, законопослушный человек. Да, он верит в Бога, но вера ведь не запрещена в нашей стране!

— Зря вы так защищаете своего братца. Зря... — с расстановкой проговорил лысеющий чекист и угрожающе добавил: — Вам это может дорого обойтись. Подумайте о своих детях, об их будущем...

Нина задохнулась от негодования. Она готова была выплеснуть свой гнев, но благоразумие взяло верх. Тяжело вздохнув, женщина промолчала.

Угроза должностного лица оказалась не пустой: Нина никогда не получала на работе ни премии, ни поощрений, несмотря на то что у неё было трое детей. Когда она, например, просила в колхозе машину, чтобы перевезти урожай с поля, или же хотела выписать стройматериал, как это делали односельчане, ей всегда отказывали.

И только Виктор Кузьмич никогда не забывал сестру и любимых племянников. Находясь на свободе, он часто ездил к отцу и всегда был желанным в семье Нины. Из Харькова он непременно вёз мальчикам и одежду, и обувь, и разные гостинцы.

Нашли чекисты и Володю Мошу, проживающего в Мариуполе. Ему тоже предложили отказаться от брата-баптиста. Надеясь на повышение в должности и возможность лучше устроиться, Володя подписал предложенный ему документ.

Родные и любимые племянники

В карьере Виктор Кузьмич работал каменотёсом. Зимой было трудно — целый день на холоде. А летом — хорошо. В карьер заезжали машины за камнем, и через водителей друзья нередко передавали дорогому брату продукты. Это было ярким свидетельством христианской любви. Не обходилось, правда, и без казусов.

Однажды Виктору Кузьмичу сообщили, что он должен забрать передачу в условленном месте. Он пошёл за ней вместе с заключённым, который сильно навязывался ему в товарищи.

В прошлом этот человек занимался колдовством, но хотел избавиться от этого тяжкого порока. Виктор Кузьмич заучивал с ним стихи из Библии, желая помочь освободиться от дьявольской зависимости. Этот человек иногда рассказывал, как бесы заставляют его делать зло. После таких признаний дьявол сильно мучил несчастного, и он шёл за помощью к Виктору Кузьмичу. Три раза он каялся в своих преступлениях, но порвать с прошлым было нелегко.

Каким-то образом оперативные работники узнали, что баптисту что-то передали, и следили за ним. Он, естественно, не знал об этом. Отдав часть передачи товарищу, он остальное понёс сам — письмо, деньги, колбасу и сало. Когда Виктор Кузьмич подошёл к своей бригаде, надзиратель уже ждал его.

— Что прячешь? — спросил он хитро и сразу же стал обыскивать узника.

Найденные колбасу и сало он отдал заключённым, а письмо и деньги положил себе в карман. Виктора Кузьмича срочным порядком отправили в штрафной изолятор.

— Гражданин начальник, пожалуйста, отдайте мне моё письмо! — стал он упрашивать надзирателя.

— Не-е-ет, — чуть ли не потирая руки от удовольствия ответил тот, — это же криминал! Жди неприятностей...

Он передал письмо дежурному по лагерю, который замещал в то время начальника.

В тот раз Бог сделал чудо. Дежурный прочитал письмо и равнодушно сказал:

— Тут ничего особенного нет, всё только религиозное!

Дело было осенью, в конторе горела печка, и он бросил в неё письмо. Так оно не попало в руки КГБ!

Деньги передали начальнику отряда. Тот был расположен к Виктору Кузьмичу, потому что заключённый, имея красивый почерк, часто помогал ему писать разные документы.

— Ну что, я должен тебя наказать, — задумчиво сказал начальник отряда. — Не положено получать таким образом деньги и передачи... Ладно, ограничимся личным выговором. В следующий раз будь осторожнее!

Работать в каменном карьере было нелегко, но Бог не оставлял Виктора Кузьмича без помощи. Передачи от друзей поддерживали его физические силы, и с Божьим благословением он дождался освобождения.

М. С. Кривко и В. К. Моша (первый и второй справа) после долгой разлуки с церковью

Создание семьи и служение в церкви

Власти упрятали за решётку многих служителей и проповедников, однако гонимая церковь, Невеста Иисуса Христа, была жива. Как ни пытались безбожники притеснять верующих и разгонять их мирные богослужения, успеха они, можно сказать, не имели. За исключением того, что лишали христианские общины руководящих братьев и проповедников.

Отделённые общины в Харькове и Дергачах росли количественно, но братьев было очень мало, и читать слово перед молитвой нередко приходилось сёстрам. Хотя бывали и особенно благословенные собрания, когда приезжали гости из других церквей и проповедовали только братья.

Ответственным служителем в Харьковской области был Пётр Сергеевич Зинченко. Когда он посещал дергачёвцев, сёстры всегда спрашивали его о том, что их больше всего волновало или было им непонятно. Однажды они спросили, можно ли сёстрам проповедовать, не нарушают ли они таким образом заповеди Божьи?

С присущим ему оптимизмом он вдохновенно и пророчески сказал:

— Когда у вас будет сорок братьев, тогда такие вопросы перестанут вас волновать.

И это слово сбылось. Церковь постепенно росла, пополнялась молодыми христианами, юноши становились пламенными проповедниками Евангелия.

В 1970 году разделить одиночество служителя, полагающего свою душу за Божий народ, согласилась скромная сестра из Дергачёвской общины — Нина Михайловна Синюгина. Виктор Кузьмич остановил на ней выбор, увидев её богобоязненность и любовь к Господу.

21 июня в Дергачах, в многолюдном собрании на садовом участке Синюгиных, прошло бракосочетание Виктора Кузьмича и Нины Михайловны. Божье благословение на них призывал один из старейших служителей Харьков-

ского объединения — Василий Фёдорович Сыромятников.

Тихая радость в сердце жениха смешивалась с искренней благодарностью Господу за подругу, которая станет ему верной помощницей во всех жизненных невзгодах. Наконец он избавится от скитания по квартирам, от холостяцкого перекусывания на бегу и прочих проблем. Теперь у него есть любимая, которая всегда будет ждать его возвращения домой, будет заботиться о нём, а он, как и положено супругу, будет печься о ней и оказывать честь, как сонаследнице вечной жизни.

Радостное событие в жизни Виктора Кузьмича. Его друг — В. А. Ляшенко, ставший служителем в одной из Харьковских общин. Подруга невесты — Нина Шафоростова...

День бракосочетания, подобно всем праздникам, прошёл очень быстро. Настали будни. Забота о деле Божьем у Виктора Кузьмича по-прежнему была на первом месте, поэтому по общению с женой нередко приходилось тосковать, домашние обязанности нетерпеливо выстраивались в очередь, а усталость и недосыпание безжалостно разрушали некрепкое здоровье.

Виктор Кузьмич не оставлял одинокого отца. Раз в месяц он обязательно проведывал его, отвозил ему продукты и помогал по хозяйству. Делал он это охотно, надеясь на

то, что сердце отца смягчится и он повернётся к Богу лицом, признав Иисуса Христа своим Спасителем. Но, к сожалению, этого не произошло.

В 1973 году Кузьма Михайлович ушёл в вечность, так и не примирившись с Богом. С несказанной скорбью Виктор Кузьмич проводил его в последний путь.

После похорон отца поездки на Сумщину не прекратились. В Сумах свирепствовали особенно жестокие гонения на христиан. Недруги наблюдали за каждым домом, где проживали верующие, и каждое собрание заканчивалось разгоном. Служителя в поместной церкви не было, а шестеро проповедников томились в неволе.

Виктор Кузьмич прилагал много усилий к тому, чтобы поддерживать сумчан. Он любил Божий народ. Ему очень хотелось, чтобы каждый мог иметь живое общение с Господом и в Нём черпал для себя жизненную силу. Но далеко

Харьковский областной совет служителей (1973 г.).
Сидят: М. С. Кривко, В. Ф. Сыромятников, В. Н. Забава, Л. Т. Мынко.
Стоят: Е. М. Якименко, Н. П. Лисогуб, В. К. Моша.

не так было в церкви. Среди народа Божьего было немало немощных и больных, и добрый пастырь всегда спешил на помощь — кому-то перевязать раны, кого-то ободрить или утешить, кого-то вытащить из вражеских силков, кому-то помочь сбросить греховную ношу, а кого-то освободить от сатанинских цепей...

Виктор Кузьмич был жертвенным человеком. Забыв о себе, он вставал в проломе, не думая о последствиях.

В середине 1970-х годов верующие во всей округе знали, что поехать в Сумы — значит сесть в тюрьму. И туда мало кто ездил.

В Сумах разгоняли не только молитвенные собрания и воскресные богослужения, но даже бракосочетания. Возможно, читателю двадцать первого века в это трудно поверить, но так было, и если кто-то говорил, что придёт время свободы и можно будет без всяких препон молиться Богу, петь и проповедовать, то этому трудно было поверить.

Да и как представить такое?! Едва жених и невеста подавали заявление в загс, спецслужба, можно сказать, не спускала их с глаз, желая выследить, где и когда молодые встретятся со служителем. Казалось, сумские власти решили изолировать христианских руководителей от общества, не ведая о том, что есть Высшая Власть, перед которой все остальные совершенно бессильны.

И при этом Божья Церковь жила. В ней совершалось всё, что заповедал Господь Своему народу — в ней совершалась воля Всевышнего.

В самый сложный период гонений Виктор Кузьмич проводил бракосочетания в Сумах не по привычной схеме. Брат и сестра, которые решили вступить в брак, представали перед церковью, и благословение на их совместную жизнь призывалось до того, как они подадут заявление в загс. Это происходило в узком кругу родных и самых близких друзей. А уже после росписи в загсе, когда власти начинали следить за каждым шагом жениха и невесты, начинались приготовления к свадебному торжеству. Обычно ставили палатку, чтобы поместились гости, и готовился

обед. Правда, присутствовать на брачном пире приходилось далеко не всем. Милиция зачастую разгоняла собравшихся, не останавливаясь ни перед чем.

Такое случалось не только в Сумах, и не одна невеста долгие годы хранила платье, изорванное и испачканное грязью (если была непогода в день бракосочетания), как память о том, что пришлось перенести ради Господа.

Однажды в тех же Сумах Виктор Кузьмич попал в сложную ситуацию. Утреннее богослужение уже подходило к концу, как вдруг сёстры, наблюдающие за происходящим вне дома, сообщили, что едет милиция. Служителя быстро вывели через чёрный ход на огороды, дали ему в руки тросточку и благословили в путь. За огородами протекала речушка — в жару полувысохшая, затем начиналось болото, а за ним — лес.

Опираясь на тросточку, Виктор Кузьмич довольно быстро дошёл до болота. Перепрыгивая с кочки на кочку, он всё же изрядно промок и испачкался. Выбравшись наконец на поляну, радостно поблагодарил Господа за благополуч-

Любитель природы

ный исход и, услышав шум проезжающего вдалеке поезда, сориентировался, как пройти через лес к железной дороге.

Радуясь, что избежал ареста, Виктор Кузьмич стал тихо напевать любимый гимн: «Ближе, Господь, к Тебе...» Впереди показалось небольшое строение, похожее на сторожку. Неожиданно из неё быстро вышли два милиционера.

— Кто вы и как здесь оказались? — строго спросил один из них.

«Неужели я попался?!» — первое, что промелькнуло в голове служителя. Но вслух, глядя в глаза блюстителю порядка, он сказал:

— Иду на станцию. Пошёл напрямик да увяз в болоте...

Он посмотрел на испачканные туфли и попытался стряхнуть с брюк грязь.

— А вы знаете, что здесь запретная зона? — спросил милиционер.

— Нет, не знаю, — огляделся Виктор Кузьмич.

— Это территория водокачки. Она находится под охраной, и заходить сюда посторонним запрещается!

Видя, что перед ними простой, бесхитростный человек, работники милиции провели его к сторожке и позволили немного обсохнуть и привести себя в порядок.

Виктор Кузьмич не переставал удивляться Божьей защите. Как хорошо находиться под кровом Его милосердия и благодати!

Немного передохнув, он поспешил на станцию и благополучно вернулся в Харьков.

Гонения не утихали. В 1980 году несколько общин в области зарегистрировались, и давление на незарегистрированные церкви невероятно усилилось. Виктор Кузьмич, как пресвитер, чуть ли не каждый месяц отбывал краткосрочное заключение — либо десять, либо пятнадцать суток.

Собираясь на богослужение, Нина Михайловна не забывала напомнить:

— Витя, одевайся потеплее, кто знает, когда вернёшься домой.

В КПЗ всегда холодно — там нары голые, солнце туда

Редкие минуты (дома, вместе с Ниной Михайловной)

никогда не проникает. Мытарства в камерах изнуряли, и Виктор Кузьмич сильно уставал.

Однако правом на отдых он, похоже, пренебрегал. Некогда было думать о себе. Возмужавший в трудностях, испытанный временем, Божий служитель принимал на себя всё новые и новые обязанности в церкви. Он ревновал об успехе Божьего дела не только в области, но и во всём Харьковском объединении, спешил помочь всякому, кто нуждался в поддержке.

Он много заботился о том, чтобы богослужения проходили постоянно, чтобы никто не устрашился гонений, не отпал от веры, чтобы церковь устояла в испытаниях.

Как пресвитер, Виктор Кузьмич нередко молился об исцелении больных, и молитва веры исцеляла! С глубоким сочувствием он относился к немощным в вере, к тем, которые дали в своём сердце место дьяволу. Чтобы помогать таким христианам, Виктору Кузьмичу приходилось много поститься и взывать к Богу о милости. Этот напряжённый

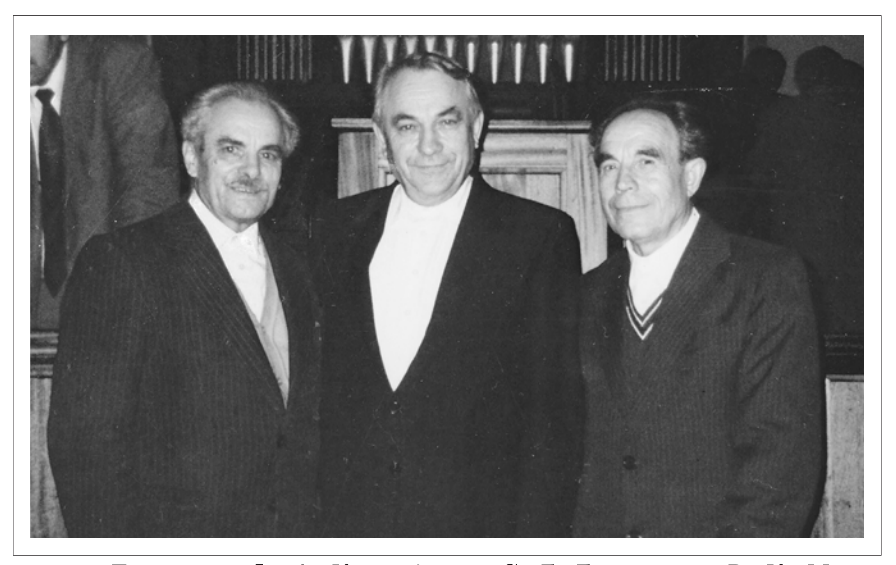
труд был нелёгким, но любовь к детям Божьим помогала всё преодолевать.

Виктор Кузьмич знал ценность молитвы. С ранней юности он упражнялся в молитвенном служении и до старости не ослабел в нём. Ещё в молодости он заключил так называемый молитвенный союз со своими близкими друзьями, с сотрудниками на Божьей ниве. Братья молились друг о друге, причём постоянно. У Виктора Кузьмича был список, с кем он заключил такой договор. При встрече он нередко спрашивал того или иного брата:

— Ну как ты, молишься обо мне? — и улыбался в ответ: — Я тоже молюсь о тебе.

И это была правда. В молитве Виктор Кузьмич находил отраду и наслаждение. Перед Божьим лицом он вдохновлялся на жертвенное служение и получал от Бога всё необходимое.

Готовность церкви к встрече с Господом представляла для Виктора Кузьмича огромную важность. Ни сил, ни времени он не жалел для того, чтобы питать христиан здоровой духовной пищей. Он побуждал проповедников

Друзья — Ф. А. Коркодилов, С. Г. Германюк, В. К. Моша

и руководителей молодёжи более тщательно готовиться к проповеди, ценил одарённых проповедников и предлагал им проповедовать как можно чаще.

При всяком удобном случае он напоминал братьям и сёстрам, насколько важно украшать свой дом текстами Священного Писания. Это живое слово должны читать и запоминать дети, гости и все, входящие в дом. Он и сам это практиковал — краткие и лаконичные, вечно живые слова можно было увидеть в каждой комнате его скромного жилища.

Виктор Кузьмич заучивал наизусть не просто отдельные стихи из Библии, но целые главы и даже книги. Учил не только в тюрьме, где обычно много времени. Работая в Дергачах, он ходил на завод пешком. Это не так уж и близко. По пути он всегда что-то учил. Знал наизусть почти всю Книгу Откровение, Послание Иакова, Послания Петра и Иоанна, многие псалмы из Псалтыря, главы из пророческих книг.

Он часто посещал молодёжные собрания и неустанно напоминал юношам и девушкам о том, что Божье слово необходимо учить наизусть, объяснял важность и ценность этого сокровища.

В 1981 году с Виктором Кузьмичом, в очередной раз отбывающим пятнадцать суток, более двух часов беседовал Фесуненко — подполковник КГБ из Киева. С ним был ещё один работник КГБ, который ничего не говорил, но внимательно наблюдал за выражением лица собеседника, за его реакцией на вопросы.

Они посадили служителя в свою «Волгу» и старались внушить ему, что руководство братства обманывает верующих и недостойно уважения. Фесуненко много говорил о служителях Совета церквей, о Геннадии Константиновиче Крючкове, утверждая, что все они плохие люди и действуют совершенно неправильно.

— Если они плохо ведут дело и вы это понимаете, то обратитесь скорее к Богу и покажите, как надо делать хорошо и правильно! — нашёлся Виктор Кузьмич.

Праздник Жатвы в лесу, 1979 г.

Подполковник тут же вспыхнул:

— Склоняешь меня к сотрудничеству?! Я так не поступаю...

— А что мне остаётся делать? — бесхитростно улыбнулся Божий служитель.

С гневом и откровенным разочарованием его вернули в камеру.

Праздник Жатвы в 1981 году дергачёвцам не дали отпраздновать. Подогнали большой автобус и, после того как всех переписали, тридцать человек силой увезли в отделение милиции.

Праздничные песни, не спетые на богослужении, звучали теперь под сводами государственного учреждения:

Здесь и там поля белеют,
Глаз не видит им конца.
Ждут колосья золотые
Рук усердного жнеца...

В отделении милиции, пока в верхах совещались, что делать с необычными «преступниками», они продолжали петь уже по просьбе работников, которые выглядывали из своих кабинетов.

Сей доброе семя всегда,
Пожнёшь, что посеял тогда.
День жатвы придёт, не замедлит —
Пожнёшь, что посеял тогда!

— Что плохого мы сделали вам? За что вы нас преследуете? — спросил Степан Григорьевич Германюк у начальника милиции.

Тот не смог промолчать:

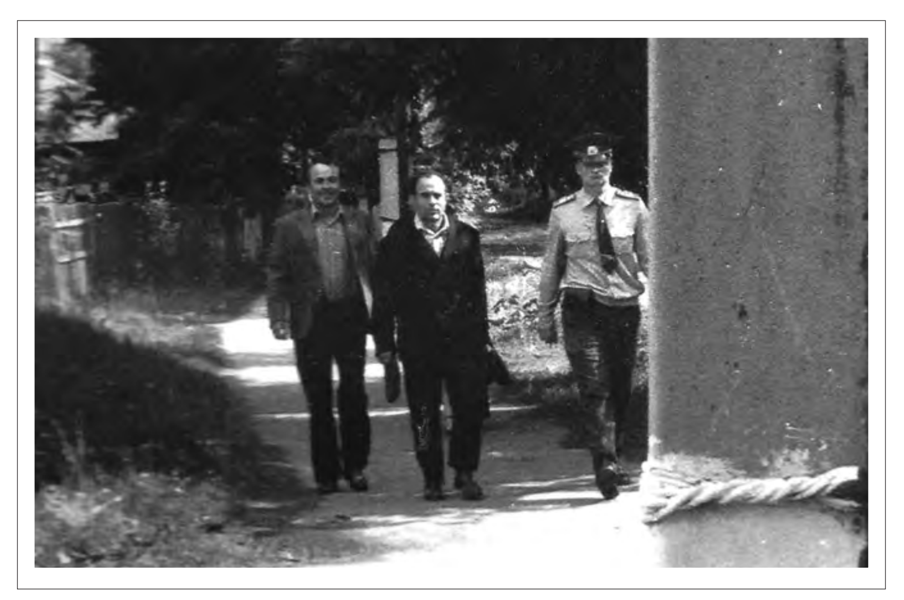
— Я — солдат, что мне приказывают, то выполняю...

Из тридцати братьев и сестёр десятерых осудили на пятнадцать суток.

К тому времени в дергачёвской общине насчитывалось уже около сорока братьев. Был у них служителем и хорошо известный во всём братстве Степан Григорьевич Германюк, которого власти тоже никогда не оставляли в покое за его верность евангельским заветам. Церковь росла. Христиане регулярно собирались вместе, чтобы прославить Господа, хотя враги дела Божьего неистово препятствовали этому.

В день Жатвы Виктор Кузьмич попал в заключение вместе со Степаном Григорьевичем. В отделении милиции, куда их привезли, работал завхозом человек, с которым Виктор Кузьмич когда-то сидел десять суток. Мужчина любил выпить, из-за чего и попал в КПЗ, но потом он остепенился и устроился завхозом в отделение милиции. Это был умный человек. Он уважал Виктора Кузьмича и понимал, что верующих преследуют незаслуженно. Занимая должность завхоза, он старался оставлять заключённых христиан у себя и подыскивал им работу полегче.

Виктора Кузьмича и Степана Григорьевича завхоз определил в кочегарку — стояла осень, и надо было топить

После суда. Приговорённых к 15-суточному заключению С. Г. Германюка и В. К. Мошу ведут в КПЗ

печи. Братья наслаждались общением. На свободе им некогда было часами разговаривать, а пятнадцать суток — срок немалый, беседуй сколько душе угодно!

Виктор Кузьмич не отступал от своих правил и ежедневно делал духовную зарядку — по утрам пел не менее пяти гимнов.

В отношении пения Степан Григорьевич ничуть не отставал от своего друга и брата.

— А ты знаешь песню «Бедное сердце...»? — спросил он однажды.

— Нет, не слышал такую, — ответил Виктор Кузьмич. — Наверно, хорошая...

— Я тебе спою, послушай.

Бедное сердце, сколько тревоги
Ты испытало со мной на пути!
Сколько раз, чувствуя тяжесть дороги,
Ты учащало стук свой в груди!

Вот и сейчас ты, почуяв ненастье,
Что собралось над моей головой,
Бьёшься, волнуешься... Знаю, что счастье
Хочешь, чтоб лилось широкой рекой.

Полно, утихни! В мире суровом,
Где суждено нам с тобою шагать,
Больше ты будешь, родное, печально,
Больше придётся терпеть и страдать.

Так ободрись же служением верным,
Путь христианский со мной продолжай,
И своим стуком, тревожным чрезмерно,
Больше меня никогда не пугай!

Виктор Кузьмич не стыдился слёз:

— Это же моя песня! Это про моё сердце! Давай вместе споём! Я хочу выучить её.

Он быстро запомнил слова, уж очень сильно они понравились ему, потому что выражали состояние его души.

Четвёртый срок

Нина Михайловна каждый день приходила в отделение милиции, надеясь увидеться с мужем хоть издали. Иногда это удавалось.

— Завтра ты уже будешь дома! — помахала она ему рукой. — Как раз в твой день рождения. Я жду тебя!

Пятнадцать суток заканчивались 9 ноября.

Утром вместо развода на работу всех братьев отпустили домой. Виктора Кузьмича совершенно неожиданно оставили в камере. Внутри у него всё похолодело: что это значит?.. В глубине души он знал, что его ждёт.

Степан Григорьевич подошёл к решётчатым дверям камеры и сердечно помахал на прощанье рукой:

— Крепись, дорогой, Господь будет с тобой!

Виктор Кузьмич заплакал.

Слёзы — души отрада.
Прятать не нужно слёз.
Плачут Господни чада,
Плакал Иисус Христос...

Как долго продолжалось смятение и боль сжимала сердце — знает Господь. Со временем Божий служитель утешился общением со своим Возлюбленным, положился на Его всемогущество. Боль разлуки улеглась, и сыновнее доверие Небесному Отцу заполнило душу.

Нина Михайловна после работы поспешила в милицию. Наконец-то закончится вереница долгих и тоскливых вечеров без любимого мужа в доме!

Сегодня — встреча! Сегодня день его рождения! Какой радостный и счастливый будет вечер!

А вот и отделение милиции.

Войдя в здание, она совершенно неожиданно почувствовала, как в один миг исчезла сладость ожидания встречи.

— Вашего мужа увезли в тюрьму, — словно гром с ясного неба, прозвучало сообщение дежурного.

— Как?! — вскрикнула Нина Михайловна.

Сердце неистово заколотилось, ноги подломились, будто ватные.

Через минуту, утирая слёзы и ничего не видя перед собой, она поплелась домой. Будто во сне, села в электричку и чисто механически вышла на своей станции.

Моросил дождь. Осенний холод вызывал мелкую дрожь, подчёркивая тоску и одиночество. Дома её никто не ждал (детей у них не было). И долго ещё никто не будет ждать. Арест — это многолетняя разлука.

Печальные мысли легли на сердце скорбным покрывалом: «Одиннадцать лет мы женаты, и ни одного спокойного дня не вспомнить... Ему вообще некогда жить для себя, для семьи. Работа, собрания, беседы с больными и

нуждающимися в помощи, поездки в другие церкви, бесконечные аресты на пятнадцать суток...»

Нина Михайловна вспомнила о лестнице в подполье.

«Как будто чувствовало моё сердце...» — вздохнула она.

Живо всплыла в памяти пятница перед праздником Жатвы. Один брат из церкви пришёл помочь Виктору Кузьмичу заменить сгнившую лестницу в подвал. Решили поставить металлическую. Провозились целый день — хотели сделать красиво и прочно.

Ближе к вечеру Нина Михайловна сказала:

— Витя, может, ты не пошёл бы сегодня на собрание? Закончил бы эту работу, а то — кто знает, придёшь домой или не придёшь...

— Нет, дорогая, собрание оставлять не будем, пойдём обязательно, — без раздумий ответил он.

В тот вечер они благополучно вернулись домой.

В субботу закончить лестницу не получилось — Виктора Кузьмича пригласили в соседнее село помолиться об исцелении тяжелобольного. А в воскресенье был праздник Жатвы, после которого Виктора Кузьмича вместе с другими братьями посадили на пятнадцать суток.

— Теперь ему дадут не меньше трёх лет... — прошептала Нина Михайловна, открывая ключом дверь.

Не раздеваясь, она опустилась на колени и дала волю слезам. Она обратилась к Небесному Отцу без слов — их не было. Измученная душа искала Божественного утешения и сил, чтобы перенести всё предстоящее.

Виктора Кузьмича поместили в камеру-тройник. Ему вновь предстояло пройти через допросы, следствие, суд.

В камере уже несколько дней находился необычный заключённый — майор КГБ. За что этот большой начальник попал в тюрьму, Виктор Кузьмич так и не узнал.

Перешагнув порог, христианин поздоровался, подошёл к свободным нарам и встал на колени. Он от всей души помолился своему Богу, попросил благословения и мужества всё претерпеть ради Него. Не забыл и жену — только

Господь мог поддержать её в нелёгкий час.

После молитвы познакомился с сокамерником.

— Моша?! — удивлённо повторил майор. — Я только слышал о тебе, а теперь и увидел. Но в каких условиях! В каких условиях! — повторил он с досадой.

— Такова жизнь, — развёл руками Виктор Кузьмич. — Есть поговорка: от сумы да от тюрьмы не отрекайся. Никто не знает, что его ждёт завтра.

В тюрьме спешить некуда, и сокамерники могут часами общаться, была бы интересная тема.

Майору КГБ понравился простодушный христианин, и он открыл секрет — кто из сотрудников постарался посадить неугомонного служителя. Рассказал также, что КГБ намерен совершенно уничтожить церковь.

— Это для меня не новость, — беззлобно заметил Виктор Кузьмич. — Если Иисуса Христа преследовали и в конце концов убили, то неудивительно, что это делают и с Его последователями. К этому побуждает исконный враг Бога — дьявол. Мне жаль этих людей. Если они не покаются, их ждёт вечная гибель. Как это страшно! Исправить по ту сторону могилы уже ничего нельзя...

Майору пришлись по душе христианские песни, и он готов был слушать их с утра до вечера. Его сердце тоже жаждало утешения.

Следствие длилось три месяца.

Нападки на верующих не прекращались. Желание атеистов уничтожить церковь не угасало. Но одолеть её они не могли. Христиане продолжали собираться на богослужения, продолжали благовествовать, продолжали воспитывать детей и молодёжь, учить их страху Божьему.

Воскресные богослужения чаще всего начинались ещё до восхода солнца. Пока гонители проснутся, пока найдут собравшихся помолиться, те уже и сами начнут расходиться, радуясь, что беспрепятственно прославили Бога на рассвете дня.

На что только не способна любящая душа! Сколько в ней силы, изобретательности! Она в скорби и в радости,

в жару и холод, в здравии и недомогании стремится служить Спасителю и прославлять Его словом и делом. Иначе она просто не может. Поэтому дети Божьи, движимые любовью, служили Господу и в лихолетье.

Кто только не пытался повлиять на арестованного Мошу и сбить его с выбранного им пути! Но он оставался непреклонным.

— Вас убить мало! — сорвался на крик один из работников КГБ. — Сгноить надо в камерах! Вам нельзя жить в обществе!

— Скажите, какое зло я сделал? — спрашивал Виктор Кузьмич. — Вы же несправедливы не только ко мне, но и ко всем верующим! Не надо так. В Библии написано: «Кто роет яму, тот упадёт в неё».

Охранники, подслушивающие этот разговор, удивлялись, как простой человек может так смело разговаривать с начальником в погонах.

А работники КГБ усиленно искали причину, чтобы дать служителю максимальный срок и надолго оторвать от церкви. Им казалось, что тогда легче будет справиться с остальными верующими в общинах.

В этот раз Виктора Кузьмича обвиняли в агитации детей, вовлечении малолетних в секту. Прямых свидетелей не было, однако органы власти знали, что этот служитель отвечал за работу с детьми во всём Харьковском объединении.

Работа с детьми в Харькове проводилась на высоком уровне. Естественно, враг Церкви Божьей не мог этого перенести и должен был мстить Виктору Кузьмичу за его усердие и старательность.

На удивление, его обвиняли в том, что он подкупал детей — приглашал на собрание за деньги. Нашли и свидетелей этому — секретаря райисполкома* и председателя горисполкома. Виктор Кузьмич потребовал очную ставку, и его повезли в Дергачи.

---

* Райисполком и горисполком — районный и городской исполнительный комитет Совета народных депутатов. Орган исполнительной власти.

Однако столь уважаемое начальство не явилось на очную ставку. Похоже, трудно было властям пойти против совести и лгать, глядя в глаза Божьему человеку.

А Виктора Кузьмича держали в Дергачёвском КПЗ целую неделю. Там он чувствовал себя как дома — все милиционеры были ему знакомы и относились к нему благосклонно. Кто-то по секрету сообщил Нине Михайловне, что её муж в Дергачах, и она спешно принесла ему передачу. Свидания не дали (всё же боялись вышестоящего руководства), а передачу приняли, и это доставило Виктору Кузьмичу немалую радость.

Как всегда, он много пел. Сокамерники слушали с интересом, иногда задавали вопросы. Однажды, спев несколько песен, он почувствовал усталость и крепко уснул. Ему приснился интересный сон: привезли его в колонию и вместо зековской шапки дали меховую, пыжиковую. У него такой никогда не было.

«Как я буду в ней ходить? Мне же за неё голову снимут...» — подумал он и проснулся.

На сердце у Виктора Кузьмича появилась тревога: о чём

Среди своих, среди родных, кому посвящена вся жизнь

этот сон? что предстоит пережить? Сон не выходил из головы, и узник помолился об этом Господу, по обыкновению, всецело доверяя Его водительству.

На 13 января 1982 года был назначен суд. Его устроили на Харьковском заводе «Красный Октябрь», где Виктор Кузьмич работал вагранщиком* последние десять лет.

Начальник цеха был очень умный человек. Он симпатизировал верующему работнику. Близко познакомившись с ним, начальник понял, что христианина притесняют несправедливо, и встал на его защиту. Когда прокурор или работники КГБ вызывали Виктора Кузьмича на беседу, начальник не отпускал его:

— Они не имеют права отвлекать тебя от работы. Если в дороге с тобой что-то случится, я должен буду отвечать. Ты находишься на производстве, и здесь начальник я! Пусть присылают повестку. А без повестки — никуда!

На заводе не раз организовывали антирелигиозные лекции, настраивали рабочих против Виктора Кузьмича. Кто-то верил басням о верующих, кто-то не верил, но в основном баптистов не любили, относились к ним с презрением. Начальник, как мог, старался защитить невинного работника от злых нападок, хотя это было не просто.

— Я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня, — говорил ему Виктор Кузьмич. — Может, мне уволиться?

— Работай, пока всё нормально, — обычно отвечал он.

Но пришло время, когда начальник сказал:

— Знаешь, меня уже врагом народа называют! Дожился. Не могу больше...

Виктор Кузьмич написал заявление и уволился.

На новом месте (тоже на заводе) он проработал всего три месяца, и его арестовали. Однако суд устроили на «Красном Октябре», где он проработал десять лет.

Судебное разбирательство проходило в актовом зале, наполненном совершенно незнакомыми людьми. Удалось пройти только Нине Михайловне и буквально нескольким

---

* Вагранщик — рабочий литейного цеха, обслуживающий печь, в которой плавится чугун.

Виктор Кузьмич в своей стихии

сёстрам, которые умудрились зайти под видом рабочих завода. Всех остальных друзей не пустили.

Братья и сёстры, желающие увидеть служителя и своим присутствием ободрить его, толпились у проходной. Кто-то прятал под пальто цветы — живые гвоздики, чтобы после объявления приговора бросить брату в знак признательности и солидарности.

Прошёл час, другой, но на суд никого не пропустили. Лёгкий морозец стал пробираться под одежду, напоминая, что в ожидании прошло уже немало времени.

В полдень к проходной завода быстро подъехал автобус и несколько милицейских машин. Ничего не объясняя, милиционеры стали сажать верующих в автобус.

— Куда вы хотите нас везти? — спросила уже немолодая сестра.

— Не возражать! — храбро прикрикнул милиционер и подтолкнул её к автомобилю.

Наполнив автобус и несколько уазиков, блюстители порядка повезли поющих христиан в тюрьму.

— Дадут вам пятнадцать суток, так перестанете веселиться! — угрожающе бросил милиционер.

Похоже, он ещё не знал, с кем имеет дело.

Друзья действительно были арестованы и приговорены к пятнадцатисуточному заключению. Но их пение долго ещё оглашало мрачные своды казённого дома.

Тем временем на «Красном Октябре» шёл бесчестный суд. Без всякого сожаления, по сфабрикованному делу, невинного христианина приговорили к трём годам лагерей строгого режима.

В последнем слове Виктор Кузьмич с присущим ему спокойствием и неподдельной добротой в голосе сказал:

— Во всём, в чём меня обвиняет коллегия областного суда, виновным себя не признаю. Мне должно слушать больше Бога, чем людей. Я не достоин тех званий, которые мне здесь давали — организатор, учитель, главарь, дирижёр, запевала. Я всего-навсего христианин, проповед-

ник. А Глава Церкви — Христос. Он создал Церковь, и её никто не одолеет. Так сказано в Библии.

Благодарю Бога за то, что страдаю не как вор или злодей, а как христианин, ведь нам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него.

Благодарю судей за то, что рассматривали дело, воздвигнутое против христианина, а это нелёгкая задача. Когда судили Иисуса Христа, то представителям власти тоже пришлось нелегко — им нужно было правильно определить участь Праведника. Поэтому благодарю судей за то, что терпеливо вникали во все эпизоды дела.

Благодарю увенчанного сединой прокурора за великодушие, проявленное при слушании дела.

Благодарю друзей, с которыми соединён духом и сердцем, за внимание и сострадание ко мне как к узнику. Вы поступили по слову: «Плачьте с плачущими и радуйтесь с радующимися».

Благодарю конвой за то, что, исполняя свой долг, окружил меня, словно разбойника. Когда-то так же поступили с моим Господом — Иисусом Христом.

В отношении срока хочу сказать судьям слова из Библии: «Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его».

После суда местом пребывания Виктора Кузьмича стал посёлок Екатериновка Сарновского района (Западная Украина), где располагался огромный производственный лагерь для заключённых. Там изготавливались сельскохозяйственные машины — погрузчики силоса и сенажа.

Виктора Кузьмича определили в цех окончательной сборки и полгода не могли дать работу по специальности. Ему приходилось выполнять указания начальника: что-то убрать, перенести, подвинуть. Начальник называл его не иначе как «святой».

Первое письмо в лагерь пришло только в апреле. Переписка в колонии строгого режима предельно лимитирована — отправить можно только два письма в месяц. Правда,

получать можно неограниченное количество и писем, и открыток.

В этом лагере Виктора Кузьмича поселили в секцию, где жили бригадиры и мастера — сплошные доносчики. Среди них нашёлся один, называющий себя православным, который стал почему-то вступаться за Виктора Кузьмича и защищать его.

Когда дневальному начальника цеха пришло время освобождаться, отрядный сказал Виктору Кузьмичу:

— Дневальный уходит домой, но вас на его место никто не возьмёт.

Да, христиан считали великими преступниками, врагами народа, опаснейшими элементами общества. Так и Господь Иисус был причислен к злодеям, хотя не сделал ни единого греха.

Оперуполномоченный в лагере обладает высшей властью, это своего рода чекист. А дневальные — обычно были ставленниками оперуполномоченных. Это доносчики, которые должны служить оперативным работникам.

Дневальный делал уборку в кабинете начальника цеха, закрывал в конце рабочего дня его кабинет и цех. Это должно быть доверенное лицо.

Мастер, который уважал Виктора Кузьмича, посоветовал начальнику цеха взять дневальным «святого».

— Этот человек надёжный, ты будешь доволен им, — убеждённо говорил он.

Начальник вызвал Виктора Кузьмича:

— Ты согласен быть у меня дневальным?

— Как решите. Я всего-навсего заключённый. Мой долг — работать аккуратно и честно, куда бы меня ни поставили.

— Хорошо. Будешь мыть пол и убирать в кабинете, выключать везде свет в конце смены и закрывать цех, а также ухаживать за клумбами, чтобы было красиво. И ещё я хочу поставить тебя учётчиком. Эти негодяи всегда что-то напутают, а ты, надеюсь, будешь честно вести бумаги.

Учётчик должен был вести учёт выпускаемых машин, а также деталей, поступающих в цех для сборки.

Целый месяц Виктор Кузьмич работал без проблем. Но вот вышел из отпуска оперативник, ведающий делами верующих в лагере. Он немедленно вызвал баптиста в оперчасть.

— Как вы стали дневальным?! — расшумелся сразу.

— Куда поставили, там и работаю. Я заключённый.

— Не положено вам в таких местах работать!

Все оперативные работники в лагере имели от КГБ тайную инструкцию содержать верующих на самых тяжёлых и грязных работах. Однако начальник цеха воспротивился этому указанию. Он тоже был сотрудником оперативной части, причём очень влиятельным — имел высшее образование, был успешным руководителем.

— Я беру Мошу на поруки, — заявил он. — Сам буду за него отвечать. Не трогайте его!

Таким образом Господь защитил Своего слугу, и он продолжал работать дневальным.

В колониях строгого режима давали только одно личное свидание в год. Нина Михайловна, приехав, сообщила:

— Всем братьям добавляют сроки без выхода на свободу. Похоже, тебя эта доля тоже не минует...

Виктор Кузьмич в свою очередь стал замечать, что за ним внимательно наблюдают и ищут улики, чтобы продлить ему срок.

Художник цеха, с которым подружился Виктор Кузьмич, уверовал. Они часто вместе пели, молились, читали Евангелие. Чекисты, конечно, всё это разузнали и художника взяли в оборот. Они так напугали его, что он не выдержал и написал заявление, будто баптист втянул его в свою веру. И ещё пять человек под давлением оперативников написали заявления, что Моша агитировал их. Так собирался материал для того, чтобы добавить срок. Художника перевели в другой цех.

Виктор Кузьмич продолжал выполнять свои обязанности. Когда заканчивалась вторая смена, он выключал в цехе всё оборудование, выключал свет, всё замыкал и шёл в свою каморку. Там он наслаждался общением с Богом —

молился и пел во весь голос, ведь в цехе никого не было.

Вставать Виктору Кузьмичу приходилось очень рано — часов в пять, чтобы к приходу начальства подать в заводоуправление сводку о наличии деталей и машин в цехе. Колония считалась неуспевающим предприятием, план никогда не выполнялся, потому что директор был неравнодушен к спиртному.

После того как уверовал художник, Виктора Кузьмича вызвали в оперчасть, и уполномоченный по работе с верующими с неприязнью сказал:

— Мы будем вас судить! Смотрите, вот пять заявлений не в вашу пользу...

— Ну что ж, воля ваша, — смиренно ответил тот. — Я заключённый... Только не могу понять, за что вы так ненавидите меня?

Этот оперативник был сильно озлобленный и никогда не проходил мимо Виктора Кузьмича равнодушно — обязательно обыскивал, желая унизить или найти повод для наказания.

И только начальник цеха неизменно продолжал защищать «святого».

— Тебя хотят судить, — сказал он однажды, зайдя после работы в каморку. — Но я сказал, что не позволю этого. А если что, пусть и меня судят!

Однако судить начальника цеха никто не стал. Напротив, его повысили в звании и поставили главным механиком завода. На его место назначили такого человека, который без зазрения совести мог подписать любую бумагу.

Вместе с начальником цеха перевели на другую должность и его заместителя, порядочного человека, который Виктору Кузьмичу никогда не делал зла.

Однажды, часов в двенадцать ночи, новый начальник цеха пожаловал в каморку дневального. Заключённый в это время читал Библию. Естественно, спрятать её не было никакой возможности.

— Я так и знал! — схватил святую книгу начальник. — Пригрелся тут, молебны свои творишь!

Это была не полная Библия, а всего лишь часть: от Книги Бытия до Книги Иова. Виктор Кузьмич разделил Библию на три части и прятал в разных местах. Прятал, конечно, в цехе, не в бараке. Он давал читать Священное Писание всем желающим, но с большой осторожностью, опасаясь, чтобы оно не попало в руки предателей. Многие главы Библии и даже целые книги Виктор Кузьмич переписывал и давал желающим почитать. Один заключённый, уверовав, тоже несколько раз переписал Евангелие. Рукопись читали многие.

В ту ночь Виктор Кузьмич читал первую часть Библии. Оперативник тут же сделал личный обыск и стал рыскать по каморке. Два часа он усердно что-то искал. Искал деньги, зная, что у баптиста есть средства и он отоваривается в ларьке.

В конце концов начальник нашёл самодельную шариковую ручку, забрал часть Библии и составил протокол. Он не скупился на эпитеты, характеризуя заключённого Мошу злостным нарушителем порядка и страшным преступником.

Виктор Кузьмич стал ждать ареста.

Встретившись с бывшим начальником цеха, он рассказал ему о своих обстоятельствах.

— К сожалению, я сейчас ничем не могу вам помочь, — ответил тот, внимательно выслушав его.

Через пару дней бывший заместитель начальника цеха, которого поставили заместителем директора завода, по секрету сообщил Виктору Кузьмичу:

— Я разговаривал с начальником колонии по поводу Библии, которую у вас забрали, и он сказал, что не знает, какое наказание за это может придумать КГБ. Скорее всего, не простят.

«Так нам суждено, — вспомнил Виктор Кузьмич слова апостола Павла. — Значит, надо настраиваться на новый срок. Такова христианская доля, и мне надо оставаться в строю верных последователей Господа Иисуса. Несомненно, Он однажды воздаст радостью и блаженством за все скорби

и трудности, пережитые ради Него. Он отрёт Своей рукой слёзы с наших очей!»

В начале 1980-х годов глава государства Ю. В. Андропов организовал в стране кампанию по поднятию сельского хозяйства. В связи с этим Управление лагерей срочно отстранило от должности директора завода, который никогда не выполнял план по изготовлению сельскохозяйственных машин. Из Николаева прибыл новый директор — Виктор Николаевич Болмасов — подполковник, опытный специалист. По его распоряжению завод заработал в три смены. Воскресенье объявили выходным днём, чего в лагере никогда не было.

Виктор Кузьмич оставался дневальным и учётчиком. Директор сам лично проверял, как идёт работа в цехах. Он мог прийти и в два, и в три часа ночи. Увидев, что и рабочие, и начальники спят, он делал всем строгий выговор, и всё приходило в движение. Через месяц завод впервые выполнил план. Министерство внутренних дел не могло в это поверить и прислало комиссию для проверки.

Виктор Кузьмич, будучи учётчиком начальника цеха, имел пропуск и мог свободно ходить по всему лагерю. Такая льгота ему, конечно, и не снилась — ведь из жилой зоны в рабочую и обратно заключённые имеют право ходить только строем!

«Вот она, пыжиковая шапка! — не раз вспоминал он свой сон. — Если Бог поведёт Своим путём, никто и ничто не помешает Ему! Как Он велик в Своей премудрости! Как Он благ ко мне! Недостоин я всех Его милостей...»

Новый директор часто обращался к учётчику, интересуясь, сколько машин выпустили, сколько отгрузили, сколько осталось на станции. Виктор Кузьмич с удивлением отметил про себя, что у директора необыкновенно доброе лицо.

«Разве может такое быть? — недоумевал он. — Такие должности занимают обычно бессердечные люди...»

Директор между тем проникся уважением к учётчику, считал его опытным работником и нередко обращался к

нему за советом. Виктор Кузьмич в простоте высказывал своё мнение относительно производства — что нужно сделать, чтобы продукция выходила в срок, какой цех и на каком этапе должен поработать усиленнее. Это были профессиональные, дельные предложения, и директор ими дорожил.

По приезду комиссии из Министерства внутренних дел Виктор Кузьмич должен был вместе с представителем ОТК (вольнонаёмным) ходить по цехам и показывать машины. Целую неделю длилась эта работа, и комиссия осталась довольна, так как все акты и учётные записи соответствовали действительности.

Директор завода заинтересовался необычным заключённым и стал спрашивать, за что тот получил срок.

— У нас же вера в Бога не запрещена! — удивлённо заметил он, выслушав объяснение.

— По Конституции — да, но фактически более сотни моих братьев томятся в заключении именно за веру, — сказал Виктор Кузьмич. — К тому же у меня здесь изъяли часть Библии и, похоже, планируют добавить срок.

— Да-а-а... я с таким явлением ещё не сталкивался, — задумчиво проговорил Болмасов. — Но можно ведь в душе верить! Скажите, что вы всё понимаете, пообещайте исправиться, а сами продолжайте верить!

— Нет, — улыбнулся Виктор Кузьмич. — Я верю живому Богу, и моя вера обязательно должна выражаться в делах — я хочу поступать так, как учит Библия. За верность библейским заповедям я и оказался здесь.

Директор посмотрел на заключённого с уважением и продолжил обход объекта. А на следующий день он рассказал Виктору Кузьмичу, что по поводу суда над ним уже было совещание.

— Я же вас тогда ещё не знал, — сказал он. — Слышал только, что вы учётчик и работаете аккуратно, добросовестно. Начальник колонии заявил, что вас надо судить за нарушение режима, что у вас нашли Библию, нелегально попавшую в колонию. Они много шумели, в конце концов

мне тоже надо было сказать своё мнение и подписать постановление совещания...

Из дальнейшего рассказа Виктор Кузьмич понял, что в тот решающий момент вмешался Сам Господь, Который наблюдал за Своим рабом и держал всё под Своим контролем. Директор спросил, кем издана Библия, изъятая у заключённого. Оказалось, что она была отпечатана в Москве, в государственной типографии.

— Значит, это не запрещённая книга! — заметил директор. — И если Моша — верующий, то по закону он вправе иметь Библию. Его не за что судить.

Вновь поднялся шум, и на этом совещание закончилось.

Однако до поры до времени Виктор Кузьмич всего этого не знал и в смирении ждал решения начальства. Отношение к нему стало меняться, и он не мог понять в чём дело. Оперативник, тот самый злодей, который всё время хотел навредить верующему, вдруг стал здороваться!

«Возможно, это потому, что я хожу по территории лагеря с директором, — думал Виктор Кузьмич, — и этот оперативник хочет выглядеть доброжелателем...»

Рассказ директора многое объяснил, и Виктор Кузьмич с облегчением вздохнул: «Да будет на всё святая воля моего Господа. Небесный Отец не допустит страданий, превышающих мои слабые силы...»

Время шло, а суда так и не было. Директор стал называть своего учётчика Кузьмичом, когда они общались в кабинете один на один. А Виктор Кузьмич тоже называл Болмасова по имени и отчеству вместо положенного «гражданин начальник». Так Бог поставил Свою защиту над бесправным заключённым и наблюдал за ним с величайшим милосердием.

Однажды майор, заместитель начальника режимной части, сделал обыск в каморке Виктора Кузьмича. Нагрянул сразу после того, как заключённый получил передачу.

Схватив кусок сала, он пренебрежительно швырнул его к дверям:

— Вот как живут советские заключённые! Пристроился! Всё, больше ты не будешь здесь работать!

Он тут же отправил Виктора Кузьмича в штрафной изолятор.

Заместитель директора пытался остановить разъярённого оперативника:

— Выпусти Мошу, иначе будешь иметь дело с директором, и для тебя это может плохо кончиться.

Пришлось тому остыть и освободить Виктора Кузьмича от наказания. Директор в эти дни был в отъезде.

Спустя какое-то время Болмасов вызвал Виктора Кузьмича в свой кабинет и сочувствующе сказал:

— Вам положено всего одно свидание в год! Это очень мало, при всём том что вы страдаете невинно. Напишите заявление, что жена в плохом состоянии и ей предстоит операция. По закону вам дадут внеочередное свидание.

— Я не могу написать такое заявление, — твёрдо сказал Виктор Кузьмич. — Это будет неправда, а всякая неправда — грех.

Директор промолчал, но в его взгляде можно было увидеть искреннее удивление.

«Никогда не встречал таких честных людей», — скажет он Нине Михайловне, когда она приедет на очередное свидание.

И всё же у директора получилось поощрить добросовестного работника длительным свиданием. Случилось так, что начальник колонии ушёл в отпуск и Виктор Николаевич замещал его. По закону начальник имеет право дать заключённому свидание за хорошую работу. И он этим правом воспользовался.

Подписав приказ на трёхсуточное свидание, Болмасов срочно куда-то уехал. А Нину Михайловну на свидание не пустили.

— Не положено, — сказали ей на проходной и порвали поданное заявление.

Виктор Кузьмич пошёл к подполковнику:

— Мне дали три дня свидания, почему не пускаете жену?

— Ладно, ради Виктора Николаевича подпишу на сутки, не больше! — смягчился тот.

Виктор Кузьмич не стал ничего требовать и целые сутки радовался в общении с дорогой женой. Потом он попросил её не уезжать и пошёл посмотреть, не приехал ли директор.

Они встретились в рабочей зоне.

— Почему вы не на свидании? — удивился Виктор Николаевич.

— Подписали только на сутки.

— Хорошо, идите ко мне в кабинет, сейчас я разберусь.

Свидание безоговорочно продлили ещё на двое суток, и Виктор Кузьмич вновь вспомнил сон о пыжиковой шапке. Удивительны дела Божьи! Действительно, это в Его власти — разрушать замыслы нечестивых!

Когда срок заключения подходил к концу, директор стал просить Виктора Кузьмича остаться работать на заводе. Он обещал ему хорошую зарплату и даже жильё. Но у Божьего служителя были совершенно другие ценности и приоритеты — он больше всего дорожил церковью и служением в ней. Работа, зарплата и временное благополучие стояли у него далеко не на первом месте.

Виктор Кузьмич не раз говорил, что его последний срок заключения был очень даже необычным:

— Я просто отдыхал в той колонии. У меня было отдельное помещение, где я мог молиться и петь. На территории лагеря рос подорожник и одуванчик. Весной я собирал эти травы, мелко резал и смешивал с рыбными консервами. Получался прекрасный витаминный салат. Ко мне часто приходил Василий Андреевич Голуб (служитель из Луганска, там же отбывающий срок заключения), и мы вместе лакомились необычным блюдом. Я даже поправился в том лагере, потому что всемогущий Бог невозможное делал возможным. Господь дал мне отдохнуть в исправительно-трудовой колонии, чтобы, выйдя на свободу, я мог вновь окунуться в напряжённый труд.

Страдания вознаграждаются свободой

Осенью 1984 года Виктор Кузьмич вновь оказался в кругу любимых и дорогих сердцу, в кругу христиан. Свобода встретила его настороженно: как теперь он поведёт себя? Некоторым служителям дали новый срок прямо в лагере, так и не выпустив на волю.

Виктор Кузьмич энергично включился в труд на ниве Божьей, стараясь восполнить недостаток служителей в братстве. Забота о церкви по-прежнему была у него на первом месте.

А гонениям, казалось, не будет конца. Не то чтобы думать, даже мечтать об избавлении от преследований было трудно. Но богослужения проходили повсеместно, и не было похоже, что атеизм вот-вот раздавит беззащитных христиан. Верным и могущественным было сказанное Господом слово: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её».

После освобождения Виктор Кузьмич никак не мог устроиться на работу. Он обошёл около двадцати предприятий,

Долгожданная встреча, 1984 г.

но бывшего заключённого, да ещё четыре раза судимого, никто не хотел принимать.

— Ты хоть куда-нибудь устройся, — сказал ему однажды знакомый из горисполкома. — Иначе тебя снова посадят. Если человек три месяца не работает, есть все основания судить его за тунеядство.

— Меня нигде не принимают, — развёл руками Виктор Кузьмич. — Что делать?

Этот знакомый помог ему оформиться разнорабочим в городское жилищно-коммунальное хозяйство. Работа, конечно, не из лучших, но выбора не было. Зимой и летом приходилось возиться в грязи — заменять и ремонтировать повреждённые трубы в системе водоснабжения. Работники КГБ не без злорадства наблюдали за христианином, который наперекор всем притеснениям ничуть не изменил своих взглядов, не отступил от библейских принципов и с прежней ревностью проповедовал Евангелие, заботился о благосостоянии церкви.

Поздравительная открытка от молодёжи в день освобождения из краткосрочного заключения

Гонения продолжались. Виктор Кузьмич ещё не раз отбывал заключение по пятнадцать суток. В отделении милиции у него было много знакомых, и они снисходительно относились к человеку, поневоле попадавшему в их неласковое заведение. Если не в открытую, то втайне они прислушивались к его

необыкновенным словам, способным переворачивать душу, равно как и успокаивать её.

С ранней юности Виктор Кузьмич сталкивался с людьми, которые были не только физическими, но и духовными невольниками. Эта последняя неволя — несравнима с первой. Скорбь и искреннее сочувствие вызывали у него люди, страдающие от страхов, связанные с оккультными силами. Божий служитель много думал и говорил о том, что человек сам по себе — слабое существо и нуждается в руководителе, который мог бы направлять его на верный путь, поддерживать, вдохновлять. Тот, кто выбирает своим руководителем дьявола, оказывается в гибельном положении и достоин сожаления. Только Христос, живой Христос, управляя человеком (принадлежащим Ему), делает его радостным, счастливым и довольным.

Виктор Кузьмич был одним из тех, кто полностью принадлежал Господу. Иисус Христос жил в его сердце и руководил им, давал мудрость и силу для святой жизни, хранил и оберегал от всякого зла. Обладая этими преимуществами, Божий служитель хотел, чтобы каждый христианин имел в Господе полную свободу, поэтому он не переставал говорить об этом, учить этому и помогать нуждающимся.

Человек редкой души

В конце 1987 года, совершенно неожиданно для многих, преследования верующих прекратились. Один за другим стали возвращаться из заключения узники. Во

многих городах братья начали строить временные сооружения для собраний. Не ожидая особых разрешений, христиане всё смелее и смелее стали возвещать Евангелие на улицах и площадях. Истомившийся в неверии народ потянулся к Богу.

Виктор Кузьмич не отставал от времени. Проповедь Евангелия была его стихией. Он не только сам занимался благовестием, но вовлекал в это святое дело всю церковь. Дергачёвцы приглашали народ на богослужения и устно, и письменно — с помощью открыток, которые раздавали людям или опускали в почтовые ящики. Братья организовали также несколько выносных библиотек, с любовью выдавая христианские книги и Евангелия всем желающим почитать. Выезжали с библиотекой и в близлежащие посёлки.

По воскресеньям, после утреннего собрания, братья и сёстры выходили на железнодорожный вокзал и раздавали буклеты с приглашением на богослужение, пели, играли на музыкальных инструментах.

Не забыл Виктор Кузьмич и колонию строгого режима, где отбывал второй срок. Руководство лагеря не сразу позволило проповедовать среди заключённых. Несколько раз служитель ходил к начальнику и просил разрешения, убеждая его, что Божье слово имеет силу менять мышление человека и преображать его. И начальник разрешил.

В воскресные дни колонию стали посещать проповедники, а в праздники — молодёжь и хористы, иногда с оркестром. Проповедники рассказывали заключённым, кто такой Бог, что такое грех, и те постепенно заинтересовались благой вестью.

В колонии Виктору Кузьмичу выделили отдельную комнату, где он мог беседовать с желающими исповедаться. Чувствуя отцовскую заботу видавшего жизнь христианина, преступники относились к нему с уважением, многие прислушивались к его советам. Они видели в нём Божьего слугу, истинного последователя Иисуса Христа. Несколько человек обратились к Богу с покаянием.

Не все обращённые сразу соглашались с тем, например,

Бывшие преступники желают заключить завет с Богом

Баптистерий заключённые сделали собственноручно!

Слушать живое слово приходили многие заключённые

что курить — грех. Виктору Кузьмичу приходилось много молиться о них, просить Бога, чтобы открыл им путь спасения, суть Евангелия, чтобы дал новое сердце. Он учил их открыто молиться, удаляться от всякого греха, стараться поступать так, как написано в Библии, и заучивать наизусть тексты Писания.

Собираясь для молитвы в отведённой для этого комнате, заключённые читали Библию (теперь у каждого была своя, личная!) и вспоминали наставления проповедников, особенно Виктора Кузьмича, их духовного отца, как они его называли. Господь творил чудеса в душах — давал им силу побеждать грех, просвещал разум небесным светом.

Со временем в лагере образовалась группа обращённых к Богу мужчин. Некоторые пожелали заключить завет с Богом и присоединиться к церкви. Чудо, но крещение состоялось! Заключённые сами сварили из железа ёмкость, в которой можно было совершать крещение.

Через годы четыре брата из этой группы новообращённых станут служителями церкви, хотя далеко не все покаявшиеся удержались на христианском пути.

Смерть жены

Благочестивая жизнь Виктора Кузьмича, усердие в домостроительстве Церкви и успех в разрушении сатанинских твердынь открывали Божье величие и Его славу. Сам же он испытывал немало скорбей.

В 1993 году серьёзно заболела никогда не отличавшаяся крепким здоровьем Нина Михайловна. Её болезнь всё больше и больше привязывала Виктора Кузьмича к дому — он не мог оставить больную жену и порой вынужден был отказываться от поездок.

Ещё в 1980-е годы служители несколько раз пытались ввести Виктора Кузьмича, как опытного пресвитера, в сотрудники Совета церквей, но Нина Михайловна была против. Её пугало одиночество, она устала от напряжения

и жаждала покоя, хотела, чтобы муж чаще был рядом.

Однако покоя она так и не дождалась. Физические страдания изматывали не только её. Виктор Кузьмич тоже страдал, не в силах помочь дорогому человеку. Он много молился о жене, но болезнь не отступала.

«Видно, такова Божья воля», — смиренно думал он, безропотно ухаживая за женой, выполняя всю домашнюю работу.

Бессонные ночи отнимали почти все силы, но служитель не мог полностью отстраниться от Божьего дела. Иногда сёстры из церкви приходили посидеть возле Нины Михайловны, и тогда Виктор Кузьмич мог уйти или даже уехать по какому-либо важному делу.

Печаль не ходит одна, говорят в народе. К тяжести семейных скорбей добавились переживания о церкви. И это было тяжелее всего, что пришлось перенести служителю и в неволе, и на свободе. Виктор Кузьмич не знал, чем помочь народу Божьему в сложившейся ситуации.

Недопонимания среди братьев привели к разделению в церкви. Кого-то в порыве гнева незаслуженно отлучили, кто-то ушёл сам. Виктор Кузьмич томился и душой, и телом. Его колени, как некогда у псалмопевца Давида, изнемогли от поста (Пс. 108, 24). Дома — открытые раны и стоны страдающей от болей жены, а в церкви — нападки братьев, словно он стал для них врагом.

Лишь тесная связь с живым Богом, в могуществе Которого он ни на миг не усомнился, помогла ему выстоять и принять правильное решение. В конце концов он тоже вышел из церкви, которая перестала разделять путь братства, и стал служителем в новообразовавшейся общине.

Нина Михайловна не раз прощалась с любимым мужем и просила Господа взять её от земли в небесные обители, где нет страданий, болезни и слёз.

— Витя, как бы ни было трудно, никогда не оставляй Господа, — слабым голосом, но с глубокой убеждённостью говорила она. — Ты так сильно любишь Божье дело, — сжала она его руку, — не охладевай в этой любви, спасай

грешников... И никогда не унывай, Господь ни за что не оставит тебя одного!

Виктор Кузьмич, не отпуская дорогой руки, слушал это прощальное слово с глубоким волнением.

«Как она сейчас красива! — думал он, глядя в измученные болью глаза. — Она заботится о живой связи с Богом, для неё это сейчас важнее всего...»

— Витя, когда я умру, ты долго не оставайся один, — продолжала жена. — Детей у нас нет, ты никому не нужен... Женись. Господь пошлёт тебе хорошую жену... Ох, как мне хочется, чтобы Господь взял меня... Как хочется в Небесный дом...

Пришёл час, и Всевышний выполнил её просьбу. Вечером 19 ноября 1996 года Нина Михайловна тихо перешла в иной мир.

Слово утешения говорит И. Я. Антонов

И снова один...

Необычайно тяжёлую полосу в своей жизни Виктор Кузьмич проходил в глубоком смирении. Разделение в церкви причиняло непомерную скорбь, а опустевший дом ещё больше увеличивал её. Порой ему казалось, вот-вот опустятся руки. Подобно псалмопевцу, он спрашивал у Господа, скоро ли наступит его кончина, и хотел умереть. Только лучше бы не зимой, а летом, чтобы друзьям легче было хоронить.

Единственной отрадой, как и прежде, была молитва. Приступая к престолу благодати и милости, Виктор Кузьмич умолял Небесного Отца о силе и мудрости, которых ему так недоставало.

Господь не отказывал Своему слуге. «Не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым», — напомнил ему Дух Святой в один из вечеров.

«Да, мне нужно до конца проявлять ревность в Божьем деле, — воспрянул Виктор Кузьмич, вспомнив текст из Послания Евреям. — Иисус Христос умер за меня, и я должен жертвовать всем ради Него и служить Ему».

Вереницей потянулись дни, насыщенные трудом и молитвами.

В годы свободы церковь стала интенсивно пополняться людьми из мира. Эта радость нередко сопровождалась слезами и серьёзными переживаниями. Те, кто в прошлом имели какие-либо контакты с нечистыми духами, нуждались в особом очищении и в освобождении от оккультных связей и их последствий. Виктор Кузьмич проникался к таким христианам особым сочувствием и очень хотел, чтобы каждый был свободен и чист для близкого общения с Господом.

Как пресвитер церкви, он часто совершал молитвы над больными. При этом всегда надеялся на Божью милость и ожидал помощи только от Него. Но бывало, что исцеление сразу не наступало. Он и тогда ни на миг не сомневался в Боге, в Его могуществе.

— Наша задача — понять Божью волю и исполнить её, — говорил он, твёрдо убеждённый в этой истине. —

Необходимо искренне согласиться с Божьим решением. Он может исцелить сразу, а может и предложить пласт смокв, как в дни пророка Исаии, и через это средство уврачевать.

Второй брак

Чувство скорби, вызванное потерей жены, со временем приглушилось, и Виктор Кузьмич всё чаще стал ощущать своё одиночество. Ему нужна была спутница, и он начал просить её у Господа.

Поистине, блажен человек, всем сердцем надеющийся на Божье могущество и водительство!

— Ты помощь моя и прибежище моё! — воспевал Бога служитель, получивший ответ на молитву. — Живой Христос, на Тебя уповала душа моя, и Ты не оставил меня без Своего внимания! Вечная слава Тебе, Спаситель всех надеющихся на Тебя!

Бог направил сердце Виктора Кузьмича к сестре из Харьковской общины — Любови Митрофановне Ткачёвой. Много лет они были знакомы как сотрудники на Божьей ниве. Она с юности занималась с детьми, в годы гонений совершала нелёгкое служение в Детском отделе братства, находясь на нелегальном положении.

Любовь Митрофановна не сразу согласилась на предложение Виктора Кузьмича.

— Есть хорошие сёстры, которые сильно страдают от одиночества, — говорила она ему. — А я не страдаю. Я довольна своей судьбой, у меня есть дело, оставить которое просто не могу, это дело всей моей жизни!

— Мне важно мнение Господа, Его святая воля, — спокойно отвечал ей Виктор Кузьмич. — Прислушайся, Он и тебе её откроет...

Любовь Митрофановна долго раздумывала. Не то чтобы она противилась Господу. Ей страшно было подумать, что она должна вдруг оставить занятия с детьми, любимую церковь и переехать к мужу. За этими страхами не сразу могла

Согласие с Божьей волей обернулось счастьем для обоих и доставило им много радости. Лето 1997 г.

расслышать Божий голос и понять, чего Бог от неё ждёт.

— Виктору Кузьмичу нужна хорошая помощница, — убеждала Любовь Митрофановну подруга. — Он достоин того, чтобы ему послужили. И ты должна на это пойти.

23 августа 1997 года состоялся брак. Обоюдное желание исполнить Божью волю несло супругам умиротворение, вдохновляло на подвиги веры, наполняло душу небесным светом.

Духовная битва

Осенью 1997 года Любовь Митрофановна попала в больницу с язвой желудка. Во время обследования врачи заподозрили более серьёзную, неизлечимую болезнь и стали тщательнее проверять состояние больной. Виктор Кузьмич в это время по поручению служителей должен был ехать в Алма-Ату (Казахстан).

Отменить поездку оказалось невозможным. Любовь Митрофановна благословила его в путь, и он, напомнив ей драгоценные слова Господа: «Не бойся, только веруй», — отправился в Среднюю Азию.

Один Бог знает, какими молитвами молился Его слуга, переживая о своей жене!

Когда запланированное служение было совершено, Виктор Кузьмич незамедлительно вернулся домой. Вскоре супруги узнали, что роковой диагноз не подтвердился. Для Всемогущего нет ничего невозможного!

В 2001 году Виктора Кузьмича ввели в состав сотрудников Совета церквей. Это доверие служителей он воспринял с трепетом, желая одного — быть сосудом в Божьих руках, всегда готовым к любому доброму делу.

А дел было — не перечесть. Старшие братья посылали своего сотрудника во многие общины для решения сложных вопросов, для проведения служения по очищению и освящению. Довольно часто ему приходилось сталкиваться с людьми, которые претерпевали дьявольские нападки, страдали от оккультной зависимости. Глубоко сочувствуя им, он заботился об их исцелении, и для этого много постился и молился.

Служение Виктора Кузьмича было благословенным. Сколько благодарности Богу, сколько радости испытывали те, кто получил свободу, покой и избавление от мук! Он тоже радовался и каждый раз смиренно молился:

— Живой Христос! Я — раб Твой, охотно делаю то, к чему Ты призвал меня и на что благословил. С Твоей помощью делаю. Для Твоей славы...

Жертвенность в служении Виктора Кузьмича видела не только жена, но и церковь. Своим примером он зажигал сердца многих, и ему хотели подражать.

Не имея собственных детей, Божий служитель, однако, не был лишён отцовских чувств, и это хорошо ощущали дети и молодёжь. Он заботился о будущем церкви и умело растил молодой виноградник.

Виктору Кузьмичу было не всё равно, как создаются

Свидетельство любви и единства с Божьим народом

семьи, и он уделял этому процессу особое внимание. Много молился о юношах, начистоту беседовал с ними, желая уберечь от осквернения и пагубного влияния мира.

Когда очередная пара желала вступить в брак и об этом объявлялось в церкви, пресвитер непременно давал молодым отцовский совет:

— Выберите удобное для вас время, чтобы молиться сообща. Вы пока не можете быть вместе, но порознь молиться в одно и то же время — можете, и это очень ценно. Обговорив все свои нужды, доверьте их Господу и надейтесь на Его помощь. С таким, хоть и небольшим, но важным и благословенным опытом, вы вступите в семейную жизнь и продолжите вместе читать Библию и молиться.

Виктор Кузьмич считал своим долгом заботиться о той чете, над которой молился в день бракосочетания. Он интересовался жизнью молодых супругов, посещал их, молился над детьми до рождения и после. Эта забота приносила добрые и обильные плоды.

Он ревновал о том, чтобы в церкви звучал духовой оркестр, и приобщал к этому мальчиков с раннего возраста. Заниматься с ними он побуждал способных братьев, убеждая их, что этот труд не напрасен. В начинающих, неумелых оркестрантах он верой видел не только музыкантов и певцов, а проповедников, благовестников и служителей.

После разделения в церкви, когда всякие трудности грозили унынием всем и каждому, Виктор Кузьмич не оставлял без внимания подростков. По воскресеньям, за час до утреннего богослужения, они неизменно собирались в уютном доме своего душепопечителя.

У каждого подростка был блокнот с перечнем нужд, которые становились предметом молитв. Каждый записывал в столбик очередную проблему и дату — когда и о чём начали молиться. Со временем появлялась и другая дата — как и когда Господь ответил на просьбу.

Какие только желания не появлялись в списках! Мальчики и девочки молились великому Богу об оформлении документов на строящийся молитвенный дом, о приобре-

тении материалов для строительства, о проведении газа и отопления, о тружениках. Всякое служение в церкви становилось темой молитв, учило доверять Господу, приобщало к Божьему делу. Организация оркестра, пение хора, разбор Священного Писания, детский лагерь, обращение подростков к Богу — всё это должно было волновать детей, которые от рождения находились у Божьих алтарей, кого родители посвятили Всемогущему.

По инициативе Виктора Кузьмича мальчики молились с ним в одной комнате, а девочки — в другой, с Любовью Митрофановной. После молитвы все шли на богослужение.

У доброго пастыря хватало любви не только на детей. Именно любовь двигала им в заботе о молодых и пожилых, иначе он не смог бы совершить столько доброго и важного за сравнительно недолгую жизнь.

Пастырское попечение часто выражалось в усердных молитвах над больными.

Один брат, работая на стройке, упал с третьего этажа. Кроме сотрясения мозга, ушибов и перелома рёбер, у него обнаружили перелом позвоночника. Врачи стали готовить больного к операции.

Церковь просила Господа помиловать брата. Кто-то из друзей передал рентгеновский снимок позвоночника знакомому костоправу, христианину. Тот ответил, что операцию делать не надо, иначе брат, если и останется живым, никогда не встанет с инвалидной коляски.

Жена отказалась от операции и забрала мужа домой. Через пару дней его посетили Виктор Кузьмич и Любовь Митрофановна.

— Я буду просить Бога о том, чтобы ты ходил, — сочувствуя больному, пообещал служитель.

Он предложил брату совершить молитву с елеопомазанием, как учит этому Слово Божье. Брат согласился.

На следующий день Виктор Кузьмич принёс елей. После обстоятельной беседы, когда больной искренне исповедал Господу всё, что тревожило его совесть и могло стать

препятствием для исцеления, пресвитер помолился и помазал его елеем.

— Будешь ходить! — бодро сказал он, искренне приветствуя лежачего брата.

И чудо произошло. Через три месяца больной поднялся, и постепенно его здоровье поправилось. Инвалидная коляска не понадобилась. Брат радостно совершает служение в церкви, памятуя доброту и усердие своего пастыря.

— Я вымоленный у Бога, — часто повторяет он, прославляя Господа за исцеление.

При всей занятости в церкви, Виктор Кузьмич уделял особое внимание благовестию, желая, чтобы каждый грешник мог найти спасение во Христе. По воскресеньям после утреннего богослужения он с группой друзей благовествовал в пригородных электричках. Годами он поздравлял начальство города с христианскими праздниками: шёл в городской и районный исполкомы, шёл в отделение милиции и нёс бывшим недругам и гонителям Евангелие, христианские буклеты и календари, любезно предлагал должностным лицам познакомиться с Божьим Словом.

Отыскал Виктор Кузьмич и майора КГБ, с которым довелось хлебать баланду в одной камере. Естественно, майор удивился этому посещению. Он охотно принял у себя Виктора Кузьмича и Любовь Митрофановну, с радостью взял Евангелие и для себя, и для сотрудников.

— Давай побольше, я всем своим раздам, — говорил с жаром.

Майор не раз приезжал в Дергачи, был даже на богослужении. Он привязался к богобоязненным супругам, даже называл себя их братом во Христе, но сердце для Бога так и не открыл.

Молодая сестра обратилась к Виктору Кузьмичу с надеждой на помощь:

— Меня мучает страх, что могут начаться гонения на христиан и нас будут пытать. Как тогда устоять? Мне так

страшно, что даже христианство не мило, хоть уходи из церкви...

— Тебя кто-то притесняет? — спросил он участливо.

— Нет.

— А в стране у нас есть гонения?

— Сейчас нет. Но были же! Вдруг снова начнутся... Эти мысли порой так одолевают меня, что я целый день ничего не могу делать, как парализованная.

— Знаешь, сестра, если Бог допустит испытания, то Он и силы даст перенести их, — спокойно ответил Виктор Кузьмич. — Он Сам определит: будешь ты страдать или нет. Учитывая твоё состояние, Господь может лишить тебя этой чести — пострадать за Него. Поэтому не допускай в сердце подобные мысли. Они не от Бога. Этот страх навевает дьявол, желая лишить тебя покоя. Мы сейчас помолимся. Тебе надо отказаться от этих мыслей, которые мучают тебя, и полностью довериться Богу. Всегда помни о том, что в нашей жизни ничего не происходит без Его святой воли.

Сестра искренне отреклась от страха, который завладел её душой, и попросила у Господа прощения.

Служитель молился о ней с возложением рук. Страх ушёл и больше её не тревожил.

К Виктору Кузьмичу приезжали за помощью многие братья и сёстры. Слух о нём распространился далеко за пределы поместной церкви, и люди ехали в Дергачи за поддержкой, ища сочувствия, разрешения сложностей и проблем.

Служитель порой изнемогал от постов и от огромных нагрузок. Нередко он советовал христианам обращаться к местным пресвитерам, но число нуждающихся в помощи не уменьшалось.

— Человек страдает, его вера колеблется, — с чувством говорил он жене, когда она напоминала ему о том, что он просто не выдержит таких нагрузок. — Представь себе, этому брату даже жить не хочется! Он нуждается в том, чтобы его кто-то выслушал, наставил, принял участие в его скорби. Как отказать такому?!

И этому большому делу — участию в скорби ближнего — Виктор Кузьмич отдавал себя полностью. Он плакал вместе со страждущим, понимая, что не сможет помочь, если не войдёт в его положение.

Виктор Кузьмич тесно сотрудничал с молодыми служителями, высоко ценил их труд и служение. Однажды он позвонил своему давнему другу и попросил приехать и помочь в молитве об одной сильно страдающей душе. Злой дух беспощадно терзал её и мучил, особенно во время молитвы. Он причинял ей боль, бросал на пол. Она кричала в своих страданиях.

Служитель тут же откликнулся. Они вместе молились над несчастной.

Виктор Кузьмич плакал:

— Дорогой Господь, будь милостив к этой душе! Это человек, Твоё творение, а враг так её унижает! Помилуй её. Помоги ей. Освободи её душу!

И Бог являл милость и отвечал на такие молитвы.

Порой приходилось по несколько дней поститься и взывать к Господу о помощи, и Виктор Кузьмич шёл на это. Он изнурял себя за страдающих людей.

У него был библейский подход к вопросу об очищении и освящении, хотя он нередко встречал сопротивление со стороны некоторых христиан. Его обвиняли в том, что он занимается поповщиной, тогда как все верующие свободны во Христе и очищены, чего ещё нужно?!

Но его подход не менялся. Он глубоко исследовал Божий взгляд на очищение и не отступал от истин, которые открывались ему в Библии.

— Помогайте душам перед крещением, — учил Виктор Кузьмич молодых служителей. — Вникайте в их проблемы, тревожьте их вопросами, чтобы они могли вовремя очиститься от всего, что впоследствии встанет между ними и Богом. Помогите им полностью порвать всякие связи с нечистотой, если только они были. Братья, заботьтесь о душах!

Одна сестра поспешила к Виктору Кузьмичу прямо из больницы. Ультразвуковое исследование показало, что у неё киста на щитовидной железе. Доктор поставила больную на учёт и записала в очередь на операцию.

— Они смотрели на меня, как на обречённую, — со слезами рассказывала христианка служителю. — Мне очень тяжело! Но я хочу поступить так, как написано в Библии. Прошу вас, помолитесь Господу, чтобы Он исцелил меня!

Сестра чистосердечно ответила служителю на все вопросы, исповедала всё, что тревожило её совесть.

После молитвы Виктор Кузьмич помазал лоб больной елеем:

— «Молитва веры исцелит болящего», — напомнил при этом слова Писания. — Доверься Господу и не сомневайся в Его любви и могуществе. Он благ, и все Его намерения о нас — добрые.

Через некоторое время сестра вновь прошла УЗИ, после чего доктор сообщила, что киста уменьшилась вдвое. А через несколько месяцев больную признали здоровой и сняли с учёта.

Поистине, Господь благ и многомилостив!

Как-то раз приехал к Виктору Кузьмичу юноша, страдающий лунатизмом. Желая помочь, служитель задавал ему много вопросов. Когда картина стала достаточно ясной и юноша исповедал Господу всё, от чего требовалось освободиться, была совершена молитва. Бог послал молодому человеку исцеление, и он уехал домой радостным и счастливым.

Сам Виктор Кузьмич никогда не отличался крепким здоровьем. Годы, проведённые в неволе, сделали своё разрушительное дело, и с возрастом у него начало шалить сердце, появились сильные головные боли.

Он тоже поступил так, как учит драгоценное и горячо любимое им Слово Божье — попросил Ивана Яковлевича Антонова помолиться о нём с помазанием. Ответственный служитель охотно откликнулся на эту просьбу, приехал с

кем-то из братьев, и они вместе совершили молитву.

Своё здоровье, как и всю жизнь, Виктор Кузьмич всецело доверил Богу и был убеждён в том, что находится в надёжных руках.

Он нередко говорил супруге:

— Любочка, почаще улыбайся. И пой. Что бы ни делала — пой, прославляй Господа, открывай Ему своё сердце. В этом наша сила.

Этой силой, сходящей свыше, Виктор Кузьмич пользовался в служении людям. Других источников он не знал.

После воскресного богослужения он сразу шёл к двери молитвенного дома и оттуда, с последних рядов, начинал приветствовать всех — молодых, старых, впервые пришедших. Подолгу ни с кем не задерживался. Увидев, что кто-то расстроен или опечален, мог тихо сказать:

— Зайди ко мне сегодня вечером.

А кого-то мог прямо спросить:

— Почему невесел? Что-то случилось? Не унывай!

Зоркий взгляд служителя проникал в душу каждого, кто был с ним знаком.

Что можно увидеть в человеке за короткое время приветствия? Но Виктор Кузьмич, пожимая руку, обычно произносил это слово медленно и проникновенно, вкладывая в него самый глубокий смысл:

— При-вет-ству-ю...

И при этом пристально смотрел в глаза и успевал увидеть многое.

Господь дал ему удивительную способность чувствовать состояние души человека, и он пользовался этим даром, что служило к славе Божьей.

Он много пел сам и всегда учил этому других:

— Петь в трудностях, петь тогда, когда хочется только плакать, — это большое приобретение, огромная сила! Это лучшее лекарство во всякой скорби.

Виктор Кузьмич до старости любил детей.

— Птенчики мои! — по-отцовски обнимал он их после собрания.

Молодёжь Дергачёвской церкви, 2010 г.

Служители Харьковского объединения, 2011 г.

Обычное знакомство

Для особых, непредвиденных случаев у него всегда находилась в кармане конфета.

Мальчиков он неизменно приветствовал за руку. Для каждого у него была бесхитростная улыбка и доброе слово.

Когда его приглашали на детское или подростковое собрание с просьбой рассказать что-нибудь полезное, поучительное, он всегда говорил о любимом Господе, о Его подвиге, совершённом ради нашего спасения. Нередко приводил примеры из личной жизни, рассказывал о пережитом в заключении, о том, как близок Господь к страдальцам.

— Христианину свойственно быть снисходительным, — любил говорить Виктор Кузьмич, — и терпеливо, без огорчения ждать, потому что у всех трудностей в нашей жизни есть добрая цель — чему-то научить нас, приблизить к Господу.

Он всегда говорил о том, что Бога нужно любить больше всего, любить Его заповеди, заучивать тексты Писания наизусть. Нередко он рассказывал, как учился есть тюремную пищу и не брезговать. В этом хорошо помогала любовь к Богу. Чего только не сделаешь из любви! Поэтому самая первая и наибольшая заповедь гласит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...»

— Страдать за Господа — это честь, — подчёркивал

многострадальный труженик. — Силу переносить боль и неудобства Он всегда даст, стоит только попросить. У меня и сейчас стоит на чердаке сумка с тёплыми вещами и мешочек с кусковым сахаром на случай ареста. Если это будет угодно Господу, я готов.

Переход в бессмертие

Весной 2012 года, преодолев огромное расстояние, в Дергачи приехала христианка с неотступной просьбой о помощи. Её душа жаждала покоя и свободы, изнемогая от дьявольских нападок.

Виктор Кузьмич позвал на помощь пресвитера из соседней церкви, с которым состоял в молитвенном союзе, а также одного молодого служителя, которого хотел приобщить к служению по освобождению душ.

Молились несколько дней. В среду, уже во второй половине дня, Виктор Кузьмич сказал:

— Братья, я сильно устал. Пойду отдохну, а вы продолжите без меня. Но прежде мне хочется помолиться с вами о вас и ваших семьях.

Он повёл братьев в отдельную комнату (дело было в молитвенном доме) и стал просить у Господа благословения для своих друзей. Он горячо молился о том, чтобы они ревностно и бесстрашно совершали Божье дело, усердно созидали церковь, сохраняя себя в чистоте и святости. Молился и об их семьях, просил Бога оказать милость жёнам и детям и укрепить их Своей благодатью.

Никто не думал, что это их последняя совместная молитва. Только Бог знал об этом.

Виктор Кузьмич ушёл, а братья ещё несколько часов беседовали с нуждающейся в помощи.

Ближе к вечеру служители зашли к Виктору Кузьмичу договориться об очередной встрече, но он к этому времени уснул (несколько дней поста давали о себе знать). Братья не стали его будить. На следующий день был праздник

Вознесения, и они решили встретиться в пятницу, чтобы продолжить начатое служение.

Но эта встреча уже не состоялась.

В четверг, заканчивая праздничное богослужение, Виктор Кузьмич предложил церкви спеть гимн «Быть лицом к лицу с Иисусом...»

Как всегда, он пел вдохновенно, от всей души, его глаза сверкали радостью:

Я лицом к лицу увижу
В небе Господа Христа.
Я хочу к Нему быть ближе,
Прославлять Его всегда...

После богослужения он попросил братьев церковного совета остаться, но провести совещание не смог. Открыв свою тетрадь с записями, он уронил карандаш и, когда наклонился, чтобы поднять его, потерял сознание.

Из молитвенного дома Виктора Кузьмича увезли в больницу с инсультом.

Наутро, придя в себя, он охотно общался с Любовью Митрофановной, вспоминал и цитировал тексты Писания. Очень хотел петь (много лет делал это ежедневно!), но не смог: болезнь парализовала часть тела, и оно уже не подчинялось желаниям души.

Страдания длились недолго — по зову свыше, в понедельник, 28 мая, душа оставила земную оболочку и устремилась к Тому, видеть Кого Виктор Кузьмич стремился лицом к лицу. Осуществилось заветное желание всей его многотрудной жизни. Он перешёл из времени в вечность.

Муж праведный и благочестивый

«В вечной памяти будет праведник», — гласит Божественное Слово, и эта истина вновь и вновь подтверждается в жизни искупленных.

Проходят годы. Стихает боль разлуки с любимыми и дорогими. Многое забывается, теряет ценность и значение. И только то, что связано с вечностью, с Самим Богом, не исчезает и не забывается.

Не уходит из памяти и служение Виктора Кузьмича, его нелицемерная вера, искренняя любовь к Богу и неустанная забота о церкви. Любовь Митрофановна не без слёз и с особым теплом вспоминает его не только как мужа, но и как служителя, душепопечителя, заботливого пастыря:

Жизнь с Виктором Кузьмичом принесла мне много благословений. Божье присутствие в нём светило и грело, поэтому мне было тепло и хорошо. Я видела в нём красоту нашего Господа, и мне хотелось служить этому человеку, заботиться о нём, принимать участие в его переживаниях.

Его любящая, добрая душа помогала мне переносить житейские трудности с живой надеждой и даже с радостью. Он любил меня, заботился обо мне, старался дарить мне не только цветы, но и радость, душевное тепло. Выражая свою любовь ко мне, он не скупился на ласковые слова: золотце моё, ласточка моя, пчёлка, хлопотушка, придумщица, умничка... В этих словах была сила, которая снимала усталость, защищала от уныния, вдохновляла при неудачах.

Несмотря на ежедневную занятость, он всегда находил время для общения со мной, а когда бывал в отъезде, обязательно звонил.

Я видела в нём смирение. Особенно оно проявлялось во взаимоотношениях с братьями и сёстрами. Он нередко просил у церкви прощения, просил молиться о нём. Каждый день он просил у Господа мудрости и силы, чтобы смиряться. «Разжечь войну — легко, — говорил он, — а сохранять мир бывает очень трудно».

Служение душам, отягчённым всевозможными бременами, увлекло и меня. Как только могла и сколько могла, я старалась содействовать своему мужу, восхищаясь

Божьим могуществом и состраданием к людям. Это служение нелёгкое. Оно требует очень много и физических, и духовных сил.

Заключив брачный союз, мы договорились выделить два дня в неделю на хозяйственные дела, два дня — на работу с душами и два дня — на чтение Слова Божьего и духовной литературы. Однако исполнять этот договор получалось далеко не всегда. И хозяйственные дела, и чтение приходилось откладывать, чтобы встречать и провожать людей, принимая живое участие в их скорбях.

«Как мало я читаю!» — сокрушался порой Виктор Кузьмич, не в силах отказать тем, кто нуждался в помощи. Люди иногда приезжали издалека, и по несколько человек томительно ожидали очереди, чтобы побеседовать со служителем, поделиться своими переживаниями.

Духовная битва за души людей требовала много силы, и мы получали её на коленях перед Богом. Мой муж научил меня петь на коленях, прилежнее молиться, благоговеть перед Божьим Словом, возвеличивать Господа.

* * *

Виктора Кузьмича долгое время донимала боль в ноге. Дошло до того, что нога стала неметь, и Любовь Митрофановна повела мужа к сестре, которая могла помочь ему массажем.

— Мне было весьма удивительно узнать, что Виктор Кузьмич молится о моём неверующем муже, — призналась массажистка, когда её попросили рассказать что-нибудь об ушедшем в вечность служителе. — Кто я такая, чтобы пресвитер из другой церкви молился обо мне?! И лишь когда он приехал ко мне для лечения, я узнала, чего стоили ему молитвы о других...

У него на коленях были огромные толстые мозоли. Никогда ни у кого я таких не видела. Говорят, что о молитвенной жизни верующего можно узнать по коленям. Когда я посмотрела на свои, мне стало стыдно...

* * *

— Мне довелось некоторое время возить Виктора Кузьмича по церквам нашего объединения, — рассказывал один из братьев. — С первой поездки я понял, что это по-настоящему святой человек.

Мы ехали продолжительное время, и он попросил меня остановиться:

— Давай немного отойдём от дороги и помолимся.

Нашли тихое место за лесополосой и встали на колени.

— Молись первый, — предложил Виктор Кузьмич.

Он начал молиться после меня. О, что это была за молитва! Мне казалось, что этот человек видит Бога, Который стоит рядом. Я украдкой открыл глаза и посмотрел на необычного служителя. Его лицо светилось благоговением. Он молился о церкви, о братстве, о связанных грехом душах.

Через каждые три-четыре часа мне приходилось останавливаться. Мы выходили из машины и молились. Так было в каждой поездке.

Когда он молился на многолюдном собрании (и не только!),

он прижимал к груди Библию, с которой никогда не расставался, и молился так, будто перед ним был только Христос и никого больше.

* * *

— Виктор Кузьмич мне дорог. Такого пресвитера больше не найдёшь! — вырвалось из глубины сердца признание у другого брата. — Я не раз ездил к нему домой, чтобы вместе помолиться. Он, словно отец, с большой любовью и сочувствием относился ко всем моим проблемам.

После покаяния я никак не мог бросить курить. Пить перестал, а курить — никак. Я начал курить ещё в садике, в шесть лет. Виктор Кузьмич много молился обо мне, мы вместе молились, и Господь подарил мне победу! Не сразу, правда, но у меня появилось отвращение к этому греху.

Вначале я лишь до обеда выдерживал. Потом взмолился к Богу о помощи. И помощь пришла. Как только желание курить начинало овладевать мной, я, по совету Виктора

Кузьмича, бросал работу, шёл в раздевалку, вставал на колени и взывал к Богу. Так продолжалось два дня, а потом Господь освободил меня.

С тех пор прошло много лет. Я совершенно свободен от этого порока. Слава Богу и благодарность Ему за таких служителей, как Виктор Кузьмич!

* * *

— В годы гонений, когда богослужения проходили по домам верующих, молодёжь любила собираться у Виктора Кузьмича, — вспоминает уже немолодой христианин. — Если хозяин был дома, он обязательно уделял нам время. С ним было интересно.

Перед праздниками он сам приходил на наши репетиции и учил нас декламировать. Он обращал внимание на интонацию, на чёткость произношения, на значение слов и выражений. Он говорил, что хвала уст — это жертва Богу, и она должна быть совершенной. Небрежности в служении мы не должны допускать.

Однажды он раздал нам листочки и попросил ответить на два вопроса: готов ли я к восхищению, если Господь придёт сегодня, и где бы я хотел быть в момент восхищения.

Когда мы сдали ему свои записки, он проанализировал ответы и сказал:

— Я рад, что некоторые из вас готовы к восхищению. Но есть и те, кто не готов. Друзья, постарайтесь привести в порядок свои взаимоотношения с Богом! Добрые решения не откладывайте в долгий ящик...

Это короткое напоминание никогда не забыть. Прошли десятилетия, а Дух Святой всё ещё напоминает мне эту драгоценную истину о готовности к восхищению.

На второй вопрос мы тоже ответили по-разному. Кто-то хотел в момент восхищения читать Библию, кто-то — благовествовать, кто-то — молиться, быть на богослужении, быть в кругу своей семьи...

— Слава Господу, друзья, что нас влечёт к небесному,

что мы ждём пришествия нашего Господа. Дорожите этим чувством! — говорил Виктор Кузьмич. — Чаще думайте о встрече с нашим Возлюбленным, о Его обещаниях, и вам будет гораздо легче побеждать искушения, исполнять Божьи заповеди.

Не забыть, как горячо мы молились в тот вечер, как хотели идти Божьим путём и больше любить Господа...

Благодать не была тщетной

Велик и чуден Господь! Какие прекрасные сосуды есть в Его доме! Наблюдая за жизнью Виктора Кузьмича, невозможно не удивляться и не восхищаться тем, что делает всемогущий Бог.

Апостол Павел говорил однажды о себе: «Благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна...» (1 Кор. 15, 10).

Не секрет, что сегодня далеко не каждый христианин живёт так, как учит Библия. Многие посещают богослужения, слушают хорошие проповеди, даже молятся утром и вечером, но это ещё не значит, что они живут по Евангелию. Виктор Кузьмич старался всегда и во всём поступать так, как учит Библия, поэтому настолько ясно была видна в его жизни Божья благодать. Это драгоценность. Это сокровище.

Откуда у него было столько любви, доброты, где он брал столько мужества и силы? Как он стал человеком, которым нельзя не восхищаться, который так многим оказался нужным? Всё это — действие Божьей благодати!

Человек не может обойтись без благодати от Бога. И чем больше он даёт места Духу Божьему в своём сердце, чем больше даёт простора действиям Бога в своей жизни, тем прекраснее становится как сосуд.

Не тщетной была Божья благодать в жизни Виктора Кузьмича. Какие изящные выражения он использовал в обращении к ближним! Он с большой любовью называл детей птенчиками, а подростков и молодых братьев — не иначе

как «голубе мій» (по-укр.) Откуда он брал эти слова? Из какого справочника?

«Благодатью Божьей есмь то, что есмь». Да, были ошибки, были какие-то несовершенства, были какие-то изъяны. Но в конечном итоге благодать не была тщетной!

Божья благодать может сделать нас сокровищем. Она может сделать нас драгоценностью. Она может выкристаллизовать в нас характер Христа.

Наблюдая за жизнью Виктора Кузьмича, нельзя не увидеть Божью благодать в действии. Как она трудилась над ним! Как совершенствовала! Как приучала к молитве и постам, как снабжала силой и терпением! Всё это делал великий Бог. Он получил доступ к этому сосуду и трудился в нём и через него.

Что мешает нам сегодня так же вдохновенно служить Богу, быть нужными Ему? Что мешает нам открыть сердце для Господа, чтобы Он действовал в нас и пользовался нами для Своей славы?

Жемчужный город

Памяти В. К. Моши

Аллеи славы мир пересекли,
О героизме повествуют стелы,
Но душу никогда не утолит
Фамилий золочённых онемелость.

Душа бессмертна, цель её — не здесь,
Она предпочитает Правды Солнце.
И ради неба избирает крест,
А вместо привилегий — тяжесть зоны.

Блажен, чью песню не прервал конвой,
И недруг не сменил её тональность,
В презрении христианин-изгой,
Но вера одолеет ветер шквальный.

От века путь святых — во мгле пещер,
Постелью были мох и козьи кожи,
Но скромный до предела интерьер
Не заменил в душе сиянье Божье.

Не нужен был им славы обелиск,
Его удел — в прах превратиться вскоре.
И шли с надеждой путники земли,
Чтоб с радостью войти в небесный город.

П. А. Ляшенко

Добрый воин Иисуса

Борис Яковлевич Шмидт

Начало

— **М**альчик! — раздался звучный голос повитухи, и в следующее мгновение послышался жалобный плач новорождённого.

Яков встрепенулся. Заливисто кричал младенец. Всхлипывала жена. О чём-то шептались женщины. Слышался плеск воды.

Все эти звуки заглушала снежная вьюга. Ураганный ветер грозно выл в трубе, стучал ветками деревьев в окно, дул из щелей у входной двери, стараясь ворваться в скромный дом молодой семьи Шмидтов.

Взяв на руки двухлетнего Яшу, Яков отодвинул занавеску и взглянул на жену. Юстина улыбнулась ему. Она держала на груди только что родившегося сына.

— Глянь, погода какая!.. — проговорила одна из повитух. — Воет не на шутку... Видать, мальчишка боевой будет! В такую непогоду родился...

Было 25 февраля 1920 года. В семье Шмидтов — Якова Петровича и Юстины Исаковны — родился второй сын. Назвали мальчика Борисом. «Славный в борьбе» — означало его имя. Конечно же, ни отец, ни мать не могли даже представить, какие бури ждут их ребёнка в жизни.

Семья Шмидтов проживала в селе Михайловка Омской области. Крестьяне занимались земледелием, растили скот. Все они принадлежали к общине немцев-меннонитов. Земельные наделы в основном были небольшие, но семьи не бедствовали. Урожая вполне хватало, чтобы прокормиться. Излишки продавали.

Время, в которое Борис появился на свет, было смутным. Несмотря на удалённость Михайловки от центральных районов Российской империи, всё происходившее в стране касалось и этого селения. В далёком от столицы Омске тоже было неспокойно.

После очередной поездки в город сосед рассказал Якову:

— В Омске полно солдат: и русских, и иностранных...

Вскоре военные появились и в Михайловке. Они ходили по дворам и требовали, чтобы жители собрали для них тридцать пудов зерна.

Теперь многие боялись ездить на рынок. На дорогах часто встречались вооружённые люди — и военные, и партизаны, — которые могли всё отобрать и даже убить. Жизнь человека ничего не стоила.

Незадолго до рождения Бориса по сёлам стали ездить люди, называющие себя комиссарами. Выступая на сельских сходках, они размахивали руками и провозглашали, что власть в стране теперь принадлежит рабочим и крестьянам, что царя и царских генералов выгнали и теперь богатыми будут все. Немцы не спешили им верить.

«Подождём, посмотрим, кто будет богатым...» — думал Яков.

И действительно, во время уборки урожая в следующем году в Михайловке опять объявились комиссары, которые требовали отдавать излишки зерна советской власти. Этот побор назывался продразвёрсткой. Спустя некоторое время

новые власти начали забирать у крестьян и картошку, и овощи, и скот.

— На что же мы будем жить, если вы всё заберёте? Того, что осталось, едва хватит, чтобы прокормить наши большие семьи! А что сеять весной? — спрашивали люди у комиссаров.

Но тех не интересовали проблемы жителей.

В те годы, когда Боря только начинал жить, крестьяне в Сибири, особенно немцы, сильно обнищали. В сёлах хозяйничал голод, царили болезни.

Однако люди не сдавались. Они работали, не жалея себя, стараясь вырастить на своих огородах и в своих сараях как можно больше.

Трудолюбие крестьян и перемены в экономике страны принесли добрые плоды. Уже к середине 1920-х годов хозяйства стали крепнуть. К тому времени, когда Боря пошёл в школу, его семья не нищенствовала. Шмидты не были богатыми, но имели и землю для посевов, и скот.

Однажды вечером Юстина уложила детей и в ожидании мужа стала прибирать в доме. Наконец дверь тихо отворилась, и он вошёл. Молча снял картуз и, сев за стол, молча ждал ужина.

Сердце Юстины дрогнуло, недоброе предчувствие сжало грудь. Она достала из печи казанок, поставила на стол вкусно пахнущую картошку и свежий хлеб и тихонько присела напротив Якова, надеясь, что он объяснит ей причину своего молчания.

Яков долго ничего не говорил. Наконец, пристально посмотрев на жену, сказал:

— Юстина, я завтра еду на рынок. Нужно кое-что продать...

— Завтра же воскресенье! — Юстина озадаченно посмотрела на мужа.

Яков помолчал, опустив голову. Затем он решительно встал и, не глядя на неё, стал говорить:

— Нам нужно срочно уезжать отсюда. Сегодня встретил одного человека из Петропавловска. Он рассказывает, что

там происходит страшное. У всех, кто хоть что-то имеет: землю, скот, запасы зерна — всё забирают. Говорят, что теперь всё будет общее, земля и скот будут принадлежать колхозам. А тех, кто сопротивляется — арестовывают. Так что, пока это бедствие не пришло к нам, нужно быстрее продать хозяйство и уехать.

— Куда же мы поедем? Дети маленькие... Андрюша совсем малыш... — голос Юстины дрогнул.

Как бы ни хотелось Якову и Юстине остаться в устроенном доме, на обжитой земле, они начали собираться в путь. Хотя и не без труда, постепенно распродали нажитое добро.

Летом 1929 года Шмидты уехали на Украину. В их семье к тому времени было пятеро сыновей: Якову — одиннадцать лет, Борису — девять, Петру — шесть, Владимиру — три года; Андрею не исполнилось ещё и года.

Детство

— **П**апа, а в каком доме мы будем жить? — Боря с любопытством смотрел по сторонам.

Подвода, на которой разместилась вся семья, медленно двигалась по широкой сельской улице. Дома, похожие один на другой, стояли так ровно, будто их строили по линейке. Ещё немного проехав, извозчик остановился возле одного из дворов.

Боря огляделся. Неподалёку высокий загорелый мужчина ремонтировал косилку. Рядом с ним крутилось двое мальчиков. Чуть поодаль, наклонившись над корытом, что-то стирала светловолосая женщина. Увидев подъехавшую подводу, она широко улыбнулась и поспешила навстречу:

— Наконец-то вы приехали!

Шмидты поселились у своих родственников, вблизи Мемрика. В семье, которая их приютила, было пятеро детей — три сына и две дочери. Все они были ровесниками приехавших мальчиков.

Яков сразу же приступил к строительству своего дома,

но стройка затянулась на несколько лет. В стране полным ходом шла коллективизация. Крестьяне лишались имущества, нажитого нелёгким трудом. Люди жили в нужде, в ожидании новых бедствий.

Мемрикская меннонитская колония состояла из двенадцати немецких поселений с центром в Мемрике. Все жители этих сёл были меннонитами. Однако молитвенные дома власти закрыли, и собраний не было. По воскресеньям каждая семья традиционно проводила своего рода богослужение: родители и дети в семейном кругу пели христианские песни, взрослые пересказывали детям библейские истории. Молились в основном заученными молитвами.

На новом месте жительства Боря пошёл во второй класс.

В сельской школе, больше похожей на обычный жилой дом, учились только младшие школьники. Семья учителя жила в здании школы. Здесь же, во дворе, располагался и хлев. Учитель, мужчина уже в годах, не только проводил уроки чистописания и арифметики, но и усердно приучал детей к дисциплине и послушанию.

Однажды зимой за ночь выпало много снега. Весь урок Боря, как и все его одноклассники, слушал учителя вполуха. Он без конца поглядывал в окно, ожидая перемены. Долгожданный звонок привёл в движение всю школу: на ходу нахлобучивая шапки, мальчики кинулись на улицу.

Просто кидаться снежками казалось мало. В несколько мгновений посреди двора появилась снежная стена. Ребята разделились на два лагеря, и началась перестрелка. Шум, смех, плач — всё смешалось в единый гул.

В это время на улицу вышла жена учителя. Она направилась в хлев, но на неё вдруг обрушился град снежков. Бедная женщина вынуждена была спасаться бегством.

Начало следующего урока оказалось невесёлым. Учитель зашёл в класс мрачнее тучи.

— Что за дикость?! — выразительно проговорил он. — Забросать женщину снегом... Когда же вы поумнеете?!

— Вот сейчас... — прозвучало в нависшей тишине.

Это Боря решил пошутить.

Но учителю было не до шуток. Он прошёл по классу, раздавая пощёчины направо и налево. Все мальчики были наказаны.

После окончания четырёх классов Боря продолжил учёбу в общеобразовательной школе, которая находилась в Мемрике. В большом здании в одном крыле размещались учебные классы, а в другом — жилые комнаты учителей. Школу содержала община меннонитов, поэтому обучение велось на немецком языке. Учителями были в основном мужчины.

Во время учёбы Боря вставал ещё до рассвета. Каждый день на дороге в Мемрик можно было встретить худощавого парнишку, который, заткнув книжки за пояс и весело насвистывая, спешил в школу. Идти нужно было около часа. Но скучать Боре не приходилось. Рядом всегда был кто-то из братьев или друзей. Только зимой, когда стояли суровые морозы, ученики жили в школьном общежитии и домой ходили лишь на воскресенье.

Быстро пролетели детские беззаботные годы. Учащимся старших классов приходилось много работать. Весной, летом и осенью всё свободное от учёбы время они трудились в колхозе.

— Но-о! Пошла!.. — встряхнул вожжами Боря.

Мерно покачиваясь и поскрипывая, телега двигалась вдоль убранного поля. Возница глубоко вдохнул неясный полевой аромат, который смешался с запахом горячих булочек и домашней лапши, доносившимся с телеги.

Подъезжая к полевому стану, он заметил, что крестьяне уже собираются к небольшому навесу.

— Обед, как всегда, вовремя!.. — заметили работники приближающуюся повозку.

Пока крестьяне, оживлённо общаясь, обедали, Боря подкармливал коня. Немного ослабив упряжь и поглаживая любимца, он давал ему припасённые на этот случай сухари и не заметил подошедшего к нему бригадира.

— Вижу, любишь лошадей! — улыбнулся мужчина. — Закончишь школу, приходи к нам в бригаду...

По пути в деревню Боря задумался: «Последний год учусь в школе. Следующей весной закончу учёбу. А что дальше?..» Как бы откликаясь на его невесёлые мысли, осенний прохладный ветерок пробежал по спине и заставил поёжиться...

Становление

— Сегодня уроков не будет... — ученики шёпотом передавали друг другу новость.

Подходя к школе, Боря увидел большую группу мальчиков и девочек. Среди них стоял пожилой директор и что-то энергично говорил. Невдалеке от крыльца прохаживалась учительница немецкого. Похоже, она плакала.

— Расходитесь, расходитесь, уроков всё равно не будет! — услышал Боря, подойдя ближе.

Не на шутку взволнованные школьники группами двинулись со двора.

По дороге Боря узнал от одноклассника, что ночью в Мемрике было неспокойно. Арестовали чуть ли не полдеревни.

— Я слышал, как стучали в двери, как плакали дети и кричали женщины... — шёпотом рассказывал товарищ.

Долгую дорогу домой семнадцатилетний Боря преодолевал в глубоком волнении: «Почему так?! Не может быть, чтобы наши учителя были преступниками. Вот, к примеру, математик. Хоть он и очень строгий, но справедливый! А учитель истории?! Его уроки такие интересные! После уроков с ним всегда можно было поговорить по душам. Не могут такие люди сделать зло! За что же их арестовали?.. Что происходит?..»

Через короткое время в школе появились новые учителя. Преподавание теперь велось только на русском языке. После девяти лет обучения на родном немецком Борису трудно было заканчивать школу. По собственному желанию он повторно пошёл в десятый класс, чтобы лучше усвоить знания на русском языке.

Старания Бориса приметил один из новых преподавателей, эрудированный и заслуживающий доверия учитель истории, химии и физики. Он убедил способного ученика поехать по окончании школы в Сталино (Донецк) для учёбы в индустриальном институте, который сам окончил.

Вместе с Борисом в 1938 году в Сталино поехали ещё три выпускника.

Для юношей, выросших в деревне, всё было ново в большом шахтёрском городе. Широкие улицы и массивные дома, лязг трамваев и множество всегда спешащих людей — всё казалось непонятным, незнакомым.

Друзья прибыли в институт незадолго до начала вступительных экзаменов.

Экзамены проходили в высокой светлой аудитории с тяжёлыми деревянными дверями. В аудитории стояла тишина, только в коридоре гулко разносились чьи-то шаги.

— Та-ак, молодой человек! Слабовато... — грузный мужчина повертел в руках экзаменационный лист Бориса.

— Мне трудно на русском... — попытался оправдаться неудачник, вспомнив недавний экзамен по химии, на котором преподавательница разрешила ему отвечать по-немецки.

— Нет, дорогой! Язык здесь ни при чём. Здесь знаний нет! — физик пристально посмотрел на абитуриента.

Борис молчал.

«Нужно было лучше подготовиться!» — досаждала его мысль.

Преподаватель пожалел деревенского юношу и разрешил ему пересдать экзамен. Во второй раз Борис ответил намного лучше и был принят на учёбу.

Началась студенческая жизнь. Борис и его друзья поселились в пятиэтажном общежитии неподалёку от серого, громадного здания института.

Городская жизнь была нелёгкой. Стипендия, которую получали студенты, составляла всего двенадцать рублей, что и в те времена было очень мало. От постоянного чувства голода не спасали даже те продукты, что ребята изредка привозили из деревни.

На третьем курсе Борису, как и его товарищам, было особенно трудно из-за постоянного недоедания, и они договорились бросить институт и устроиться на работу.

Найти хорошее место оказалось непросто. Тщетно походив по различным учебным заведениям не только в Сталино, но даже в Ростове, Борис решил принять приглашение директора своей родной школы. Он долго не мог согласиться на эту работу, потому что в сельской школе его все хорошо знали, как недавнего выпускника.

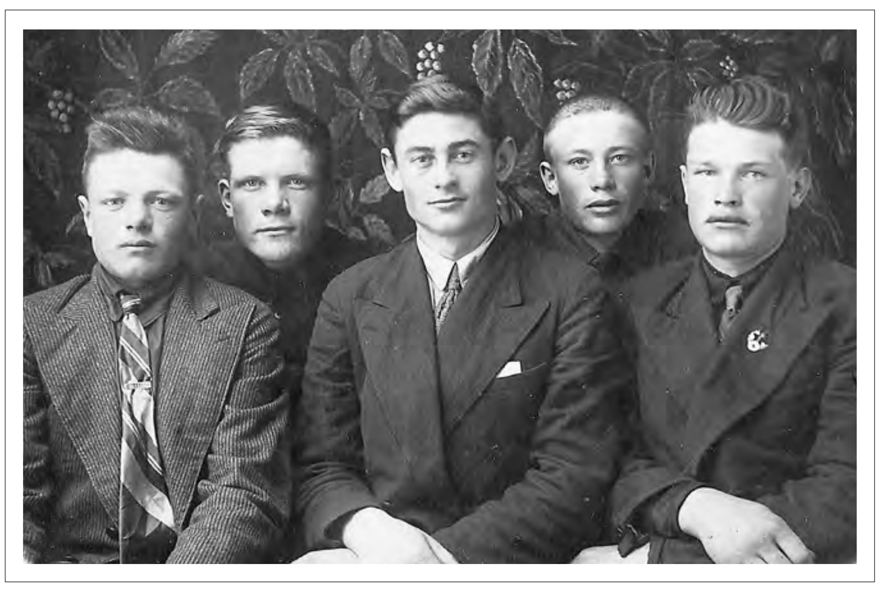
Борис стал преподавать физику и математику десятиклассникам, которые были моложе его всего на четыре года.

Ежедневная подготовка к урокам, проверка тетрадей, беседы с учениками, журналы и дневники, двойки и пятёрки — жизнь молодого учителя набирала обороты, как вдруг...

Борис получил повестку с требованием 12 мая 1941 года явиться в военкомат.

«Даже экзамены не смогу принять!» — подумал он.

Последний рабочий день в школе закончился. После долгого прощания ребята разошлись. Учитель медленно

С братом Петром и друзьями перед уходом в армию, 1941 г.

шёл по длинному школьному коридору, неся огромный букет цветов — простых деревенских цветов, растущих в каждом дворе. Но для молодого человека они были ценностью, признанием его труда благодарными учениками.

Последний раз он зашёл в учительскую.

— Что, расставание?.. — по-матерински спросила пожилая учительница.

Он всё ещё машинально прижимал к себе цветы. Отвечать не хотелось. Да она и сама знала, как трудно расставаться с теми, кто дорог.

На следующий день Борис уже ехал на место службы, в Белгород, куда направил его военкомат.

Образованного, с красивым почерком новобранца сразу же определили писарем в батальоне. Целый месяц он возился с бумагами. Но эта работа была ему не по душе. Узнав о возможности поступить в артиллерийское училище, он подал заявление на учёбу.

И снова перемены. Теперь его путь лежал в город Сумы, где находилось училище.

Война

— **В**нимание! Внимание! Говорит Москва!.. Сегодня, двадцать второго июня, в четыре часа утра, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...

Борис стоял на привокзальной площади в Сумах в большой толпе курсантов и офицеров артиллерийского училища. Вся площадь была заполнена напряжённо слушающими людьми. Казалось, что весь город собрался у громкоговорителей.

По дороге в училище будущие артиллеристы, приглядываясь к своим командирам, гарцующим на хороших лошадях, оживлённо обсуждали услышанное:

— Да что там?! Фашистов быстро выгонят!

— Сказал же Молотов: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

— Война быстро кончится!..

С юмором и смехом юноши спешили к месту учёбы, не ведая о том, что на самом деле принесёт с собой эта война.

Учёба в Сумах длилась совсем недолго.

В конце августа училище срочно направили на стремительно приближающийся фронт. Курсанты должны были одним броском преодолеть шестьдесят километров. Шли долго. На себе несли и шинель, и рюкзак, и винтовку, и запас пищи. Большим облегчением были моменты, когда выдавалась возможность ухватиться за проезжающую телегу и хоть немного пройти, держась за неё.

Наконец, с трудом передвигая ноги, достигли цели. Однако отдыхать не пришлось. Под отчётливо слышный грохот взрывов и гул самолётов курсантам приказали рыть окопы.

Ночные налёты и затяжные артобстрелы стали обыденными. Голодные, грязные, измученные солдаты каждую минуту находились между жизнью и смертью. За два месяца на фронте им ни разу не довелось ни помыться, ни переодеться. Разрушенные деревни, сгоревшие дома, тела убитых людей вызывали щемящую боль. Во время отступления вокруг Бориса замертво падали его друзья и ровесники.

«Да, война — не шутка!» — переоценивал свои взгляды молодой курсант.

В конце октября был издан приказ передислоцировать Сумское артиллерийское училище вглубь страны. Молодых артиллеристов отправили в Сибирь — доучиваться. Погрузили в пульмановские вагоны и целый месяц везли по железной дороге. Всё это время несчастные не переставали воевать со вшами. Лишь в Ачинске, куда солдаты прибыли на учёбу, они, наконец, освободились от кровососов, сдав одежду на прожарку.

В Ачинске Борис учился ровно месяц.

«Сегодня же Рождество! — подумал он утром 25 декабря 1941 года. — Эх, где мамины булочки!..»

— Шмидт, тебя к начальнику! — прервал его воспоминания голос дежурного.

Борис поспешил в приёмную. Там ему и ещё троим курсантам объявили приказ об отчислении из училища. В полном недоумении ребята вышли в коридор.

— Как это понять? — спросил Борис.

— Ты немец?

— Да.

— За то и отчислили, — мрачно проговорил товарищ.

«Может, нас возьмут переводчиками?!» — посетила Бориса наивная мысль.

В ожидании поезда на Красноярск ребята долго сидели на вокзале. Борис что-то бренчал на мандолине, которую прихватил с собой. Здесь, в училище, организовался небольшой оркестр, и его душа потянулась к музыке.

В тот день, несмотря на всю неясность и неопределённость, в его сердце звучали весёлые песни и жила надежда на то, что скоро всё закончится и он вернётся домой.

Однако веселье на вокзале было последним в его юной беззаботной жизни. Вскоре Борис узнал, что их везут в трудармию.

Поезд медленно приближался к Красноярску, часто останавливаясь на полустанках. Обратив внимание на необычный звук, Борис выглянул в окно. Там мелькали фермы железнодорожного моста. Поезд шёл над огромной, покрытой льдом рекой.

«Енисей!..» — на мгновение замер юноша, восхищаясь безбрежностью реки.

Вагон был переполнен. Люди толкались, пытаясь протиснуться к выходу.

— Следующая — Злобино! — передавали друг другу.

— Выходим! — сказал Борису один из товарищей.

«Вот так название! Что нас ждёт в этом Злобине?» — подумал он, пробираясь к двери.

Никто не встречал молодых людей на перроне. Только ледяной ветер и суровый мороз предвещали новые трудности.

Бориса определили на работу строителем-подсобником. Но работа под открытым небом, при безжалостных морозах

или под палящим солнцем, была только преддверием незабываемой полосы страданий и борьбы за жизнь.

Всего полгода он проработал в Злобино, и вновь дорога. Его отправили на Кузбасс.

Трудармия

— Лошадьми управлять умеешь? — широкоплечий мужчина с потемневшим от угольной пыли лицом пристально посмотрел на худощавого паренька.

— С детства. И в колхозе работал на лошадях, и в конной артиллерии служил, — Борис открыто взглянул на начальника.

— Ладно, пойдёшь коногоном в четвёртую бригаду. К немцам... — Мужчина стал что-то записывать в своём журнале.

Разговор был окончен. Борис разочарованно вышел на улицу. Солнце светило по-летнему, но вокруг всё выглядело мрачным и в прямом смысле чёрным. Бараки, шахтовые постройки, дороги и даже редкие деревья были покрыты угольной пылью. В воздухе ощущался запах угля. Борис вспомнил, как ехал сюда, в Осинники, как после работы на стройке в Злобино думал, что сможет устроиться где-нибудь кассиром или писарем.

«Всё-таки я три года учился в институте, а он — „коногоном пойдёшь“!» — Борис с досадой махнул рукой. Увы! не для того его отправили в трудармию.

Небольшой шахтёрский город Осинники находился в двадцати километрах от Сталинска (ныне Новокузнецк Кемеровской области). Барачный посёлок для трудармейцев окружали сторожевые вышки. Каждый день, отправляясь на работу, Борис думал о том, что здесь кто-то непрестанно всё контролирует. Строгий режим, плохое питание, тяжёлый труд, постоянные проверки — трудармия была почти что тюрьмой.

День за днём Борис спускался в шахту, запрягал своего

коня и возил гружённые вагонетки с места добычи до ствола, откуда уголь поднимали на поверхность. Конь был норовистый, и справляться с ним удавалось немногим. Только у Бориса конь работал исправно.

Стойла шахтовых лошадей находились здесь же, в забое. Лошади были на особом учёте, их хорошо кормили, за ними тщательно ухаживали. Трудармейцам же приходилось только мечтать о дополнительном куске хлеба или тёплой пище. За тяжёлую работу они вместо денег получали карточки с талонами — на хлеб и на обед в столовой.

Короткое сибирское лето сменилось промозглой осенью, а потом пришли беспощадные зимние морозы. Похожий на скелет, Борис еле передвигал ноги, тогда как работа у него была не из лёгких. Сидя на обледенелой вагонетке в совсем негреющей одежде, в промокших насквозь чунях, голодный, он перестал мечтать о том, что выживет и однажды всё вернётся на круги своя.

«Кажется, от меня остались только кости да кожа... — думал он, погоняя коня. — Сколько может выдержать человек в такой холод и без еды?»

Голод истощил и физические, и умственные силы молодого человека. Мечта получить образование, сделать карьеру и стать «хотя бы генералом» — теперь казалась нелепой и смешной.

После работы трудармейцы были обязаны вовремя возвращаться в бараки. Как-то раз Борис задержался, и один из охранников его остановил:

— Ты что, на базар ходил?

— Нет, никуда не ходил, иду из шахты.

— Не рассказывай мне сказки!.. — охранник быстро обыскал провинившегося и нашёл лишнюю карточку на обед в столовой. — А это что? Где взял? Купил?

Не обращая внимания на протесты Бориса, охранник безжалостно отрезал от карточки все талоны на хлеб. Таким образом он до конца месяца обрёк несчастного юношу на голод.

Борис так ослаб, что едва держался на ногах.

Чувство одиночества и безнадёжность довели до того, что он решил навредить себе, чтобы попасть в больницу и хотя бы на время забыться.

Однажды на смене, когда рядом никого не было, Борис решил отрубить себе пальцы. Положив руку на вагонетку, он размахнулся острой железкой. Но в последний момент опомнился: «Кому от этого будет легче? Надо бороться... Должно же это всё когда-нибудь закончиться!» Отбросив железку, он погнал лошадь в забой.

Зима только началась, а он уже променял на продукты почти всю свою одежду. За полведёрка свёклы он отдавал рубашку, или свитер, или брюки. Свёклу же приходилось есть сырую, варить было негде.

Зимой 1943 года Борис тяжело заболел и попал в больницу.

Однажды он услышал, как медсёстры перешёптывались, глядя на него:

— Парень — не жилец, вряд ли выкарабкается.

Он и сам знал, что в то время из больницы редко кто возвращался. Как и многие его товарищи, он был крайне истощён, и надежды на жизнь, можно сказать, не было.

Люди умирали на глазах. Сел человек на стул отдохнуть — и не встал, так на стуле и умер. Покойников можно было увидеть всюду — умирали и на постели, и просто на улице, и на рабочем месте.

В больнице Борис совершенно неожиданно встретил своего односельчанина. Тот рассказал, что и его родителей, и Шмидтов ещё в начале войны отправили на Алтай, в деревню Асямовку.

Получив адрес родных, Борис собрал последние силы и в тот же день написал им письмо с единственной просьбой — выслать ему сушёной картошки. Ему казалось, что, поев её, он выживет. О том же, что существует мука, а также всякие крупы и консервы, он совершенно забыл.

А в Асямовке, получив весточку от пропавшего без вести сына, родные были в недоумении: почему он просит сухой картошки? Почему не просит ни муки, ни других

продуктов? Не теряя времени, мать насушила картофеля, положила в посылку немного крупы, свиного жира и пятьсот рублей и отправила любимому сыну.

Получив посылку, Борис воспрянул — теперь-то он оживёт! И хотя за пятьсот рублей можно было купить всего лишь полкило хлеба, смальца и крупы хватило не на один день. Уже через пару недель окрепшего юношу выписали из больницы.

Весной Борис, думая, что он уже достаточно здоров, решил наняться на работу к одному пожилому мужчине.

— Можно, я вскопаю вам огород? — бодро спросил он. — Хочу немного заработать.

Окинув тщедушного работника мягким взглядом, хозяин подал ему лопату и кивнул:

— Пойдём!

Вышли в поле.

Борис с завистью смотрел, как ловко мужчина переворачивает глыбы земли. Сам же он, как ни налегал на лопату, воткнуть её в землю так и не смог. Пришлось ему возвратиться в барак ни с чем. Мозг отказывался понимать, что сил для работы у него совсем нет.

Кое-как пережили лето.

Осенью Борис вместе с товарищем всё же нанялся к одному хозяину перевезти сено. Мужчина рассказал, где стоят его копны, и пообещал, что будет кормить работников обедом, а потом ещё и деньгами заплатит.

Сено находилось в двенадцати километрах от города. После ночной смены Борис и его товарищ запрягались в двухколёсную телегу и шли в поле. Перевозить сено показалось Борису намного легче, чем копать огород. Приятный запах сухой травы бодрил и как будто восстанавливал немощные силы.

Нагрузив повозку, трудармейцы возвращались к хозяину, который кормил их сытным обедом и по своей доброте позволял часа полтора отдохнуть. После этого они опять шли в шахту.

Работали через день, пока не перевезли всё сено. Хозяин, как и обещал, дал работникам немного денег. Борис сразу же купил фасоли и крупы, от всей души радуясь, что зиму проживёт безбедно.

ЧП

— Шмидт, твой конь сдох! Говорят, ты его покалечил!..
Слова бригадира прозвучали для Бориса, как гром среди ясного неба. Он поспешил к группе шахтёров, сгрудившихся недалеко от спуска в шахту. Подойдя, увидел ужасную картину: на земле неподвижно лежал его конь! От людей он узнал, что коня подняли на-гора уже мёртвого, со сломанными рёбрами и перебитыми ногами.

Народу собралось много. Случившееся считалось чрезвычайным происшествием, и виновного ждало суровое наказание. Сменщик Бориса стоял тут же и без остановки повторял:

— Я пришёл, а он лежит... Я ничего не видел... не знаю...

Начальник участка составил протокол и сказал, что завтра приедет начальство и будет суд.

Наутро, после смены, Бориса вызвали к начальнику участка. У дверей кабинета стояли два милиционера, а в кабинете кроме начальника сидели ещё двое — судья и секретарь.

— Шмидт, тебя обвиняют в недобросовестном отношении к советскому имуществу. Ты покалечил коня... — бессердечно заявил судья.

— Я привёл его в стойло живого... — попытался оправдаться Борис.

Однако его никто не слушал. Процедура, именуемая судом, длилась менее часа.

— Три года лагерей общего режима...

Судья долго читал приговор, после чего Бориса тут же арестовали и отправили в тюрьму в Сталинск.

Вечером друзья из бригады, желая порадовать осуждённого, передали ему в камеру ведёрко печёной картошки.

Правда, не успел он оглянуться, как ведёрко опустело. На дне осталась лишь пара холодных, сморщенных картофелин.

На следующий день Бориса переправили в исправительно-трудовую колонию и определили в бригаду вырубщиков, работающих на Кузнецком металлургическом комбинате.

Когда его завели в барак, там находилось несколько заключённых. Мрачно и недружелюбно они разглядывали вновь прибывшего.

— Ты кто по национальности? — спросил один.

— Немец, — спокойно огляделся Борис.

— Значит, от работы отлынивать не будешь... — кивнул тот, и Борису показалось, что суровость на его лице сразу исчезла.

Заняв выделенное ему место, Борис отправился на смену.

На комбинат и обратно заключённых сопровождала вооружённая охрана с собаками.

Труд вырубщика — тяжёлый. Всю смену Борис работал отбойным молотком, вырубая дефекты на металлических плитах. Он был рад этой работе, потому что в дополнение к лагерному пайку заключённые-вырубщики имели право обедать в заводской столовой. А обед там был сытный и хорошо укреплял физические силы.

Целый год Борис трудился без особых проблем. Однако отбойный молоток — неласковая машина. В конце концов работник не выдержал нагрузки, и его положили в больницу.

Больному заключённому полагалась лишь порция баланды в день и небольшой кусок хлеба. Две недели Борис жил впроголодь и за время болезни совсем обессилел.

После выписки его встретил в цехе бригадир.

— И как ты собираешься стоять на молотке? — спросил он, критически глядя на истощавшего работника. — Пойдёшь на другой участок...

— Пожалуйста, оставьте меня в этой бригаде, — попросил Борис. — Я скоро окрепну! А пока разрешите носить зубила на заточку...

— Ладно, — смягчился бригадир. — Оставайся.

В цехе было несколько мастеров, которые точили зубила для отбойных молотков. Вот эти зубила и носил Борис на заточку и обратно, пока не поправился и опять вернулся к нелёгкой работе вырубщика. Этот труд вознаграждался не только дополнительным питанием, но и зарплатой, чему радовался каждый работник.

По окончании войны была объявлена большая амнистия, и осенью 1945 года Бориса освободили. Однако он не имел права жить, где хотел бы, и работать, где полегче. Все немцы в послевоенные годы находились на специальном учёте и без особого разрешения не имели права покидать место своего жительства. Как спецпереселенца, Бориса отправили в Кемерово на завод «Карболит».

В то время Борис узнал, что его братья — Пётр и Владимир — находятся в трудармии в Анжеро-Судженске, Кемеровской области. Эта новость его оживила: вот бы встретиться с родными, которых он не видел с начала войны! Он решил попросить разрешения на поездку к родственникам. Встретив коменданта на территории завода, Борис осмелился подойти к нему с этой просьбой.

— Зайди в управление, что-нибудь придумаем, — немного помедлив, ответил комендант.

Осведомитель?!

— Будешь с нами сотрудничать — поможем. Не будешь — до свидания! — поставил вопрос ребром дородный начальник, холодно глядя на посетителя.

Внутри у Бориса похолодело.

«Сотрудничать? — поёжился он. — Доносить и предавать людей?! Это же низко!»

Естественно, ему сильно хотелось встретиться с братьями, но...

Борис почувствовал себя в ловушке. Он не знал Бога, но чисто по-человечески понимал, что предательство — это

страшное преступление и большой грех. Что же делать в такой ситуации?

Он лихорадочно перебирал в голове разные варианты.

Через наглухо зашторенные окна свет в помещение почти не проникал, и эта полутьма, казалось, мешала думать. Однако начальник не торопил. Было только слышно, как он постукивает карандашом по столу. Борис вскинул на него глаза. Освещённый настольной лампой в тёмном помещении с высокими потолками, начальник выглядел устрашающе.

«Нет! Не буду этим заниматься!» — решил Борис. Но в тот же момент невыразимая тоска захлестнула его сердце, и он, потупив голову, хрипло промолвил:

— Хорошо...

— Пиши обязательство, — мужчина быстро протянул ему лист бумаги.

Борис написал, что от него требовали, выбрав себе кличку «зайчик». Начальник заметно подобрел, протянул ему письменное разрешение на выезд из города и даже посоветовал:

— Поезжай на электричке до станции Барзас, а дальше — пешком до Анжерки...

Борис незамедлительно отправился в путь. Прибыв в Барзас, он спросил у станционного работника, как попасть в Анжеро-Судженск.

— Вон высоковольтная линия, — показал тот рукой, — она идёт прямо в Анжерку. Не ближний свет, — добавил он, сдвинув на затылок шапку-ушанку. — Но если шибко надо, дойдёшь!

Поблагодарив за помощь, Борис зашагал в сторону линии электропередач. Декабрьские дни совсем короткие, и через час-другой он уже с трудом видел тропинку. Лишь высоченные опоры, словно маяки, указывали путь. Было темно и тихо, слышалось только поскрипывание снега под ногами.

Хотя Борис и оделся тепло, мороз пробирал до костей. С приближением ночи стало ещё холоднее, и уставший пут-

ник решил попроситься к добрым людям на ночлег. Увидев невдалеке огни деревни, он поспешил туда. В первом же доме хозяева охотно впустили незнакомца, приютили и даже накормили.

Три дня Борис шёл по заснеженному лесу. Две ночи провёл у добрых людей. Наконец пришёл в Анжеро-Судженск. Разыскал братьев. Жили они в землянке и, как показалось Борису, получше, чем он в своём бараке в Кемерово. Зарплаты у них были хорошие, и они не бедствовали.

На радостях Пётр с Владимиром сварили большую кастрюлю пшённой каши, нажарили целую сковороду яиц. Чем не пир?!

Прежде всего стали вспоминать о пережитом.

— В самом начале войны, когда родителей с Володей и Андреем эвакуировали в Сибирь, меня забрали в трудармию, — рассказывал Пётр. — Привезли на Урал.

Он немного помолчал. Глядя брату прямо в глаза, Борис понимающе кивнул.

— Колония, в которой я оказался, — продолжал Пётр, — за четыре с половиной месяца почти полностью вымерла. Выживших признали нетрудоспособными и в феврале 1942 года всем разрешили вернуться домой. А куда возвращаться? Я ничего не знал о родных. Долго искал. Деньги кончились, голод, холод... Думал, не выживу, дошёл совсем. Но всё-таки нашёл своих в Асямовке...

В печке чуть слышно потрескивало. Кашу и яичницу уже съели. Но братская беседа продолжалась.

— Не успел Петя оклематься, как его снова забрали в трудармию, — вступил в разговор Владимир. — А с ним и меня, потому что исполнилось шестнадцать. Так мы оказались здесь, в Анжерке. Поначалу жили в бараках. Вокруг — колючая проволока, как в тюрьме. Работали на шахте. Пётр — горнорабочим, а я — слесарем. В шахтёрской столовой кормили неплохо: завтрак, обед, ужин. Кроме того каждый день выдавали хлеб: Петру — кило двести, а мне — восемьсот граммов.

Борис рассказал о своих скитаниях.

— Жаль, что Якова нет с нами! — вздохнул Пётр.

Старший брат ещё в 1939 году был призван в армию и домой не вернулся, пропал без вести на финской войне.

Как и всё хорошее, время общения пролетело быстро. Через десять дней Борис засобирался в Кемерово.

Пётр пошёл провожать брата, сердце которого больно сжималось не только от разлуки, но и от мысли о предстоящем нечестивом сотрудничестве. За городом они остановились. Дальше идти было опасно — за нарушение комендантского режима наказывали строго.

Прощаясь, Борис не выдержал и рассказал Петру, какую цену он должен заплатить за эту встречу. Тот лишь вздохнул в ответ. Обнявшись, братья заплакали и разошлись.

Три дня пути показались неимоверно долгими. Тяжёлые мысли сгибали Борису плечи и мешали спокойно дышать. Ему очень хотелось освободиться от данного обещания. Но как?!

Через месяц, во время ночной смены, его неожиданно вызвали к начальнику цеха. Вместо него в кабинете сидел комендант.

— Что-то не видно твоей работы, — сказал он строго, без всякого предисловия.

Естественно, Борис сразу понял, о какой работе идёт речь.

— Я очень сожалею о том, что дал такое обещание... — Он едва не задохнулся от волнения.

— Как это понять?! — возмутился комендант.

— Не буду я работать на вас, — осмелел Борис. — Делайте со мной, что хотите.

— Завтра утром пойдёшь в управление, — отчеканил комендант. — Там с тобой чикаться не будут!

Борис знал, что чекисты не любят тех, кто им непослушен, но ему хотелось одного — освободиться от той ужасной ноши, которая не давала ему покоя.

В управлении Бориса встретил худой, с орлиным взглядом подполковник.

— Что скажешь? — спросил он, не сводя с несчастного собеседника сверлящих глаз.

— Я не буду работать на вас, — повторил тот заранее приготовленную фразу.

— Значит, обманул?! — повысил голос начальник.

— Да, обманул. Мне жаль, что пообещал.

— Зачем жалеть? Ничего особенного от тебя не требуется, — вдруг миролюбиво заговорил подполковник. — Мы ведь тоже люди и работаем, трудимся на благо родины...

Борис слушал молча. Согласиться на сотрудничество он никак не мог. Заметив его упрямый взгляд, подполковник резко сменил тему:

— Пиши разводную!

Он подал Борису чистый лист и стал диктовать: «...Отказываюсь от данного мною обещания... Обязуюсь никому не рассказывать об этом происшествии...»

— Свободен, — взяв бумагу, отрезал подполковник, едва только несостоявшийся работник поставил свою подпись.

Борис выскочил из кабинета, словно из западни.

«Действительно свободен! — радовался он, чувствуя, как колотится взволнованное сердце. — Никогда больше ничего подобного не буду обещать!»

Он чуть ли не прыгал от радости, направляясь к рабочему месту. Но через минуту-другую его отрезвила мысль, что этим людям нисколько не трудно вновь спрятать его за решётку. Прошло всего лишь четыре месяца, как он вышел на свободу. Отправить его обратно — ничего не стоит.

Борис задумался. «Нет, только не предательство! — сказал он себе. — Ни при каких обстоятельствах...»

Побежали дни за днями. Прошла зима, затем тёплое лето. К коменданту Бориса больше не вызывали.

Возрождение

— Что тебя так тянет на эти собрания? — спросил Борис у Владимира, когда тот в воскресенье уходил на богослужение.

— Я же нашёл настоящее счастье! — вдохновенно ответил брат. — Господь утешает меня и помогает во всём.

Я ни за что не вернусь к прежней жизни. Пойдём с нами, не пожалеешь!

В мае 1947 года Борису разрешили уволиться с завода и переехать в Анжеро-Судженск. Там уже собралась вся его семья. Родители с Андреем приехали в апреле 1946 года — благодаря усиленным ходатайствам Петра и Владимира.

Ещё до приезда родителей Владимир познакомился в шахте с верующими и стал посещать собрания баптистов. Евангельская весть не просто заинтересовала его, а покорила — он принял её всем сердцем.

Борис сразу заметил, что Владимир изменился. Он внимательно наблюдал за ним, но пока не соглашался пойти на богослужение. Борис не мог согласиться с тем, что вера в Бога — это не сухой обряд, знакомый с детства, ему не верилось, что Бог действительно может изменять людей.

Братья Шмидты, 1947 г.

В Анжеро-Судженске Борис устроился на шахту такелажником. Один раз вечером, вернувшись со смены, он заметил обычное субботнее оживление: все готовились к завтрашнему богослужению.

— Вы будто на праздник собираетесь... — решил пошутить он.

— Да, на праздник, — улыбнулся Владимир. — Воскресенье — это праздник для верующего. Если хочешь, пойдём с нами! И ты на празднике побываешь!

К удивлению родных, Борис согласился.

На собрание отправились пораньше. Идти нужно было через степь. Дорога заняла почти полтора часа.

Богослужение в немноголюдной церкви было скромным, но по-домашнему тёплым и искренним. Борису оно понравилось, и он стал посещать собрания, однако грешником себя не чувствовал.

Однажды на территории шахты он встретился с уже немолодой христианкой, членом церкви. Увидев его с папиросой, она воскликнула:

— Ты что делаешь?!

— Курю! — недоумённо посмотрел на неё Борис.

— Как же тебе не стыдно?! Ходишь на собрание и куришь!

Он затушил папиросу и задумался: «Разве мало того, что я хожу на собрания? Неужели мне нужно что-то менять в жизни?»

Молодой человек продолжал регулярно посещать собрания. Постепенно, шаг за шагом, Божественные истины стали достигать его сердца.

Не до конца понимая, о чём говорят на богослужении, Борис любил подшутить над проповедниками. Бывало, по дороге с собрания залезет на пенёк и, размахивая руками и шевеля губами, начнёт имитировать проповедовавшего. Да так точно передаст манеры и мимику, что братья не выдерживали и заливались смехом.

— Весельчак ты, Борис! — как-то раз сказал Владимир. — Если бы тебя ещё и Божья радость наполнила, ты мог бы сделать много доброго!

Весна 1948 года стала для Бориса весной новой жизни. Наконец-то он увидел себя грешником и раскаялся в грехах. Теперь и у него открылись глаза — он стал всё больше и больше понимать, что значит жить для Бога и быть спасённым. Он бросил курить, отказался от греховных привычек. Его нельзя было узнать — настолько изменилась жизнь!

В начале лета 1949 года он пожелал заключить завет с Богом.

Крещение, как обычно, назначили на воскресенье — на 12 июня. Случилось же так, что именно на этот день выпало его дежурство. За выходной бригада такелажников должна была установить на шахте конвейер. Работа была срочная, и её требовалось закончить до понедельника.

В воскресенье утром, придя на смену, Борис стал упрашивать бригадира, чтобы отпустил его домой.

— Ты что?! — возмутился тот. — Нам во что бы то ни стало надо установить конвейер!

— Поймите, я хочу принять крещение. Оно бывает всего один раз в жизни! Отпустите меня!

Бригадир не соглашался, а Борис не отступал. В конце концов тот не устоял перед настойчивыми просьбами своего подчинённого и отпустил его.

Казалось, у Бориса выросли крылья. Ни минуты не медля, он устремился на берег Чернушки, где было назначено собрание. В то лето крещение принимали одиннадцать человек.

«Какая чистая вода! — подумал Борис, уже выходя из реки. — Вот бы сохранить сердце таким же чистым, до конца преданным Богу!»

Избранница

— **В**олодя, почему ваши девчата не выходят замуж?! — поинтересовался однажды Борис. — Чего они ждут? У нас на шахте столько хороших парней!

— А как христианке пойти замуж за неверующего? — Володя удивлённо посмотрел на брата. — Что между ними общего? Для него норма — пить и курить, он захочет пойти на танцы, а она всей душой будет тянуться в церковь. Разве это семья?!

Борис был ещё необращённым. Он только начал посещать богослужения, его сердце ещё не открылось для Господа. Из слов брата он понял, что в церкви брак между верующим и неверующим не приветствуется. Однако его

мысли всё время возвращались к одной светловолосой девушке. Он уже выяснил, что она из семьи Паульсов и зовут её Агнесса. «Звучное имя!» — подумал он. Скромная, с открытым взглядом выразительных глаз, Агнесса запала ему в самое сердце. Он решил познакомиться с ней поближе.

Весной 1947 года Шмидты получили вблизи леса участок земли под строительство. Участки нарезали недавно — кто-то уже строился, кто-то только сажал огороды. Однажды на соседнем участке Борис увидел Агнессу. Она окучивала картошку.

— Бог в помощь! — окликнул он девушку, подойдя поближе.

— Спасибо, — распрямилась она.

Борис начал издалека: поинтересовался, сколько сажают картошки, хорош ли урожай.

— А когда у тебя день рождения?.. — резко сменил он тему.

— Восемнадцатого февраля.

— Смотри, как подходит... — проронил Борис.

Агнесса рассмеялась.

«Странный какой-то... Чего он хочет?» — подумала она, хотя совсем нетрудно было догадаться, к чему клонит этот парень.

Ещё до обращения к Богу, когда перед Агнессой встал вопрос, идти в церковь или нет, она подумала: «Надо сначала выйти замуж, потому что верующей нельзя выходить за неверующего. А идти за верующего — опасно, его обязательно посадят лет на двадцать пять. Что тогда делать? К Богу можно обратиться и потом...»

Эти мысли были не безосновательны. В то время многим христианам присуждали большие сроки. Её отца тоже не обошла такая участь.

Однако с возрастом, наблюдая за жизнью окружающих, Агнесса рассуждала: «Разве счастливы женщины, у которых мужья неверующие?! Вышли замуж, год пожили вместе и развелись. А если не развелись, то у них не жизнь, а каторга: бесконечные ссоры, пьянки, побои. Разве это счастье?» Когда же её сердце повернулось к Богу и она

искренне заключила с Ним завет, то твёрдо решила, что на неверующих парней даже смотреть не будет. Поэтому общаться с Борисом ей не хотелось.

В конце лета отец Бориса попал в больницу. Посещая его, Борис узнал, что неподалёку от этой лечебницы живут Паульсы. Он обрадовался и на обратном пути решил зайти к ним. Ангесса ещё не вернулась с работы. Он остался подождать. Но она, увидев его, дома не задержалась — быстро сообщила матери, что нужно что-то купить в магазине, и ушла.

«Ну вот, пришёл с ней поговорить, а она убежала!» — расстроился Борис.

Через месяц он сам попал в больницу с переломом ноги.

— Это тебе девушка принесла... — пожилая медсестра подала Борису ещё тёплый свёрток.

Он долго расспрашивал, как выглядела девушка, во что была одета. Ему так хотелось, чтобы это была Агнесса! Поговорить с ней по душам ему никак не удавалось.

Как-то раз после богослужения Агнесса столкнулась в дверях с группой молодых людей, в числе которых был и Борис. Перебросившись несколькими фразами, молодёжь направилась к калитке.

— Давайте немного проводим Агнессу и заодно пообщаемся, — предложил Борис, и все двинулись в сторону города.

Говорили о том о сём, но недолго. Как-то незаметно, один за другим, друзья растворились в темноте, поспешая к своим домам. Рядом с Агнессой остался только Борис.

«Хитрый какой! — подумала она. — Нарочно придумал это провожание!»

И она была права.

Молодой человек сразу повеселел, разговорился. Однако на его намёки девушка решительно сказала, что между ними ничего не может быть, потому что он ещё не обратился к Богу.

С тех пор Борис несколько раз пытался провожать Агнессу, но она оставалась непреклонной:

— Ты меня не провожай. Это будет преткновением.

Однажды у них всё же произошёл короткий разговор. Не спрашивая разрешения, Борис пошёл рядом с ней и напрямую заговорил о том, чтобы им пожениться.

Агнесса долго молчала. Её сердце гулко колотилось, а мысли закружились роем: «Он же ходит на собрания... Может, только ради меня, а не ради Бога... Может, сказать ему, чтобы он покаялся и принял крещение?.. Нет! Господи, не хочу, чтобы он стал членом церкви только для того, чтобы жениться на мне!..»

Агнесса вдруг остановилась и, посмотрев ему в глаза, сказала:

— Нет, Борис, ты совсем мирской человек.

— Но я же не безбожник! На собрания хожу, мне даже нравятся ваши собрания. Если мы поженимся, ты поможешь мне стать христианином...

Агнесса немного помолчала.

— Представь себе, что я стою на столе, а ты — на полу, — наконец нашлась она. — Как ты думаешь, если я

Борис

Агнесса

попытаюсь затащить тебя на стол, у меня получится?

— Вряд ли! — рассмеялся Борис. — Скорее всего я стащу тебя вниз!

— Так и в браке, — серьёзно проговорила она. — Я не смогу втащить тебя в церковь, зато ты утащишь меня в мир! Нет, я такой жизни не хочу!

После этого разговора Агнесса стала нравиться Борису ещё больше. Но общаться с ней у него не получалось до тех пор, пока не коснулась его сердца спасительная весть.

Когда его жизнь изменилась и он заключил завет с Господом, перед ним вновь встал вопрос брака. На этот раз Агнесса с радостью дала согласие, видя в нём искреннего и богобоязненного христианина. Молодые люди начали готовиться к свадьбе.

30 июля 1949 г.

В недостроенном домике, принадлежащем семье Шмидт, 30 июля 1949 года совершилось памятное бракосочетание Бориса и Агнессы. Обед накрыли прямо во дворе. На торжество собралась вся церковь, было много неверующих. Собрался чуть ли не весь посёлок — человек около двухсот.

Такой многолюдный брак проходил

в Анжерской церкви впервые. Молитву благословения совершал Савелий Фёдорович Тихий. Руки на молодых он не возлагал, поскольку был выходцем из евангельских христиан, которые это не практиковали.

Новая семья поселилась в бревенчатом домике из некачественного бруса — это то немногое, что они могли себе позволить. Всю мебель — шкафы, комоды, столы, стулья и кровати — Борис мастерил своими руками. Ему нравилось столярничать, и в свободное время он часто занимался любимым делом.

Агнесса

— Что это ты поёшь? — наклонилась над пятилетней Агнессой мама.

— Мой Бог! Я, без сомненья, навеки буду Твой... — погромче запела девочка по-немецки.

Она спела весь куплет и восторженно сказала:

— Мы на детском учили эту песню, мне так понравилось!..

Девочка первый раз попала на детское собрание, к тому же на праздничное. Рождественские дни семья Паульс проводила в Берёзовке, в гостях у родственников.

Пётр Генрихович и Мария Корнеевна Паульсы, баптисты по вероисповеданию, жили на хуторе Юрманкей, в двадцати пяти километрах от города Давлеканово (Башкирия). В их семье родилось четверо детей — сын и три дочери. Однако сын и одна дочь скоропостижно умерли в 1917 году.

Агнесса росла младшим ребёнком в семье. Единственная её сестра Катя была на девять лет старше.

В 1928 году, когда Агнессе исполнилось семь лет, отец узнал, что их родственники, жившие на другом хуторе, в десяти километрах от них, наняли учительницу, чтобы обучать своих детей. Он решил, что младшей дочери тоже нужно учиться. Для этого ей всю неделю приходилось жить у

родственников. Каждый понедельник отец отвозил её туда и в субботу привозил домой. Агнесса была единственным первоклассником, ещё двое детей учились во втором классе, и трое — в третьем. Однако учёба длилась недолго, потому что родственники неожиданно переехали в другую местность.

Отец сильно хотел, чтобы его младшая дочь выучилась грамоте. Зимой 1929 года он где-то нашёл много книг с детскими рассказами на немецком языке. Длинными зимними вечерами Агнесса читала эти книги, которые в полном смысле слова стали её друзьями.

В 1930 году Паульсов, как и других крестьян в округе, раскулачили. Можно сказать, ни с чем бедняги переехали в соседнее Горчаково. Там около года мыкали своё горе среди таких же немцев-баптистов.

А в 1931 году всех раскулаченных выслали в Сибирь. В июле переселенцы прибыли в Анжеро-Судженск. Им выделили участок земли вблизи города, и началась борьба за выживание.

Первым делом соорудили шалаши, мало-мальски прикрывающие от ветра и дождя. Потом стали думать, что делать дальше.

Всех мужчин, пригодных к работе, власти отправили на шахту. Остальные принялись рубить лес для строительства жилья и копать траншеи под землянки. Траншеи копали метров шесть шириной и немного больше чем полметра глубиной, в длину же — и сто, и двести метров.

Землянка потому и землянка, что находится в земле и состоит из земли. Длиннющие сооружения назывались ещё бараками и были разделены на «квартиры», в каждой из которых размещалось по десять человек. На две квартиры была одна входная дверь. Внутри квартиру от квартиры отделяла печь. Взрослые и дети спали на дощатых нарах, под которыми хранились их личные вещи.

Отсутствие элементарных условий жизни вызвало массовую эпидемию. Каждый день хоронили по десять и более человек. Умирали в основном молодые люди.

Это страшное событие заставило властей разрешить

переселенцам строить дома. Тех, кто не мог приступить к строительству, переселяли в городское общежитие.

Отец Агнессы первым записался в список желающих строиться и получил участок земли. Правда, новый дом мало чем отличался от землянки. Стены и крыша были выложены из дёрна. В этих домах прожили только три года.

За лето 1931 года в Анжеро-Судженск прибыло около четырнадцати тысяч переселенцев. Однако среди них было мало верующих. Немцы — баптисты и меннониты — общались между собой, но богослужений никто не проводил. Найти же местную церковь не было возможности, потому что сосланных не пускали в город.

В 1934 году запрет на посещение города переселенцами сняли. Тогда Пётр Паульс нашёл группу верующих, которые проводили собрания в частном доме. Но в начале 1935 года власти разорили церковь — шестерых братьев и одну сестру арестовали. Богослужения прекратились. Некоторое время верующие посещали друг друга тайком, опасаясь ареста. Вскоре и эти общения закончились.

В среде переселенцев богослужения тоже не проводились. Только Давид Варкентин — регент по призванию, по воскресеньям приглашал к себе молодёжь и учил петь. На этих спевках бывали и сёстры Паульс — Катя и Агнесса. Правда, Агнесса была ещё подростком, но отец всегда посылал её на спевку вместе со старшей сестрой. Та училась петь, а Агнесса сидела возле печки и забавляла дочь хозяев. Поневоле она запоминала и мелодию, и слова песен.

В 1936 году семья Паульс, как и многие другие, приступила к строительству настоящего дома, потому что вышел указ ликвидировать землянки. Сколько тяжелейшего труда было вложено в новый дом! Сколько сил и мастерства проявил отец! Сколько глины перемесила мать! В тот же год перебрались в новый дом. Казалось, что наконец-то они устроились. Отец работал стекольщиком и хорошо зарабатывал. Семья не голодала.

Заканчивался 1937 год. Вместе со всеми верующими, Паульсы планировали праздновать Рождество. Но неожиданно

в их дом вновь вторглась беда — отца арестовали.

В Анжеро-Судженске, как и в других городах и сёлах огромной страны, были арестованы чуть ли не все мужчины, в том числе и мирные немцы-христиане. Никто из них больше не вернулся в семью.

После школы Агнесса устроилась учителем немецкого языка в селе Улановка, но проработала всего один год. По требованию военкомата, осенью 1942 года девушка вынуждена была устроиться на шахту и под открытым небом лопатой грузить уголь на транспортёр.

Приближалась зима, начались бураны.

«Господи, как я буду работать зимой?» — переживала девушка, дрожа от холода. Сколько же было у неё радости и благодарности Богу, когда в ноябре она узнала, что её переводят вахтёром в общежитие! Однако там она проработала всего три месяца. Зимой 1943 года ей и ещё нескольким девушкам сообщили, что их вновь переводят на шахту.

— Немцам место только в шахте! — бросали им вслед недоброжелатели.

Теперь Агнесса работала в забое. Вдвоём с девушкой они подтаскивали брёвна к месту добычи угля. Участок был низким, передвигаться по нему можно было только на коленках или ползком. Ближе к весне в город стали привозить военнопленных, и девушек перевели на более лёгкую работу — мотористками.

Во время работы Агнесса часто вполголоса что-нибудь пела на родном языке. Как-то раз к ней подошла русская женщина и шепнула в самое ухо:

— А я знаю, что ты поёшь! И знаю, где ваши собираются. Когда-нибудь покажу тебе. Хочешь?..

Осколки

— **Н**ам нужно собираться для молитвы. Непременно нужно... — с глубоким убеждением говорил брат, устало глядя на двух уже немолодых хозяек дома. — Христианин не

может выжить без общения с верующими, без совместной молитвы.

— Так-то оно так, но это опасно. Могут арестовать, — проговорила одна из сестёр, глубоко вздохнув. — Вы сами знаете, отсидели-то немало.

— Да, могут и арестовать. Но неужели временная свобода, если её можно так назвать, важнее Христа?

Это были слова человека, познавшего истину на практике, прошедшего через тюрьмы и лагеря. Служитель Василий Архипович Салфетников отбыл десять лет в неволе за веру в Бога. После освобождения он поселился в Анжеро-Судженске и пытался собрать разрозненных верующих. Будучи ещё довольно молодым (всего сорок лет!), он мог передвигаться только на костылях, но и в таком состоянии стал разыскивать в городе христиан и убеждать их в необходимости проводить богослужения.

В 1944 году в городе начала собираться небольшая группа верующих. Весной к ним пришла Агнесса.

В 1945 году в церкви дважды проходило крещение. На праздник Троицы приняли крещение пять человек, и в конце августа — ещё трое. Тогда заключила завет с Господом и Агнесса.

В этом же году власти начали требовать регистрации общин, и Василий Архипович стал хлопотать о том, чтобы зарегистрировать Анжерскую церковь. Однако всё оказалось не так просто.

— У вас нет молитвенного дома, — говорили в верхах, — как вас регистрировать? Арендуйте какое-либо помещение или купите дом, тогда и приходите с заявлением.

Где взять денег скудно живущим христианам? Но они сделали всё, чтобы купить дом. Мать Агнессы, например, продала отцовскую шинель и шубу. Получив две тысячи рублей, она охотно вложила эти деньги в покупку дома для церкви.

В 1947 году анжерцы приобрели здание, немного подремонтировали его и стали в нём собираться.

Церковь расцвела, оживились богослужения. Как раз

в то время в город приехал брат, который организовал хор. На собрания стали приходить молодые трудармейцы. В основном это были немцы. Некоторые из них обратились к Богу. Среди них был и Владимир Шмидт. Новообращённые желали присоединиться к церкви, но Василий Архипович усиленно хлопотал о регистрации общины и боялся совершать крещение. Он договорился с братьями из Томска и отправил к ним шестерых анжерцев, чтобы их там крестили.

Власти же никак не хотели регистрировать общину в Анжеро-Судженске.

— Вначале зарегистрируйтесь, потом будете собираться, — твердили они, вызывая Василия Архиповича в городской исполнительный комитет.

В октябре 1948 года, после того как Василий Архипович всё же решился крестить двух братьев, его потребовали в администрацию и велели в течение двух суток покинуть Анжеро-Судженск.

Спустя короткое время после уезда Салфетникова, в горисполком вызвали его дочь, на которую был оформлен купленный церковью дом.

В кабинете сестру встретил сурового вида мужчина. Потребовав у неё документы на дом, он грубо спросил:

— Дом принадлежит вам?

— Нет, он принадлежит церкви, потому что куплен на пожертвования, — просто ответила сестра, не ожидая никакого подвоха.

— Та-ак... Вам не принадлежит. Но церковь в Анжеро-Судженске не зарегистрирована, значит, её официально не существует и дом принадлежать ей не может! Он будет конфискован...

Таким образом дом перешёл в собственность государства. По этому поводу было пролито немало слёз, написано множество ходатайств и заявлений, но всё — абсолютно безрезультатно.

Через какое-то время дом по неизвестным причинам сгорел. Церковь же продолжала жить, хотя верующие и

В центре — Савелий Фёдорович Тихий. Праздник Пасхи, 1950 г.

скитались по убогим жилищам, совсем неприспособленным для богослужений.

Казалось, враги Божьей церкви торжествуют победу: пресвитера вынудили уехать, молитвенный дом отобрали. Но Господь, истинный Глава Церкви, не оставил общину в Анжеро-Судженске без попечения.

Незадолго до этих событий в город приехал ещё один служитель — Савелий Фёдорович Тихий. Несмотря на трудные времена, он принял руководство общиной.

Возрастание

— Ты больше читай, вникай в Священное Писание. Не стоит делать акцент на пении и музыке. На наших собраниях на первом месте должна быть проповедь, живое Божье слово, — по-дружески советовал Борису Владимир, заметив некоторый перекос в служении брата.

Борис с детства любил музыку. После обращения к Богу

он подумал было, что ему придётся попрощаться с ней, но потом понял, что петь и играть можно и для Божьей славы, для утешения и назидания. И он увлёкся музыкальным служением. Вместе с младшим братом Андреем они приобрели скрипки и стали осваивать этот прекрасный инструмент, посвящая игре всё свободное время.

Однако проповедовать Борису было очень трудно, несмотря на то, что он умел говорить публично. Он долго не мог забыть свою первую проповедь. Понадеявшись на способности, без всякой подготовки он встал и наугад прочитал какой-то Псалом. Встретив совершенно незнакомое слово, он не мог его выговорить до тех пор, пока ему не подсказал малограмотный старец Савелий Фёдорович.

«Так не пойдёт! — сказал себе после этого Борис. — Проповедник не должен быть посмешищем у слушателей. Надо научиться говорить грамотно, читать внятно, чтобы через мою проповедь мог действовать Святой Дух».

После увещаний брата Борис стал серьёзнее относиться к чтению Писания и духовной литературы, хотя в юности совсем не любил книги.

Семейство Шмидтов, 1950 г.

Между тем церковь в Анжеро-Судженске умножалась. Борис вместе с Владимиром трудились, не жалея ни сил, ни времени.

В 1950 году неожиданно арестовали двух братьев — Ивана Ароновича Кнеля и Исака Ивановича Петкера. Их осудили на двадцать пять лет за организацию рождественского собрания для детей.

После этого события многие стали побаиваться посещать богослужения, а Савелий Фёдорович начал подумывать о переезде.

В то время неверующие родственники некоторых членов церкви работали в государственных органах власти. Они стали распространять слух, будто пресвитер баптистов — предатель, он, мол, рассказывает властям всё, что происходит в церкви.

Кто-то поверил этим выдумкам, и — к Шмидтам, как к самым активным братьям:

— Наш Савелий Фёдорович работает на них...

— Откуда вы знаете? — смутился Борис.

Поняв, что молва идёт от неверующих, он заявил:

— Не верю!

Позже он решил прямо спросить у старца, правда ли это. Савелий Фёдорович в ответ мягко улыбнулся:

— Кому они поверили?!

Однако отношение властей к верующим не менялось, и вскоре Савелий Фёдорович объявил церкви, что уезжает на Украину.

Это было потрясением для всех, но служитель, пытаясь как-то утешить единоверцев, сказал на прощание:

— У вас тут есть молодые братья, есть Борис...

Совершенно неопытный христианин слушал эти слова с недоумением: «Я же не способен руководить церковью! И крещение принял совсем недавно...»

После отъезда Савелия Фёдоровича богослужения както враз прекратились. Лишь в том районе, где жили Шмидты, собиралась небольшая группа для молитвы.

В один из вечеров, после собрания, ужиная вместе

с Владимиром, Борис завёл разговор о наболевшем:

— Нужно что-то делать, как-то ободрить верующих, зажечь их. Я не могу равнодушно смотреть на происходящее!

Владимир долго молчал, словно боялся нарушить глубокую тишину, повисшую в воздухе.

— Думаешь, тебе под силу всё восстановить? — наконец проговорил он с некоторым сомнением.

— Для Бога нет ничего невозможного! — с жаром воскликнул Борис. — Нам нельзя опускать руки. Будем собираться, молиться, будем помогать друг другу. Иначе, что скажут нам братья, когда вернутся из заключения? Они томятся в неволе, а мы на свободе всё развалили! Как на всё это смотрит Бог?..

Поговорив с Владимиром и ощутив его поддержку, Борис начал посещать пожилых и одиноких верующих в городе и вдохновлять их ходить на собрания.

Восстанавливать разрушенное оказалось непросто.

Худо-бедно, но через месяц-полтора в Анжеро-Судженске около десяти человек стали собираться для молитвы и чтения Библии.

Как-то раз, подойдя к дому, где обычно проходили богослужения, Борис удивлённо огляделся — дверь была закрыта. Постучал. В ответ — тишина. Ещё раз постучал, настойчивее. Наконец скрипнули половицы и дверь открылась.

— Мы с сёстрами договорились больше не собираться, — почти шёпотом сообщила хозяйка. — Боимся, что тебя посадят. Мы решили, что молиться можно и порознь.

Борис обомлел.

— Это же не по Писанию! — зашёл он в сени. — Идите приглашайте всех, будем молиться вместе!

В тот вечер пришло человек пять. Прочитав текст из Евангелия, Борис убеждал сестёр в том, что Божью Церковь никто и ничто не одолеет:

— Нам нельзя падать духом! Сам Господь обещал пребывать с теми, кто принадлежит Ему! Не надо бояться ни страданий, ни даже смерти, потому что верность Богу вознаграждается вечной жизнью, вечным блаженством.

Во время молитвы старушки плакали, просили прощения за свои страхи и маловерие, просили у Господа силы проявлять верность Ему до конца.

Бог благословил старания Бориса, и постепенно христиане начали оживать. Весть о богослужениях ширилась, и собрания становились более многолюдными.

Со временем полноценные богослужения восстановились. Борис начал проводить спевки, охотно расписывал партитуры для хористов. В то время немцы вместо нот использовали цифры. Освоить эту грамоту тому, кто любил музыку, было нетрудно. Жизнелюбивый и энергичный, Борис успевал совмещать и работу, и стройку дома, и заботу о семье, и служение в церкви.

Вместе с тем он серьёзно занимался изучением Священного Писания. Его глубоко заинтересовала догматика. Однако догматической литературы на русском языке не было, и ему приходилось выписывать книги из Эстонии на немецком языке.

Однажды ему попалась книга под названием «Иисус». Христианская литература — редкая вещь, и Борис с жадностью окунулся в чтение. Однако прочитав несколько глав, он стал сомневаться в изложенных догмах. Новичок в вере, он не сталкивался ещё с разногласиями в богословии. Как только противоречия между суждениями автора и Евангелием стали очевидны, он тут же безжалостно сжёг книгу.

В проломе

— Опять церковь опустела! — с горечью проронил Борис после проводов очередной семьи в Среднюю Азию.

— А не уехать ли и нам? — услышал он в ответ от родных братьев.

В 1954 году, после смерти Сталина была большая амнистия, и досрочно освободившиеся братья И. А. Кнель и И. И. Петкер вернулись домой. Борис и Владимир воспрянули духом — теперь-то всё наладится! Церковь оживёт,

начнутся полноценные собрания, зазвучат живые проповеди. Однако довольно скоро их постигло разочарование — один за другим реабилитированные братья вместе со своими семьями покинули холодную Сибирь и подались в Среднюю Азию. Их примеру последовали многие христиане, в том числе и Пётр — родной брат Бориса. В городе почти не осталось верующих.

Владимир и Андрей Шмидты тоже подумывали о переезде и уже несколько раз пытались уговорить Бориса:

— Давай уедем! Общение с церковью должно быть на первом месте в нашей жизни, а здесь всё распалось! Там хорошие собрания, там есть служители, там дети будут вместе с нами...

Всякий раз после таких разговоров Борис серьёзно обдумывал сложившуюся ситуацию, и перед ним вставали трудные вопросы: кто будет отвечать за развал церкви? угоден ли Богу наш переезд? разве мы не можем сохранить детей и здесь, в Анжеро-Судженске?

Вместе с Агнессой он стал просить у Бога мудрости, как поступить. Пришло время, когда он уверенно сказал жене:

— Я думаю, что здесь тоже должна быть церковь. Уехать — значит поступить против совести.

Однако братья всё чаще и чаще заводили разговор на эту тему, и однажды Борис рискнул предложить:

— Давайте все трое напишем заявления об увольнении. Если нас уволят — уедем. А если нет, это будет для нас знаком, что Бог хочет, чтобы мы остались и трудились в этой общине.

К великой радости Бориса, директор шахты не подписал поданные на его имя заявления, и братья Шмидты остались в Анжеро-Судженске, приняв это как ответ от Бога. И хотя через короткое время увольнение стало возможным, они уже твёрдо решили никуда не уезжать.

А церковь, несмотря ни на что, жила. Ободряя друг друга, христиане, хоть и небольшим составом, всё же проводили богослужения. Особых притеснений со стороны властей не было. Борис как мог и чем только мог участвовал

в жизни церкви, приобщал к служению и своих подрастающих детей.

Отсутствие служителя в общине ощущалось всё сильнее, и однажды Борис вместе с братом Амосом решился поехать в Новосибирск и попросить служителей, чтобы прислали к ним пресвитера.

Богослужение в Новосибирском молитвенном доме произвело на анжерцев неизгладимое впечатление. Пение хора, проповеди видных служителей — Григория Петровича Рак, Самуила Гавриловича Арискина, Петра Степановича Горбачёва, — всё было чинно, на высшем уровне.

«Как здесь всё устроено! — восхищался Борис. — Как хочется, чтобы и у нас звучали такие сильные проповеди, красиво пел хор...»

После богослужения Борис с Амосом подошли к старшему пресвитеру:

— Мы приехали из Анжеро-Судженска, хотим с вами побеседовать.

— Пожалуйста, пойдёмте ко мне домой, — дружески пригласил он.

Переступив порог роскошного кабинета, братья в недоумении переглянулись.

— Не смущайтесь, — как бы угадывая их мысли, заговорил Самуил Гаврилович и подвинул им стулья. — У меня есть дети, все учатся, и книги им нужны для учёбы. — Он бережно провёл рукой по корешкам дорогих изданий.

Пробежав глазами по названиям книг, Борис понял, что среди них много художественной литературы, но промолчал, у него была другая тема для разговора.

— Мы приехали к вам с большой проблемой, — начал он, думая о главном. — Церковь у нас немаленькая, есть желающие креститься, а пресвитера нет.

— У меня тоже нет пресвитера, — улыбнулся Арискин. — Ищите у себя.

— Как искать? — удивился Борис. — Пресвитер должен быть почтенного возраста, с бородой, а у нас в общине таких совсем нет...

— Ну, не обязательно с бородой, — рассмеялся служитель. — В Библии написано: «Изберите из среды себя...»

Он замолчал. Борис с Амосом тоже молчали.

— У меня вот есть, например, песенник, могу вам предложить, — снова заговорил Арискин. — Хотите? Сто рублей стоит.

— Конечно хотим, — оживился Борис. — У нас нет ни одного в церкви. Всё переписываем от руки...

На этом визит к старшему пресвитеру закончился. Братья возвратились домой, можно сказать, ни с чем. Лишь купленный сборник песен напоминал о том, что где-то есть большие, устроенные церкви, а им самим надо заботиться о себе.

Пробуждение

— Я, конечно, понимаю, что и в нашей церкви не всё гладко, — заговорила однажды Агнесса по дороге из Томска. — Но у них проповеди какие-то неживые... Детей на собрании совсем нет. И зачем они с кафедры читают газеты? Да ещё правительство расхваливают на все лады... Что-то здесь не то!..

Борис не спешил с ответом. Он и сам часто задумывался над этими трудными вопросами. Агнесса же продолжала:

— Я слышала, что где-то недавно отлучили группу молодёжи за то, что они пели в электричке. И никто за них не заступился! Разве это справедливо? Неужели никого нет, кто бы увидел, что все эти запреты исходят от старших братьев?

— Думаю, многие видят, но кто осмелится громко заявить об этом?! Да что там... у нас самих не всё так, как хотелось бы. Проповедников сильных нет. Даже пресвитера нет. Оттого столько всяких неразрешённых вопросов...

Шёл 1957 год. Совсем недавно Борис и Агнесса узнали, что их третья дочь Мария серьёзно больна. С тяжёлым диагнозом её отправили на операцию в Томск. Проведывая свою девочку в больнице, они познакомились с верующими

Семья Шмидт собралась на богослужение, 1959 г.

и по возможности всегда посещали богослужения. Однако многое им было чуждо и непонятно.

Три месяца Мария лежала в Томской больнице. Три месяца Борис и Агнесса ездили к дочери и посещали Томскую общину. В те дни боль души о судьбе четырёхлетней дочери смешивалась с сердечным томлением о плачевном состоянии церкви.

«Разве это правильно, что власти вторгаются в церковные дела?» — думал Борис и порой рассуждал об этом с Агнессой, а она приводила ему неоспоримые факты:

— Почему в церкви нельзя призывать к покаянию? Почему до крещения допускают только через три года — зачем такой длительный испытательный срок? Почему в молитвенных домах продают билеты в кино, а детей запрещают водить на собрания?

— К тому же за несоблюдение всех этих необъяснимых правил исключают из церкви, — печально вздыхал Борис.

Правда, всего этого не было в Анжеро-Судженске, но так было в Томске, в Новосибирске, в других городах.

Наблюдая это страшное отступление от библейских принципов, многие христиане скорбели: неужели не найдутся братья, способные исправить создавшееся положение?!

Через три месяца после неудачной операции Мария умерла. Похоронив дочь, Шмидты уже не ездили так часто в Томск, но скорбь о «болезнях» церкви не оставляла их.

В то же самое время в Анжеро-Судженск стали доходить слухи, что в некоторых местах верующие, обеспокоенные состоянием церкви, стали собираться отдельно. Так было в Осинниках и в Барнауле.

Однажды Борис, находясь в Новосибирске, стал невольным свидетелем отлучения братьев и сестёр, несогласных с «Новым положением о ВСЕХБ», разосланным по зарегистрированным общинам от имени руководства ВСЕХБ.

После утреннего богослужения, на котором присутствовал Борис, было объявлено членское собрание. Гости вышли во двор.

Зачитав длинный перечень фамилий, пресвитер сказал:

— Тех, кто не согласен с «Новым положением», будем считать отлучёнными!

Из зала один за другим стали выходить братья и сёстры. Кто-то плакал, кто-то тяжело вздыхал. Их лица выражали печаль и недоумение. Вслед уходящим из зала летели нелестные реплики:

— Если бы они были наши, то остались бы с нами!

— Они ушли, потому что не наши!

В тот день около пятидесяти человек оказались отлучёнными. Они стояли во дворе, беспомощно глядя друг на друга. Среди них был и старец Ераст Киреевич Смолюгов. Он мягко сказал:

— Пойдёмте, друзья, в лес. Помолимся Богу под открытым небом, Он услышит нас!

Пошли в лес. Ераст Киреевич предложил молодым братьям начать собрание.

Находясь там, среди друзей по духу, Борис оказался свидетелем рождения новой церкви в Новосибирске. Впоследствии Ераст Киреевич стал её пресвитером.

В отличие от других общин, в Анжеро-Судженск не поступало никаких «Положений» и «Инструктивных писем», потому что церковь не была зарегистрирована. Здесь христианам приходилось вести борьбу другого рода — представители органов власти, пытаясь подчинить себе общину, всячески угрожали верующим и притесняли их на производстве. При всём том богослужения не прекращались, и дети всегда ходили на собрания вместе с родителями.

В 1961 году верующие Анжеро-Судженска узнали, что по всей стране в церквах началось пробуждение. К ним тоже пришло письмо от служителей, обеспокоенных состоянием церквей и призывающих христиан к очищению и освящению.

В тот день Бориса не было дома. Агнессе передали письмо со словами: «Это важно для всех верующих!» Открыв конверт, она не без волнения прочитала: «К Церкви Божьей евангельских христиан-баптистов... от Инициативной группы...»

Семья Бориса Яковлевича, 1961 г.

Агнесса несколько раз перечитала длинное письмо, в котором вскрывались проблемы ВСЕХБ, а также был призыв к ходатайству о съезде верующих. В конце письма стояла подпись: «Пресвитеры: Крючков Г. К., Прокофьев А. Ф.»

— Услышал нас Господь! — облегчённо вздохнула она. — Решились братья встать в проломе. Интересно, кто они...

Когда Борис вернулся из поездки, Ангесса отдала ему письмо. Несколько раз они прочитали его вместе, живо обсуждая прочитанное.

— Братья пишут верно! Нужно бороться за истину, — Борис задумчиво убрал письмо в ящик. — Правда, будет нелегко. Кому-то придётся разделить участь Стефана...

— Да... — Агнесса взглянула на мужа. — Но вместо Стефана Господь воздвигнет Савлов... — повторила она запомнившиеся слова из письма.

Рукоположение

— Гостей принимать не будем, да и самим нам нечего делать в других церквах, — решительно заявил Борис, приветствуя брата после молитвы.

— Почему же?! Зачем так отгораживаться? — непонимающе спросил Владимир.

— Они только раздоры вносят! Посмотри: один приехал — всё настаивал на регистрации, другой — чуть ли не напрашивался в пресвитеры... Нужно хранить церковь! Вот такая будет у нас «китайская стена»...

В конце 1950-х годов во многих церквах положение действительно было сложным. Хотя в больших общинах вблизи Анжеро-Судженска было немало искренних верующих, поведение служителей настораживало Бориса и Владимира Шмидтов. Не зная опытных наставников, они многому не были научены, потому совершали служение, как понимали.

Однако братья из ближайших церквей стали искать общения с верующими в Анжеро-Судженске.

Агнесса тоже побуждала мужа общаться с другими христианами:

— Не одни мы хотим жить свято! Посмотри, какие искренние братья приезжали из Юрги...

Борис много заботился о том, чтобы собрания проходили регулярно. Духовные нужды требовали особого внимания, и он трудился в церкви не жалея себя. Христиане любили его за внимательность, за готовность помочь в трудную минуту. За неимением служителя, он по решению членов церкви стал совершать вечерю Господню, крестить новообращённых, только без возложения рук.

Братья давно уже поговаривали о рукоположении Бориса, но это совершилось только в 1963 году.

В тот летний прохладный день в небольшом домике Шмидтов неспешно готовились к обеду. Гостей не ждали. Однако Борис, посмотрев в окно, увидел двух братьев, заходящих во двор. В одном из них он узнал пожилого служителя из Славгорода — Андрея Исаковича Жирова. Этот старец был известен на Кузбассе как епископ, имеющий право рукополагать в служители.

Борис сразу догадался, зачем приехали братья. Поэтому, когда они после сердечного приветствия стали знакомиться с семьёй, он прямо спросил:

— Что, надо собирать членское?

— Надо, — ответил Андрей Исакович.

Борис объехал на мотоцикле всех членов церкви и

Всякое дело он хотел делать скорее...

предупредил, что вечером состоится членское собрание. За это время служители побеседовали с Агнессой, которая с радостью приняла предложение братьев о рукоположении мужа. Она уже давно желала этого и горячо молилась о плодотворном служении Бориса для Царства Божьего.

На членском собрании Андрей Исакович поставил перед церковью вопрос о рукоположении Бориса Яковлевича Шмидта в пресвитеры.

— Какое ваше мнение? Можно доверить ему это служение?

Все единодушно проголосовали за столь желанное решение, и оно было осуществлено на том же собрании.

Сам Борис Яковлевич принял эту ответственность со страхом. Да, он много делал для общины, делал из любви, но о том, что ему доверят пресвитерское служение, — никак не думал. Служа братьям и сёстрам, он искренне ждал, что Господь в своё время пришлёт к ним служителя. Но Бог именно в нём усмотрел пастыря для Анжеро-Судженской церкви.

Через четыре года в общине вновь был праздник — приехали служители И. И. Ведель и И. Г. Ящуковский, чтобы рукоположить Владимира Яковлевича. Он тоже стал пресвитером.

В конце 1960-х годов в Анжеро-Судженске произошло большое пробуждение среди молодёжи. Многие юноши и девушки обратились к Богу на молодёжном общении, которое проходило в Новосибирске. Церковь заметно увеличилась.

Как-то раз весной Борис Яковлевич поехал в Абакан, пообещав жене вернуться к Пасхе.

Наступил страстной четверг, затем пятница, а его всё не было. Агнесса Петровна заволновалась.

Наступил вечер. Почти все предпраздничные дела были сделаны. Дети спали. Агнесса Петровна пекла традиционные булочки к воскресенью. А мысли не давали ей покоя: «Где Борис? Почему так долго не приезжает? Он ведь обещал вернуться к празднику!..»

Укладывая румяные булочки в хлебную корзину, Агнесса Петровна вспомнила слова из Евангелия, прочитанные накануне: «Он надобен Господу». Ей показалось, что они прозвучали у неё в самом сердце.

Горячая слеза покатилась по щеке: «Конечно, Господь, если мой муж нужен Тебе, я не буду держать его около себя!..» Это согласие наполнило её душу глубоким миром. Негромко напевая, она поставила в духовку последний противень.

Вдруг в дверь тихонько постучали. Открыв, Агнесса Петровна увидела на пороге мужа и его двух друзей.

— Корней Корнеевич, — представился брат, протягивая руку.

Сестра, бывшая с ними, лишь горячо поприветствовала хозяйку.

— Заходите, заходите, — проговорила Агнесса Петровна, взволнованно теребя фартук.

Только на следующий день она узнала от мужа, что он вместе с Корнеем Корнеевичем Крекером, служителем из Осинников, был не только в Абакане. Они посетили несколько церквей на Кузбассе. С ними ездила сестра, имя которой не называлось, — она находилась на нелегальном положении и помогала служителям в издании журнала «Вестник спасения».

Смешанные чувства наполняли Ангессу Петровну: она была рада, что муж общается с братьями, что он востребован в служении, но всё-таки ей было больно слышать, что после праздника он опять уедет.

В те времена Борис Яковлевич познакомился с Павлом Павловичем Шаповал из Новокузнецка и Павлом Фроловичем Захаровым из Прокопьевска. Его духовный кругозор значительно расширялся благодаря общению с самоотверженными служителями. В Анжеро-Судженск стали приезжать братья из Новосибирска — Пётр Андреевич Бородинов, Ераст Киреевич Смолюгов. Они знакомили церковь со служением Оргкомитета, призывающего христиан на путь чистоты и святости.

Съезд

«Секретарю ВСЕХБ Кареву Александру Васильевичу... — начал своё письмо Борис Яковлевич. Представившись, он безбоязненно обозначил проблему: — Не понимаю, как вы могли собрать съезд втайне! Мы столько ходатайствовали о нём, а вы даже не поставили нас в известность...»

Он был возмущён действиями ВСЕХБ, который в 1963 году провёл съезд тайком от верующих, обеспокоенных состоянием руководства Союза. После того как группа служителей вскрыла нечестное служение старших братьев и распространила письма с призывом к съезду, в правительство посыпались ходатайства о съезде. Однако правительство в жёсткой форме отклонило эту просьбу. Спустя короткое время, видя, что брожение в среде верующих не утихает, власти решили пойти на хитрость — провести съезд ВСЕХБ, не приглашая туда инициаторов созыва съезда.

К удивлению Бориса Яковлевича, через некоторое время он получил ответ из Канцелярии ВСЕХБ. В этом письме деликатно и учтиво разъяснялось: «Дорогой брат... мы не планировали созывать съезд. Проводя совещание, мы с радостью отметили, что к нам присоединилось так много братьев. Поэтому решили назвать это общение съездом...»

Прочитав письмо, Борис Яковлевич подумал: «Неубедительно всё это!..» И решил написать ещё одно: «Братья, вы хорошо образованны и вас нельзя упрекнуть в том, что вы не знаете историю Церкви. Однако ваши действия говорят об обратном... Почему мы не могли решить наши церковные вопросы вместе? Почему в церковные дела вмешиваются власти?..»

К тому времени, как пришёл ответ и на это письмо, Борис Яковлевич понял, что вся эта ситуация со съездом была спланирована и нацелена на ослабление влияния Оргкомитета.

В 1966 году Бориса Яковлевича пригласили в Кемерово, где собралось немало братьев из отделившихся от ВСЕХБ

и незарегистрированных церквей. На совещании был поставлен вопрос: «Можем ли мы участвовать в очередном съезде ВСЕХБ, запланированном на этот год?» Обсуждали долго. В итоге один из пресвитеров — Иван Семёнович Жирков — предложил:

— Борис Яковлевич, ты правильно понимаешь этот вопрос и можешь его хорошо изложить. Давай вместе пойдём к зарегистрированным на братское, и там ты всё изложишь по порядку...

Молитвенный дом Кемеровской зарегистрированной общины был полон. Присутствовал даже А. И. Мицкевич — заместитель генерального секретаря ВСЕХБ.

Борис Яковлевич сидел в большом зале рядом с близкими ему по пониманию братьями. От волнения он то сворачивал в трубочку, то разворачивал тетрадь, в которой подробно изложил своё восприятие происходящего в братстве.

К микрофону подошёл Я. Я. Фаст — один из пресвитеров Новосибирской общины. Он открыл собрание, зачитал повестку дня и объявил:

— На нашем общении присутствуют гости. Считаю, что им первым нужно дать слово. Пожалуйста, братья, проходите вперёд.

Борис Яковлевич от неожиданности смутился. Кто-то подтолкнул его:

— Ты же записал свои мысли, выходи...

Он решительно встал и прошёл на кафедру. Количество сидящих в зале воодушевило его, и он бодро начал:

— Братья! Мы очень встревожены тем, что происходит в наших церквах...

Борис Яковлевич ясно и чётко читал свои записи, останавливаясь на каждом пункте, и предлагал братьям доводы о недопустимости участия уполномоченного по делам религиозных культов в членских собраниях и братских общениях, о нечестном проведении предыдущего съезда и многое другое.

Во время его выступления неожиданно встал Я. Я. Фаст:

— Брат, вы читайте, но не объясняйте...

Но Борис Яковлевич хотел, чтобы все присутствующие могли правильно понять ситуацию и серьёзно задуматься о том, что происходит в братстве.

Когда он закончил и занял своё место в рядах, к микрофону подошёл А. И. Мицкевич. Гневно глядя в сторону гостей, он сказал:

— Вы чувствуете, к чему он призывает?! К войне! Мы же понимаем обстановку по-другому. Если на дороге зажигается красный сигнал светофора, надо остановиться. Иначе нас оштрафуют. Если правительство нам что-то запрещает, это для нас — красный свет, и мы должны слушаться! Иначе нам придётся голову положить на плаху. А я этого не хочу...

Дискуссия шла долго. В итоге братья из отделённых церквей заявили, что по изложенным ими причинам участвовать в съезде ВСЕХБ не могут.

После общения всех пригласили на обед. Заняв место за длинным столом, Борис Яковлевич увидел, что напротив него сидит старший пресвитер по Западной Сибири К. П. Бородинов. Чтобы не упустить момент, он сразу же спросил:

— Константин Петрович, неужели вы не понимаете, что уполномоченный не имеет права присутствовать на членском собрании?

— Прекрасно понимаю, — кивнул тот. — Но если я начну возражать, завтра об этом узнает КГБ. А тогда сами понимаете, что будет... Впрочем, на братских собраниях мы вначале проводим назидательную часть в присутствии уполномоченного. А потом, когда он уходит, думая, что общение закончилось, решаем деловые вопросы.

— Почему же вы не говорите об этом братьям?

— О! Это же всё равно, что петлю себе на шею надеть... — замахал руками Бородинов.

После этого общения Борис Яковлевич ещё больше утвердился в правильности выбранного пути, желая служить Богу чистосердечно, по Евангелию.

Семья

— Мой папа — самый лучший! — часто говорила подругам Юстина. — Я очень сильно люблю своих родных!

Большая семья Бориса Яковлевича и Агнессы Петровны действительно была дружной. Все вместе они переносили выпавшие на их долю трудности, вместе работали, вместе служили Богу.

Большой семья, конечно же, стала не сразу. Родители принимали детей от Бога по очереди, с радостью, уделяя внимание их воспитанию и христианскому становлению.

Первым в семье появился в 1950 году сын. Назвали его Яковом — по традиции, в честь дедушки. Да и библейское имя импонировало молодым супругам. В 1951 году Господь подарил дочь, и она была названа Юстиной. Это уже в честь бабушки Шмидт.

В 1953 году семью пополнила Мария. Прелестная, милая девочка росла болезненной и много страдала. В самом начале 1958 года она ушла в вечность. Скорбя и одновременно утешаясь Божьим провидением, родители пережили большое горе.

В 1955 году родилась Елизавета, за ней — в 1956 году — Анна, а в 1958 — Агнесса. Каждого ребёнка в семье встречали с радостью и с особой заботой и любовью. Дети росли в доброй, спокойной атмосфере, и в этом было их счастье, которое не исчезло с годами, даже когда они покинули родительский дом.

В 1962 году Господь подарил супругам ещё одну дочь — Маргариту, а в 1964 — второго сына. Конечно же, его назвали Борисом — а как иначе?! Родителям хотелось, чтобы сын пошёл по следам отца — вслед за Господом (и только за Ним!), чтобы он был добрым воином Иисуса Христа и с Ним одерживал победы в духовной брани.

В 1965 году родилась Эрна. Приняли и её, словно дар, — с радостью и надеждой — кто как не дочь поможет матери в старости, взяв на себя всю работу по дому?! Но об этом можно было только помечтать, а пока новорождённые

приносили с собой массу забот и бессонные ночи.

Полноправным членом большой и дружной семьи была Агата — тётя Бориса Яковлевича, младшая сестра его матери. Богобоязненная и благоразумная, она много времени уделяла детям, учила их страху Божьему.

С самого начала семейной жизни Борис Яковлевич и Агнесса Петровна обзавелись хозяйством. Они держали скот, сажали огород. Этот тяжёлый труд приносил своё благословение. Несмотря на то что в 1970 году Борис Яковлевич вышел на пенсию, которая составляла всего 120 рублей (не так уж много для большой семьи), и на его иждивении было ещё шестеро детей, Шмидты не знали нужды. Благодаря дружной работе и детей, и взрослых, у них на столе всегда было всё необходимое: и хлеб, и молоко, и мясо, и другие продукты. В те годы не было и речи о какой-то помощи от родственников из-за рубежа.

Большим благословением и настоящим подарком от Бога была для Бориса Яковлевича его жена — мудрая хозяйка, заботливая мать, настоящая христианка. Она старалась создать уют в доме и во дворе. Её пышный цветник всегда радовал мужа.

— Посмотрите, какой удивительный наряд у этих цветов! — говорил он детям. — Он прекраснее, чем одежда царя Соломона, хотя тот и жил в роскоши.

В свободное время Борис Яковлевич любил столярничать. Ещё в начале супружеской жизни он всю мебель в доме сделал сам — шкафы, комоды, столы, стулья и кровати были собственного производства, ручной работы. Каждый раз, заходя в мастерскую, он наслаждался запахом древесины и, работая рубанком, приговаривал:

— Стружки такие красивые! Словно кудри у ребёнка...

В разгар лета три семьи — Бориса Яковлевича, Владимира Яковлевича и Андрея Яковлевича — уезжали на сенокос. Это было целое событие.

Вставали на заре. Покосы находились далеко, на расстоянии около двадцати километров.

Как радовали всех первые лучи восходящего солнца!

Сон убегал, и косари с радостью предвкушали дружную работу. Над лугом ещё стояли клочья утреннего тумана, а уже было слышно, как отцы тщательно точат косы.

— Какая-то птичка распевает... Прекрасная песня, послушайте! — Борис Яковлевич любил наблюдать за природой.

На лугу взрослые и дети вставали в ряд, и в воздухе появлялись новые звуки — то дружно свистели косы в умелых руках.

Во время передышки, любуясь ровным ковром скошенной травы, Борис Яковлевич восхищался:

— Посмотрите, какая красота! Каждая травинка, каждый цветок говорит нам о величии Творца. Всё, что Он создал, славит Бога! И мы тоже не должны молчать!

С песней работа спорилась. А косить приходилось много — нужно было заготовить корм на трёх коров, да ещё и за покос рассчитаться: часть накошенной травы отдавали леснику.

Детям нравилось работать с отцом. Он всегда трудился увлечённо — не только в мастерской или на покосе, но даже копая огород.

— Какая рассыпчатая земля! Какая она плодородная! А лопата какая острая! — приговаривал он обычно, и его благодушное настроение передавалось окружающим.

Борис Яковлевич даже ел с удовольствием. Совершенно не привередливый, он хвалил всё, что приготовлено и подано на стол. Если ему доставалась всего лишь голова от курицы, он и тогда лакомился ею, утверждая, что ничего вкуснее не бывает.

Не только родные и близкие замечали доброту и безотказность Бориса Яковлевича. Часто приходили соседи: занять какую-нибудь деталь или инструмент, попросить о помощи. Он всегда делился тем, что у него было, и всем старался помочь.

Однажды пришёл сосед, известный своей необязательностью. Он редко отдавал долги, но вот опять попросил одолжить ему пятёрку до получки.

— Для чего тебе деньги? — строго спросил Борис Яковлевич.

— Хлеб купить не на что. Я отдам, точно отдам, голову даю... — клялся тот, ударяя себя в грудь.

— Ладно, поверю тебе, — сказал Борис Яковлевич и пристально посмотрел ему в глаза.

Когда сосед ушёл, Агнесса Петровна спросила:

— Зачем ты ему дал? Знаешь же, что не вернёт, а то и пропьёт.

— Знаю, — вздохнул Борис Яковлевич. — Но так хотелось ему поверить!

В доме, построенном ещё в 1949 году из старого бруса, становилось всё теснее. Не один раз Борису Яковлевичу приходилось расширять небольшую кухоньку, пристраивать то одну, то другую комнату. Однако семья росла, и с годами места требовалось всё больше и больше.

Агнесса Петровна стала говорить мужу о том, что им нужно строиться. Но ему страшно было даже подумать об этом. Как можно, живя на одну зарплату, построить дом?! Кроме того Борис Яковлевич постоянно был занят служением в церкви.

Какое-то время к идее о новом доме не возвращались. Однако, когда Яков отслужил в армии и демобилизовался, снова встал вопрос о строительстве. Борис Яковлевич поделился семейными планами со своими братьями — Владимиром и Андреем.

— Конечно, начинайте стройку, — поддержали они. — Мы поможем! В этом старом гнезде вам трудно вырастить своих цыплят.

В 1972 году Борису Яковлевичу удалось купить недорогой бревенчатый дом. Разобрав его, он получил хороший строительный материал. В то время город интенсивно строился, и многие добротные дома продавались под снос.

Строили Шмидты сообща, и уже через год на участке стоял прочный сруб.

В новом жилище, как и прежде, семья всегда с желани-

ем принимала церковь, которая проводила богослужения по домам верующих. Чтобы провести богослужение, из самой большой комнаты выносили всю мебель и устанавливали скамейки. Трудоёмкая работа никогда не была в тягость — все, от мала до велика, были рады послужить Божьему народу, а значит, Самому Господу.

Отец

— **П**апа, почитай нам книжку с картинками! — прильнули девочки к отцу.

Зимний вечер вступил в свои права: работа сделана, печь натоплена — самое время для семейных чтений. Борис Яковлевич часто уступал просьбам детей почитать им книжку. Правда, выбор книг был небольшой, да и читал он далеко не детскую литературу, например «Путешествие Пилигрима» или «Духовную войну». Но дети с удовольствием вслушивались в голос отца, размеренно читающего малопонятную книгу.

Борис Яковлевич не только читал с детьми. Он мог и поиграть, и побегать с ними. Утомившись, присаживался отдохнуть и, окружённый детьми, вновь и вновь слышал просьбу:

— Папа, расскажи что-нибудь!

И хотя он всегда рассказывал одну и ту же сказку о жадных медвежатах, дети слушали её охотно.

Жизнерадостность была характерной чертой Бориса Яковлевича. Он любил пошутить, заразительно смеялся. Соседи иногда говорили детям:

— Вчера ваш папа так смеялся, что нам тоже стало весело.

Борис Яковлевич был разносторонним человеком. Наряду с шутками и детскими играми он любил вместе с Агнессой Петровной и детьми читать Священное Писание и обсуждать прочитанный отрывок. Такие разговоры оставляли неизгладимое впечатление в каждом сердце. А когда Борис

Яковлевич с жаром рассуждал о последнем времени и о пришествии Господа, вся семья с интересом участвовала в беседе.

Он глубоко переживал о душах детей, много молился об их обращении к Господу.

Когда одна из дочерей вновь досадила родителям своим поведением, отец отчитал её, добавив в конце:

— Какая же ты вредная! Но я всё равно тебя очень люблю.

Эти слова потрясли сердце дочери.

«Наверное, так же любит нас Бог, хотя мы непослушные и вредные...» — думала она, впервые ощутив Божью любовь, отражённую в любви отца к ней.

Старания родителей приносили добрые плоды. Дети подражали им в вере, отстаивали свои убеждения и в школе, и среди сверстников.

Борис Яковлевич любил скрипку. С ней он не разлучался, посещая соседние церкви. Любовь к музыке он прививал и детям. В их доме нередкими были музыкальные вечера — каждый из детей играл на чём мог, а кто не играл, тот пел.

Отец нередко брал с собой детей в близлежащие церкви (Мариинск, Яшкино). Они участвовали в богослужении, декламировали стихи, пели.

Однажды пресвитер в Мариинске, старец Потап Филиппович, спросил после собрания:

— У вас что, два хора — взрослый и детский?

— Это же не хор! — улыбнулся Борис Яковлевич. — Просто мы всей семьёй прославляем Господа.

Потап Филиппович понурил голову:

— Мои, когда были маленькие, тоже ходили на собрание. А сейчас...

Выслушав печальный рассказ, Борис Яковлевич решительно сказал себе: «Нет! Мы сделаем всё возможное, чтобы наши дети стали членами церкви!»

При всей своей занятости он старался быть внимательным к чувствам и переживаниям детей.

В Мариинске же было не так. Из страха перед гонителями родители не приводили детей на богослужения. В результате у них не стало ни молодёжи, ни детей. Церковь, можно сказать, постепенно вымирала.

Однажды перед очередной поездкой у Бориса Яковлевича выдался напряжённый день. Несколько человек приходили с просьбой побеседовать, и на это ушло немало времени.

В тот день одна из его дочерей с тяжёлым сердцем думала: «У папы для всех есть время, только не для меня! Обо мне некому позаботиться...» К вечеру, прибирая во дворе, она чуть ли не плакала: «Вот и всё. Папа сейчас уедет и даже не заметит, что мне плохо». В этот момент открылась дверь и на пороге появился отец с дорожной сумкой. Внимательно посмотрев на дочь, он с любовью сказал:

— Я молюсь за тебя...

Один Бог знает, как эти слова оживили девушку: отец неравнодушен, он помнит и молится о ней!

С большим нетерпением родители ждали покаяния своих сыновей и дочерей.

Молодёжь Анжеро-Судженска, 1969 г.

Январским вечером Агнесса Петровна рассказывала детям библейскую историю. Борис Яковлевич был ещё на работе. Под впечатлением услышанного двенадцатилетняя Аня со слезами попросила у Господа прощения за свои грехи. После молитвы мать крепко обняла дочь, радуясь, что она в раннем возрасте обратилась к Господу за милостью.

Борис Яковлевич вернулся домой, когда все дети уже легли спать. Пока он ужинал, Агнесса Петровна рассказала ему о покаянии дочери. Он не захотел ждать утра — зашёл в комнату девочек и, в темноте найдя Аню, поцеловал её и тихонько помолился о ней.

Как отцу, Борису Яковлевичу приходилось принимать на себя натиск учителей и защищать детей в школе. Преподаватели требовали, чтобы все ученики вступали в октябрята и в пионеры. Однако у него были твёрдые убеждения, и он смог отстоять их — никто из детей не носил ни звёздочку, ни галстук.

Трое детей учились уже в старших классах, когда произошёл следующий инцидент. Им дали задание написать сочинение на тему: «Берём пример с коммунистов!» Они, конечно, не написали то, что от них ожидалось, так как понимали, что не могут брать пример с людей, отвергающих Бога. По этому поводу отца вызвали в городской отдел народного образования (гороно).

Мужчина средних лет встретил Бориса Яковлевича недружелюбно и указал стул напротив.

— Кто дал вам право воспитывать детей в религиозном духе? — выкрикнул он и, скорее по привычке, стукнул кулаком по столу.

— А кто вам дал право запрещать мне делать это? — не смутился многодетный отец. — По закону я могу учить детей тому, чему верю сам.

— Почему они не выполнили задание, не написали сочинение как положено?

Уверенный в своём превосходстве, заведующий пригласил на беседу сотрудников из других кабинетов, и несколько женщин скромно присели на стульях возле двери.

Борис Яковлевич стал отвечать на вопрос:

— Я расскажу, почему дети так неохотно писали сочинение на трудную тему. Я работаю в шахте уже около двадцати лет и хорошо знаю многих коммунистов.

Он рассказал, что помощник главного механика может прийти на работу с подбитым глазом после пьянки. Бригадир тоже частенько приходит в синяках, да ещё встаёт перед шахтёрами читать лекцию о моральном облике советского человека.

— Ну не все же такие! — перебил Бориса Яковлевича заведующий. — Многие всё-таки образцовые...

— У меня немало подобных примеров. У нас на работе все сквернословят — от начальника до уборщицы! Все! И кто этого не делает, того считают белой вороной. — Борис Яковлевич помолчал и уверенно добавил: — Я считаю, что коммунисты не могут быть примером для детей.

— Можете идти, — кивнул заведующий женщинам, которые сидели у двери.

— Пусть слушают, — заметил Борис Яковлевич. — Они же не мешают!

— Идите, идите! — махнул тот рукой. — Ему только дай волю, он наговорит такого, что и поверить захочется...

Женщины вышли.

— Вы тоже свободны, — как ни в чём не бывало сказал он Борису Яковлевичу.

В коридоре женщины попросили необычного посетителя:

— Приходите к нам ещё. Вы говорите как-то нестандартно, не так, как все...

В гороно Бориса Яковлевича больше не вызывали. Зато на работе чекисты не оставляли его в покое.

Нажим

— ...Перевести Шмидта с должности машиниста электровоза на должность слесаря подготовительного участка...

Начальник транспортного отдела неторопливо зачитал

Борису Яковлевичу приказ руководства шахты.

Его решили сместить с хорошего участка после десяти лет безупречной работы на подземном транспорте, где он был и слесарем, и машинистом электровоза. Указание убрать баптиста с занимаемой должности поступило от сотрудников госбезопасности, которым показалось, что ему слишком спокойно живётся.

Начальник не скрывал своего недовольства приказом.

— Идите к парторгу и отстаивайте Бориса, — сказал он шахтёрам. — Это же просто отсебятина! Человек работает добросовестно, никаких замечаний нет, за что его так наказывают?! Я не могу защищать его, а вы — идите!

Все машинисты, человек двенадцать, поднялись на-гора, в управление, и стали просить парторга, чтобы Бориса Яковлевича оставили в транспортной бригаде.

— Это вызвано производственной необходимостью, — не поднимая головы от своих бумаг, проговорил тот.

— Какая необходимость?! — возмутились рабочие. — До сих пор там обходились без него, а теперь что случилось? Мы против! Оставьте его машинистом!

— Я вас не задерживаю, — холодно отрезал парторг, давая понять, что разговор окончен.

Не мог же он признаться, что действует по указанию КГБ и ничего изменить не в силах!

Бориса Яковлевича поставили электрослесарем. Для него это была трудная работа, так как он нередко страдал радикулитом. Однако забойщики относились к нему с пониманием и помогали, когда нужно было поднимать что-то тяжёлое.

Как-то раз в конце рабочего дня к нему подошёл бригадир. Был он навеселе, и разговаривать с ним не имело смысла.

— Мне пора домой, смена закончилась, — сказал ему Борис Яковлевич, надевая фуфайку.

— Хорошо, заодно меня проводишь, — проговорил бригадир.

— Ты же знаешь дорогу, иди сам!

Но пьяного человека трудно в чём-то убедить. Он настаивал на своём и, спотыкаясь, шагал рядом.

— Вон видишь терриконик, — показал Борис Яковлевич рукой. — Там твой дом, до свидания! — И свернул в переулок.

— Нет, я вначале зайду в магазин. Сахар надо купить.

— Ну, как знаешь. Я пошёл домой.

Пьяный тут же схватил его за рукав:

— Пойдём со мной! Проводи меня!

Уговорил. Борис Яковлевич дошёл с ним до магазина и остался на улице ждать. Тот вышел довольно быстро.

— Купил сахару?

— Купил.

— Теперь иди домой.

— Нет, пойдём со мной в столовую!

— Я не хочу есть. Меня дома ждёт жена, дети.

Но бригадир, словно репей, ухватился за своего рабочего и не отставал, зная его доброту и уступчивость. В конце концов тот действительно повёл пьяного в столовую.

Когда сели за стол, бригадир достал из-за пазухи бутылку. Бориса Яковлевича будто кипятком обдало. Он вскочил и — к двери.

— Стой! Ты куда?! — кинулся за ним бригадир. — Вернись, а то я сейчас всем расскажу, что ты меня обворовал!

Борис Яковлевич на мгновение задумался. Потом подошёл к бригадиру вплотную и твёрдо сказал:

— Говори, что хочешь. Я пошёл домой.

Все шахтёры в столовой внимательно наблюдали за происходящим. Одни с улыбкой качали головой, другие тихо переговаривались между собой.

— Мы видели, как ты вчера убегал, — весело рассказывали мужчины Борису Яковлевичу на следующий день. — Спасибо, мы благодаря тебе немного повеселились, бригадир хорошо угостил...

— Шутить с грехом опасно, — ответил им Борис Яковлевич. — В Библии написано, что от греха надо убегать.

Как он радовался, что не остался сидеть за столом, на

котором стояла бутылка! Об этом непременно узнала бы вся шахта. Как бы он смог после этого говорить людям о Боге и о грехе?

Однажды, придя на смену, Борис Яковлевич обратил внимание, что в раскомандировке (контора, где проходит распределение рабочих по работам) собралось много шахтёров. Ничего не подозревая, он присел на своё место в ожидании нарядчика. Вдруг кто-то объявил, что будут показывать фильм о нарушителях дисциплины.

В следующую минуту погас свет, и на белой стене появились карикатурные кадры. Один из шахтёров, дебошир, учинил драку на улице. Диктор назвал его фамилию и прочитал четверостишие, едко высмеивающее этого нарушителя порядка.

Потом показали нормировщика, допустившего какие-то ошибки в расчётах. Третьим был прогульщик-пьяница. О нём тоже сочинили стишок.

Через пару кадров на экране появился поп в рясе. В руках у него была большая Библия, а рядом с ним, в огромной луже, на коленях стояли мужчины и женщины, плавали утки, барахтались свиньи.

«Интересно, а это к чему?» — немало удивился Борис Яковлевич.

В этот момент диктор назвал его фамилию, имя и отчество и стал декламировать стишок о том, что Шмидт крестит в луже свою паству.

Агитационный фильм показали на всех участках, и Борис Яковлевич ещё долго выслушивал язвительные реплики от своих сотрудников.

Дома он рассказал о случившемся жене. Она огорчилась: «Почему они так унижают моего мужа?!»

Буквально через несколько дней после этого происшествия в доме Бориса Яковлевича было собрание и кто-то оставил на плите местную газету. Агнессе Петровне бросился в глаза карикатурный рисунок с подписью: «Как Бог создавал землю» (причём Бог неизменно писали с маленькой буквы!).

Семъя, 1972 г.

«Ты расстроилась, что над Борисом посмеялись?! — пронзила её мысль. — Если они над Богом так насмехаются, стоит ли огорчаться, что смеются над Божьими детьми?»

Агнесса Петровна воспрянула духом. Выслушав её, Борис Яковлевич сказал:

— Всё нормально, дорогая! Так нам суждено. Господь умер за нас. Он — Бог, а претерпел столько позора! Почему же нам не страдать?!

КГБ

— Борис, тебя срочно вызывают в управление, — сообщил бригадир, едва переводя дыхание после быстрой ходьбы. — Там ждут какие-то важные особы...

Борис Яковлевич сразу понял, кто это пожаловал. Его уже не раз вызывали и в исполнительный комитет городского Совета народных депутатов, и прямо в КГБ, стараясь

во что бы то ни стало заставить зарегистрировать общину.

Едва он переступил порог, как трое неизвестных поднялись со стульев и пригласили его в отдельный кабинет.

— С кем имею дело? — не растерялся Борис Яковлевич.

Один из них, самый старший, показал документ: «Майор КГБ Михаил Иванович Сащенко, г. Кемерово».

— Что вы хотите от меня? — Божий служитель открыто посмотрел майору в глаза.

— Хотим, чтобы вы работали вместе с нами! — заявил тот без всяких предисловий.

— Это не для меня. Совесть не позволяет мне сотрудничать с вами, и я не буду этого делать.

Чтобы вызвать Бориса Яковлевича на разговор, сотрудники КГБ положили на стол несколько книг на немецком языке, Библию и сборник песен. Естественно, книги привлекли внимание христианина.

— Мне можно взять их? — спросил он. — Вам они ведь не нужны!

— Можно, при одном условии: если будете нам помогать!

— Ни в коем случае!

На этом встреча закончилась. Чекисты уехали, ничего не добившись. Однако спустя некоторое время они снова вызвали Бориса Яковлевича в отдельный кабинет и положили на стол те же книги.

В конце совершенно бесполезного разговора он опять спросил:

— Можно взять эти книги?

— А если ваши спросят, где взял, что вы скажете?

— Ну, как есть: получил от сотрудника КГБ.

— Вы с ума сошли! — возмутился Сащенко.

— Я не могу говорить неправду.

— Тогда ничего не получите!

Месяца через три те же самые люди вновь приехали на шахту, с теми же книгами.

— Забирайте! — небрежно подвинул стопку Сащенко.

Борис Яковлевич насторожился: «Тут что-то не то...»

— Не хотите брать из наших рук? — словно прочитал

мысли служителя один из недругов.

— Не хочу! Если нужно, Господь найдёт пути, как дать мне такие книги.

Уже прощаясь, Сащенко спросил:

— А если я пришлю вам эти книги в посылке, что вы скажете своим прихожанам?

— Так и скажу, что получил от вас по почте...

По всей видимости, они хотели завлечь Бориса Яковлевича, зная, что он дорожит христианской литературой. Но у них это не получилось.

В другой раз его вызвали в городское отделение КГБ.

— Почему плохо работаете в шахте? — спросили сходу. — Оставляете в завале железо, оборудование? На вас поступила жалоба...

— Это неправда, — наивно ответил Борис Яковлевич. — Такого не может быть! Я работаю на совесть и делаю всё, что мне поручают!

Скорее всего, это был такой приём, чтобы задеть чувства и вызвать человека на разговор.

— Ладно, ладно, успокойтесь! — искусственно усмехнулся полковник. — Если согласитесь сотрудничать с нами, никаких претензий не услышите!

— Я верующий. Против совести поступать не буду.

— Тогда идите в соседнюю комнату и подумайте!

Его закрыли в совершенно пустом помещении и таким образом дали хорошую возможность помолиться Господу и укрепиться Его силой. Служитель хотел оставаться верным Богу, чего бы ему это ни стоило.

— Ну как, подумали? — открыл наконец дверь какой-то чиновник.

— Подумал.

— И что?

— Сотрудничать с вами не намерен.

Подобные встречи (а их было много!) забирали немало духовных сил, но Господь всегда восполнял их, вселяя в сердце радость о том, что за всеми этими переживаниями стоит великая награда.

Чекистам не нравилось, что Борис Яковлевич проповедует, причём не только в своей церкви, но и в других общинах. И они решили заставить его по воскресеньям работать.

Вновь вышел приказ перевести Шмидта в контрольную бригаду, которая занималась проверкой аппаратуры. Бригада работала в выходные дни, когда шахта стояла. Специалисты спускались под землю, отключали участки и проверяли все пускатели* — чистили их, смазывали, меняли заглушки. В контрольную бригаду брали только по большому знакомству, потому что там была лёгкая и хорошо оплачиваемая работа. Борис Яковлевич прекрасно понимал, почему его направляют туда, и целый месяц не переходил на новое место.

Наконец его вызвали к главному механику и к главному энергетику.

— Читал приказ?

— Да.

— Почему не переходишь?

— Не хочу. У нас в бригаде есть хороший слесарь. Он просит, чтобы его перевели вместо меня.

— Нет! Мы хотим, чтобы там работал ты! — рассмеялись они.

— Скажите, пожалуйста, чья это инициатива? — бесхитростно спросил Борис Яковлевич.

— С завтрашнего дня переходишь в контрольную бригаду, мы не допускаем тебя до работы на старом месте! — будто не слыша вопроса, сказал главный энергетик.

Пришлось подчиниться. Шесть месяцев Борис Яковлевич работал по воскресеньям, пока в шахте не установили два выходных. Бригада стала работать в субботу. Тогда некто снова начал искать зацепку, чтобы убрать баптиста с хорошего места.

Начальство на шахте следило за Борисом Яковлевичем и тщательно контролировало его работу. Однажды инспектор с главным механиком подошли к автомату, который только что проверил Борис Яковлевич. Инспектор начал

* Пускатель — аппарат для пуска и остановки электродвигателей на расстоянии.

открывать крышку своим ключом, и в одном месте ключ стал прокручиваться.

— Кто делал? — повернулся он к контролёрам.

— Я, — отозвался Борис Яковлевич.

— Почему не сменил болт?

— Там всё нормально, возьмите ключ на двенадцать!

— Ничего не знаю! — отрезал инспектор.

В тот же день Бориса Яковлевича перевели на подготовительный участок с худшими условиями труда. А ему оставалось всего три месяца до пенсии! Естественно, он не выдержал нагрузок и сквозняков и скоро попал в больницу с радикулитом.

В больнице Борису Яковлевичу исполнилось пятьдесят лет. На шахту он больше не вернулся. У него было желание и твёрдое решение: если Господь продлит жизнь и даст необходимое здоровье, то, выйдя на пенсию, он всё своё время посвятит служению Божьему народу. Бог благословил это желание. Радикулит (от которого, по словам врачей, никто не умер и никто не вылечился) навсегда оставил его, и он долгие годы (с 1970 по 2004) совершал служение душепопечителя и домостроителя Церкви Божьей.

Пастырь

— Опять у вас сборище?! Сейчас же разойдитесь! — зычный голос бравого милиционера нарушил благоговейную тишину вечернего богослужения в доме Шмидтов.

Борис Яковлевич быстро вышел к представителям власти. Он никогда не робел перед ними. Встретив милиционеров у порога, он начал миролюбиво разговаривать с ними и отвечать на их вопросы. Богослужение тем временем продолжалось.

В начале 1970-х годов милиция зачастила на собрания верующих в Анжеро-Судженске. Каждое такое посещение заканчивалось штрафами. Собираться по домам становилось всё труднее. Некоторые христиане не стали звать к

себе, потому что хозяина штрафовали в первую очередь. Дошло до того, что приглашали в свои дома только Борис Яковлевич или Владимир Яковлевич. Но со временем здравый смысл победил: один из братьев в церкви предложил установить очередь, где собираться, и придерживаться её, чтобы это служение было благословенным. После того особых трудностей с помещением для собраний не возникало.

Как служитель, Борис Яковлевич всегда первым шёл навстречу представителям власти. Сталкиваясь с грубостью и бесчинствами, он не грубил и не спорил, имея силу духа умиротворить непрошенных гостей. Если же милиционеры требовали разойтись, он всегда знал, что сказать верующим, чтобы они единодушно оставались на местах, продолжали молиться и петь.

Милиция приходила часто. Всех присутствующих на собрании обычно переписывали. Бориса Яковлевича штраф никогда не обходил. Каждый месяц из его зарплаты вычисляли приличную сумму за то, что руководил собранием и проповедовал.

Однажды на воскресное богослужение пришёл молодой участковый. Пел хор, регент стоял спиной к дверям. Ми-

Крещение, 1974 г.

лиционер вёл себя дерзко, требовал разойтись и старался проникнуть вглубь комнаты. Борис Яковлевич решительно встал в дверном проёме и опёрся рукой о косяк. Милиционера это сильно разозлило, но он так и не смог пройти внутрь.

Заботясь о вверенной ему пастве, Борис Яковлевич много времени уделял посещению христиан на дому, ездил по общинам в округе. Поэтому все заботы о собственном доме и семье легли большей частью на хрупкие плечи Агнессы Петровны. Она всем сердцем разделяла служение мужа, благословляла его, хотя это давалось ей нелегко.

Как-то раз в субботу Борис Яковлевич остался дома, и Агнесса Петровна решила, что сейчас самое время заняться стиркой — есть кому помочь. Стирка была делом непростым. Мало того что нужно нагреть воду на печи, её вначале надо принести с улицы — не один раз сходить на колонку (водопровода ни в доме, ни во дворе не было).

Надежда на помощь мужа растаяла, словно снег в жару, когда Агнесса Петровна увидела, что во двор зашёл брат из соседней церкви. Конечно же, он пришёл с какими-то проблемами, ему надо посоветоваться со служителем о чём-то важном...

Нелегко ей было преодолеть возмущение, вдруг волной захлестнувшее душу: «Почему всё время так? Мне ведь тяжело!» Она вытерла полотенцем руки и, оставив горы белья, пошла в спальню. Упала на колени и стала горячо молиться Богу, вспомнив, что её муж надобен Господу. В тот день Бог не только успокоил её, но и дал силы закончить стирку. В её сердце снова вернулась радость о том, что она вместе с мужем может служить великому Богу.

Трудясь бок о бок с Корнеем Корнеевичем Крекером, Борис Яковлевич незаметно для себя вошёл в число служителей, которые принимали ответственные решения в Сибирском объединении.

В 1976 году его избрали членом Совета церквей. С тех пор он трудился не только в Кемеровской области и Сибири. Он стал участвовать в общебратском служении, помогать в

деле домостроительства в других объединениях. При всём том он оставался скромным христианином, умеющим признавать свои ошибки и недостатки.

Как-то раз в одной из церквей местные братья попросили его побеседовать с новообращённой сестрой. Её душа страдала от того, что не могла получить внутреннюю свободу и радость спасения. Уже многие служители с ней беседовали, но положительного результата добиться не смогли. Длительная беседа увенчалась успехом: Борису Яковлевичу удалось выяснить причину и помочь сестре преодолеть сомнения.

Он был рад, однако покой нарушила гордая мысль: «Другие не сумели решить проблему, а я смог!..»

Никто никогда не узнал бы, о чём он подумал, если бы не беспокойство в сердце и искреннее желание быть неосквернённым.

Выйдя на кафедру для проповеди, он прежде всего признался:

— Братья и сёстры, я неправ перед Богом. Подумал о себе, что я лучше всех... Простите меня!

И хотя этот искренний служитель не заботился в тот момент о своём авторитете, его любили и уважали всё больше и больше.

Борис Яковлевич мог искренне попросить прощения у отлучённого от церкви, после того как на членском собрании в сердцах высказал ему всё, что думал.

— Отлучили тебя правильно, — сказал он, придя к отлучённому рано утром, пока тот не ушёл на работу. — Но я, как пресвитер, не должен был говорить с тобой таким тоном. Прости, что у меня не хватило выдержки!

Когда ему задавали сложные вопросы по Писанию или по домостроительству Церкви, он мог просто сказать: «не знаю».

Борис Яковлевич любил молодых служителей и был скромен в общении с ними. Ему даже в голову не приходило дать им почувствовать, что он духовнее и опытнее их.

— Братья, вперёд! Мы будем вам помогать, а вы идите

вперёд! — побуждал он молодёжь проявлять инициативу в служении.

Как неравнодушный наставник, он спешил остановить и обличить, если кто поступал неправильно или говорил что-то лишнее.

Однажды во время пресвитерской конференции в Сибирском объединении за вечерним чаем собралось около десяти братьев. Среди них был и Борис Яковлевич. Разгорелась бурная полемика по вопросу служения известного благовестника из другого объединения. Неожиданно Борис Яковлевич спросил:

— Братья, что мы делаем?

— Чай пьём, общаемся, — не поняли вопроса некоторые.

— Нет, мы сейчас чем занимаемся? Какие ведём разговоры?

— Осуждаем брата... — признался кто-то несмело.

— Нехорошо это. Давайте лучше поговорим о нашем Господе...

Тема разговора тут же изменилась, а урок братья запомнили на долгие годы.

Борис Яковлевич был строг, и прежде всего — к самому себе.

Один молодой служитель в непринуждённой беседе спросил Бориса Яковлевича, почему он хромает.

— Это Божья рука, — задумчиво ответил он и рассказал, как всё произошло.

Однажды служители Совета церквей предложили ему переработать актуальную на то время книгу Н. П. Храпова «Дом Божий и служение в нём», обосновать изложенные в книге истины текстами из Священного Писания.

Когда работа была готова, он на очередном совещании попросил братьев проверить её.

— После Бориса Яковлевича проверять не надо! — уверенно заявил Вениамин Александрович Маркевич.

Эта авторитетная реплика завершила обсуждение книги.

— А я промолчал! — продолжил свой рассказ Борис Яковлевич. — Я как бы присвоил себе такое высокое

достоинство. Нельзя было так поступать. И Бог меня остановил. Я приехал домой, случилась авария, в результате — перелом ноги. В конце концов одна нога у меня стала короче другой на двенадцать сантиметров... И вот теперь хромаю, как Иаков...

В 1980 году к Борису Яковлевичу приехал из Томска молодой, горячо любящий Слово Божье проповедник, с предложением организовать библейские курсы на севере Кузбасса.

— Библейские курсы? У нас? — округлил свои блестящие глаза служитель. — А кто будет преподавать?

— Не знаю.

— Хорошо! — оживился Борис Яковлевич. — Поехали в Кемерово, поговорим с братьями. Мне эта идея очень понравилась! Думаю, найдётся немало желающих приобрести богословские знания!

— Если сможем преподать их... — скромно улыбнулся молодой проповедник.

В Кемерово получилась хорошая беседа с Иваном Семёновичем Жирковым (учителем по призванию). Он согласился преподавать догматику. Введение в Ветхий и Новый Завет поручили другому кемеровскому служителю — Ивану Григорьевичу Ящуковскому.

Из Кемерово Борис Яковлевич поехал в Юргу к Ивану Ивановичу Веделю и, как старый друг, без предисловия заявил:

— Иван Иванович, у нас скоро начнутся библейские курсы, ты будешь преподавать гомилетику.

— А что это такое? — в простоте сердца спросил служитель.

— Это учение о проповеди. Я дам тебе пару книг на немецком, ты быстро разберёшься и поймёшь, что это такое.

Из Ивана Ивановича получился хороший преподаватель, хотя Борис Яковлевич так и не узнал, читал он переданные ему книги, или не читал. Нашлись также преподаватели апологетики и истории Церкви. Борис Яковлевич обучал братьев экзегетике.

Курсы функционировали два года. Учащиеся собирались в последнюю субботу каждого месяца и занимались с утра до вечера. Многие братья, закончившие эти курсы, впоследствии стали служителями.

Арест

— Ваши документы! — подошёл к Борису Яковлевичу милиционер.

Предъявил паспорт.

— Пройдёмте со мной, — прочитав фамилию, приказал блюститель порядка.

Прошли в дежурную комнату. Милиционер долго изучал паспорт Бориса Яковлевича, что-то сверял со своими списками. Потом, подняв голову, сурово сообщил:

— Вы задержаны!

На служебной машине Бориса Яковлевича отвезли в Анжеро-Судженский горотдел милиции и продержали в камере до утра. Утром неожиданно вернули паспорт и отпустили.

«Что бы это значило?» — думал Борис Яковлевич по дороге домой.

Внутренне он был готов к тюрьме, понимая, что власти уже давно им недовольны и ищут зацепку, чтобы арестовать. Несмотря на это, он продолжал посещать церкви, совершая служение домостроительства.

Шёл 1982 год. Совсем недавно Борис Яковлевич вернулся из продолжительной поездки по Средней Азии, где сложилась непростая обстановка в общинах. Там он трудился вместе со Степаном Григорьевичем Германюком. А сейчас, немного отдохнув дома, намерился посетить Восточную Сибирь. И вот остановка...

Его возвращение домой вызвало недоумение у Агнессы Петровны. Коротко рассказав о случившемся, он в то воскресное утро пошёл вместе с женой на богослужение. А на следующий день уехал в Новосибирск тайком, с соседней

железнодорожной станции, куда на мотоцикле вывез его старший сын.

Во вторник к Шмидтам пожаловал участковый. Он искал Бориса Яковлевича, но того уже и след простыл.

Он благополучно побывал в Абакане и Красноярске, после чего приехал в Иланский.

Поздно вечером в дом, где находился приезжий служитель, зашёл брат из Анжеро-Судженска.

— Ты как тут оказался?! — удивлённо воскликнул Борис Яковлевич.

— За вами гоняюсь!

— Зачем?

— У вас был обыск. Есть санкция на ваш арест.

— Всё ясно...

Угроза ареста не остановила служителя. Он по-прежнему трудился на Божьей ниве, только Анжеро-Судженск теперь объезжал стороной. Это было нелегко, но уверенность в том, что он идёт Божьим путём, придавала сил и приносила радость.

Зная, что в церкви не все могли правильно понять его позицию, Борис Яковлевич написал письмо, в котором утешал и ободрял братьев и сестёр, а также объяснял сложившуюся ситуацию:

У меня никогда не было мыслей оставить нашу церковь и искать другую, хотя порой приходилось очень трудно. Господь дал сил устоять, слава Ему.

Теперь я не добровольно оказался в таком положении. Господь помог мне уехать из дому прежде, нежели они могли меня взять. Ещё, дорогие мои, не пришёл мой час. Христос до определённого времени уходил от преследователей. Когда же пробил Его час, Он добровольно отдался в руки грешников, сказав: „Теперь ваше время и власть тьмы“. Так же было и с апостолом Павлом — он ходил из одного города в другой, пока не отправился добровольно в Иерусалим, где его ждала темница. Таков путь христианина...

Однажды Борис Яковлевич не устоял перед искушением повидаться с родными и заехал в город, будучи совсем рядом.

Домой не пошёл. С вокзала по закоулкам пришёл к друзьям, а когда стемнело — перебрался к дочери, которая была уже замужем. Гостил несколько дней, встречался с семьёй. Затем братья отвезли его на соседнюю железнодорожную станцию, откуда он мог добраться до Новосибирска.

Убедившись, что его никто не ищет, Борис Яковлевич отправился в Барнаул, прихватив с собой «Братский листок» к празднику Жатвы для распространения по общинам.

Была среда, и Борис Яковлевич пошёл на собрание. Ему поручили сказать слово последним. Всё было хорошо и спокойно. В заключение собрания гость прочитал текст из Евангелия от Марка о том, как на море поднялась буря и Христос усмирил её. Едва он дочитал текст до конца, как мимо окон поспешно прошли сотрудники милиции.

— Вот вам и буря, братья и сёстры, — сказал проповедник спокойным голосом.

Встав у дверей, как обычно, милиционер начал всех переписывать.

К Борису Яковлевичу подошёл молодой брат.

— Пойдёмте со мной! — чуть слышно шепнул он.

— Там же милиция! Посмотри, сколько их!

— Пойдёмте! — настаивал юноша.

И служитель покорился. Спокойно вышли на улицу, где наготове стоял автомобиль. Как только за Борисом Яковлевичем и его сопровождающим захлопнулись двери, машина тут же уехала. Никто из братьев не догадывался, что невдалеке дежурили милиционеры и всё видели.

— Я отвезу вас в Кулунду, — сказал водитель.

— Зачем так далеко? — возразил Борис Яковлевич. — Переночую у вас, а дальше видно будет.

— Нет, здесь оставаться опасно. Вас будут искать.

И Борису Яковлевичу пришлось согласиться. Водитель решил заехать домой, известить жену, куда поедет.

— За нами следует «нива», — вдруг сказал он, глядя в зеркало заднего вида. — Надо проверить... — И нажал на газ.

Нарушая правила дорожного движения, брат мчался на красный свет, петлял по закоулкам, но «нива» не отставала. Значит, это погоня, это «хвост».

— Поверни направо, — попросил Борис Яковлевич. — Мы выскочим и скроемся в переулке, а ты поедешь прямо, и они — за тобой.

Не знал служитель, что серенькая «нива» снабжена подслушивающим устройством и эти слова были услышаны. Поэтому «нива» не поехала за автомобилем, а свернула в переулок и тут же догнала братьев.

— Садитесь! — широко открылась перед Борисом Яковлевичем дверь.

Пришлось подчиниться.

Понимая, чем всё кончится, Борис Яковлевич тихо сказал сопровождающему его брату:

— Тебя отпустят. Сообщи сразу моей семье, передай привет церкви.

Это произошло 11 августа 1982 года.

Дверь КПЗ со скрежетом открылась и тут же закрылась, отрезав от свободы ещё одного христианина, сохраняющего верность Богу.

— Я хочу помолиться, — сказал Борис Яковлевич пьяному, который сидел в углу камеры.

— Молись, — безразлично махнул тот рукой.

Преклонив колени, Божий служитель искренне доверил себя и свою семью Небесному Отцу. Так начался новый отрезок в его жизни.

Из КПЗ Бориса Яковлевича перевезли в тюрьму и сразу представили на медкомиссию из-за незаживающей раны на ноге.

— О, этой ране уже сто лет! — с напускной весёлостью сказал хирург.

— Немного меньше, — заметил Борис Яковлевич.

Рана была следствием аварии, в которую он попал ещё

в 1978 году. Оскольчатый перелом обеих костей голени потребовал длительного лечения. После нескольких операций нога стала намного короче.

Комиссия признала заключённого годным для тюремных условий, и его отправили в камеру. Там не оказалось никакой постели.

«Хоть какой-нибудь матрац должен ведь быть!» — огляделся Борис Яковлевич и наивно постучал в дверь:

— Мне матрац не положено?

— Нет, — ответила дежурная. — Завтра переведут в другую камеру, там всё будет.

Утром Бориса Яковлевича действительно перевели в другую камеру, где находилось человек десять.

— За что попал? — первое, что спросили сокамерники.

— Я проповедник Евангелия. За это и преследуют.

Завязалась беседа. Заключённые слушали очень внимательно. Только один пытался возражать, но остальные велели ему не мешать.

Начав с истории еврейского народа, Борис Яковлевич дошёл до рождения Иисуса Христа. Вдохновенно рассказал о том, как Божий Сын приходил на землю, чтобы умереть за грехи людей.

— Дед, замолчи! Иначе будешь наказан! — остановил его зычный голос дежурного, постучавшего в «кормушку».

Был уже поздний вечер, и Борис Яковлевич отложил беседу до завтра. В этой камере он провёл семь дней.

Через неделю из Анжеро-Судженска приехали два милиционера, чтобы доставить арестованного на следствие по месту жительства.

— Ну, Борис Яковлевич, мы с вами шутить не намерены, — предупредил один из них. — Я стреляю обеими руками одинаково. И будет очень плохо, если в вашем теле появится лишняя дырка!

— Я тоже не намерен шутить, — в тон ему ответил Борис Яковлевич. — Мне уже шестьдесят два года, к тому же я хромой...

И всё же арестованному надели наручники. Причём

надели, заведя руки назад. Вывели на улицу и, указав на воронок, приказали:

— Залезай!

— Как?! Руки-то сзади. Не могу!

Подсадили. На станции подвели к купейному вагону пассажирского поезда. Опять тот же разговор. Снова подсадили. Завели в первое купе и, не снимая наручников, привязали их цепочкой к столику. Таким страшным преступником казался правоохранителям человек, боящийся Бога.

А Борис Яковлевич не унывал. Его сердце наполняла радость о том, что он удостоился чести страдать за своего Спасителя.

Поздно вечером ему велели залезть на вторую полку.

— Освободите руки, — попросил он.

Наручники сняли. Как только он лёг на полку, наручники снова надели и цепочку привязали к верхней полке. Так прошла ночь.

Рано утром приехали на станцию Тайга. Там пересели на другой поезд, и вскоре прибыли в Анжеро-Судженск.

Следствие длилось почти четыре месяца — с августа по ноябрь. Содержали Бориса Яковлевича в тюрьме города Мариинска, а на судебное расследование возили в Анжеро-Судженск.

Следователь получил задание дать христианину срок побольше и ревностно приступил к делу.

— Ну как, библейские курсы продолжаются? — насмешливо спросил он при первой же встрече. — Или прекратились в связи с вашим арестом?

— Вы опоздали, — скромно ответил Борис Яковлевич. — Курсы уже закончились.

В другой раз он спросил:

— Для вас арест — неожиданность, или вы готовились к нему?

— Более тридцати лет назад я решился идти за Христом и уже тогда начал страдать за Него. Так что для меня арест — не неожиданность.

Довольно часто Борис Яковлевич не отвечал на вопросы следователя. Но иногда вступал в беседу.

— Вы не имеете права без регистрации проводить богослужения, — убеждал его чиновник.

— То есть мы должны оставить собрание?

— Да.

— Пишите, — оживился подследственный. — Десятая глава Послания к Евреям, двадцать пятый стих: «Не оставляйте собрания вашего, как есть у некоторых обычай». Это Божья заповедь.

— Вы не имеете права водить на собрания детей, — продолжал своё следователь.

— Пишите. Десятая глава Евангелия от Марка, тринадцатый стих и далее: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».

К концу ноября Борису Яковлевичу предложили ознакомиться с делом. Это значило, что следствие завершилось.

Суд

— **Н**е положено! Сидячих мест в зале уже нет, а стоять не положено! — стоящий в дверях милиционер загораживал вход в зал суда.

Суд начался 29 ноября 1982 года. Предполагалось, что он продлится три дня. У здания суда собралось много верующих, однако к началу процесса зал оказался заполненным чужими людьми, и впустили только родственников подсудимого.

Находчивая молодёжь разыскала в здании кабинет, где стояло много стульев, и вскоре все верующие зашли в зал — каждый со своим стулом.

Бориса Яковлевича вели два конвоира. Все братья и сёстры, мимо кого он проходил, могли поздороваться с ним.

Когда он прошёл на отведённое для него место, все христиане встали.

— Вот как он их воспитал! — не удержался судья. — Перед ним встают!

Основное обвинение заключалось в том, что подсудимый вовлекал в секту малолетних детей и противился регистрации общины. Ещё одна статья обвиняла его в клевете на советскую действительность.

Одним из главных свидетелей выступал секретарь горисполкома.

— Более двадцати лет я знаком со Шмидтом, встречался с ним и убеждал его зарегистрировать общину, но он всё время отказывался. И вот результат — он стоит перед судом.

— Вопросы есть? — вскинул голову судья.

— Да, — Борис Яковлевич повернулся к секретарю горисполкома. — Скажите, вы действительно встречались со мной более двадцати лет?

— Да.

— За это время к вам поступали жалобы на то, что наша церковь нарушала уличное движение?

— Нет.

— А была ли хоть одна жалоба, что мы проводили богослужения в общественных местах?

— Нет, не было.

— За это время вам сообщали, что мы посягаем на безопасность граждан нашей страны?

Секретарь немного подумал и ответил:

— Нет.

Судье это не понравилось. Подсудимый задавал вопросы, отвечая на которые секретарь горисполкома фактически оправдывал его!

Довольно-таки нетактично судья обратился к свидетелю:

— Если верующие не причинили вам никакого вреда, значит, дремлет общественность в Анжерке...

— Я имею право задавать вопросы, потому что отказался от адвоката, — заметил в ответ Борис Яковлевич.

Свидетелей на суде было много — в основном учителя, работники милиции и дружинники. Все они где-то и как-то сталкивались с верующими — приходили на богослужения с требованием разойтись, участвовали в обысках.

В первый день суда заслушали только некоторых свидетелей. Создавалось впечатление, что заседание искусственно затягивается.

На второй день конвоиров было уже четверо, и к Борису Яковлевичу никто из верующих не мог подойти. Заседание проходило более энергично — свидетелей вызывали одного за другим. Казалось, что судьи торопятся и к концу дня могут зачитать приговор. Молодёжь забеспокоилась — все пришли без цветов, надеясь, что суд будет длиться три дня. Послали брата за приготовленным уже букетом, раздумывая, каким образом занести его в зал суда.

Из Давлеканово на суд приехал молодой брат в шубе. Ему-то и удалось спрятать букет под широкой полой и пройти с ним в помещение. Именно в это время в зале суда появились люди в форме — в папахах и в погонах с большими звёздами. Их было так много, что создавалось впечатление, будто они собраны из всей области.

Судебный процесс быстро закончили. Прокурор зачитал обвинение и запросил подсудимому пять лет.

Борису Яковлевичу разрешили сказать защитное слово.

Он коротко объяснил, что регистрация церкви невозможна из-за законодательства о религиозных культах, что церковь не совершала никаких противоправных действий, а проведение собраний — это потребность верующих.

Затем Борис Яковлевич напомнил следователю, что на предварительном следствии говорил с ним о Боге и просил его покаяться в грехах.

— Как вы чувствуете себя после того разговора? Я не причинил вам, случайно, морального ущерба?

— Нет, — быстро мотнул головой следователь.

Борис Яковлевич сказал ещё о том, что в христианской литературе, которую у него изымали во время обысков, нет ничего противозаконного.

После него взял слово адвокат:

— Подсудимый прекрасно всё объяснил. Мне остаётся лишь добавить, что суду представлены грамоты и характеристики детей, содержащие благодарности родителям за хорошее воспитание.

— Подсудимому разрешается сказать последнее слово, — холодно объявил судья.

— Суть нашей жизни — в духовной работе и в духовной победе, — проникновенно начал Борис Яковлевич. — «Сия есть победа, победившая мир, — вера наша» — так говорит Библия. Мы верим, что Иисус Христос реален. Мы глубоко убеждены, что есть загробная жизнь и всё, что происходит в мире, имеет глубокий смысл.

Я долго жил, не веря в Бога, поэтому могу вполне определённо сказать, какую жизнь можно назвать жизнью с большой буквы...

Силу для победы мы находим в молитве... Находясь в заключении, я всегда чувствовал Божью близость и помощь. Общение с Богом — наша сила...

Среди тысячи неверующих я один верю в Бога, и вы не можете меня переубедить. Я стою перед вами, на первый взгляд, как побеждённый, но я не побеждён, потому что пришёл сюда верующим и уйду отсюда верующим. Хочу всем сказать, что Бог на самом деле есть...

После этого слова судья зачитал приговор, согласно которому Борис Яковлевич должен пробыть в неволе долгих четыре года.

В этот момент из зала к осуждённому со всех сторон полетели цветы. Братья и сёстры громко запели:

Жить для Иисуса, с Ним умирать,
Лучшую долю можно ль желать?!

Юстина успела обнять отца, и его быстро увели через боковую дверь. У входа вплотную стоял воронок, так что попрощаться с узником никто не смог.

За цветы и пение в зале суда сотрудники милиции на-

меревались арестовать руководителя молодёжи, но друзья окружили его так плотно, что сделать это оказалось невозможным. И всё же на другой день брата арестовали и осудили на пятнадцать суток.

Неволя

— Вот и пришла в наш дом тюрьма... — сказала Агнесса Петровна сама себе, присаживаясь в кресло, где любил сидеть муж.

После суда его сразу же увезли в Мариинск, и она вернулась домой.

Слёз не было. Она немного отдохнула и встала на колени — ей хотелось этого с самого утра.

Общение с Богом принесло умиротворение и необыкновенную радость женщине, оставшейся без мужа.

— Благодарю Тебя, Небесный Отец, за то что можем страдать за Тебя! — шептала она. — Благослови Бориса пройти этот путь, укрепи его веру и даруй на всё мудрости! Помоги и мне прославить Тебя, потому что Ты достоин этого!

Агнессе Петровне хотелось петь, и она пела весь вечер, собирая любимому мужу передачу.

Наутро она с двумя дочерями поехала в Мариинск на свидание. Целый час они могли общаться с Борисом Яковлевичем по телефону, глядя друг на друга через стекло.

«Он чувствует то же, что и я», — думала Агнесса Петровна, глядя в счастливые глаза мужа.

А лишённый свободы христианин, как ни странно, испытывал радость, считая за честь пострадать за Господа.

В своём первом письме, отправленном отцу в лагерь, дочь Аня искренне призналась: «Папа, я хотела бы всегда видеть Вас таким радостным, каким Вы были в мариинской тюрьме...»

Ещё находясь под следствием, Борис Яковлевич много думал о том, сколько лет ему придётся жить вдали от церкви. Вспоминая братьев, уже прошедших этим путём,

он думал: «Михаилу Ивановичу Хореву и Дмитрию Васильевичу Минякову дали по пять лет. Мне должны дать меньше, потому что я не навредил дьяволу столько, сколько они. А Ивану Григорьевичу Ящуковскому дали три года. Он трудился в основном в своей церкви, а я — много ездил, поэтому навредил дьяволу побольше, и мне, скорее всего, дадут четыре года...»

Он сам определил себе такой срок, потому, услышав приговор — обрадовался. Он был готов принять этот жребий и дополнить число страдальцев, на деле проявивших верность великому Богу.

Целый месяц Борис Яковлевич находился в тюрьме, в ожидании утверждения приговора. То было несколько напряжённое время — томила неизвестность: куда отправят? где и как будет проходить срок?

После утверждения приговора его отвезли в Кемерово и поместили в камеру, где находилось около сорока человек, ожидающих отправки на стройки народного хозяйства.

В камере ступить негде. Душно. Все курят. Борис Яковлевич еле держался на ногах от усталости и нехватки воздуха, а к нему тут же приступили с расспросами:

ИТК в Кемерово

— За что, батя? Какая статья?

— Вы мою статью не знаете.

— Не может быть! Мы тут все статьи знаем! Какая у тебя?

— Сто сорок вторая, двести двадцать седьмая, сто девяностая...

Естественно, эти статьи им были незнакомы, потому что верующие сюда попадали редко.

— Расскажи нам что-нибудь! — попросили с интересом.

— Я так устал! Весь день простоял в приёмнике...

— Ну хоть немного!

Борис Яковлевич начал говорить и часа полтора рассказывал о своём Возлюбленном. Слушали с интересом. Потом новенькому дали место на нарах, хотя всё было занято и лечь можно было только на полу, и то на свои вещи. Но зеки потеснились и дали святому матрац.

Перед сном Борис Яковлевич снял свой костюм и объявил:

— Кому нужен, подходи!

Сразу подошёл довольно молодой мужчина. Костюм ему оказался как раз. То же самое Борис Яковлевич сделал со своим плащом. Взамен ему дали арестантскую робу. В этой камере он пробыл всего одну ночь — на следующий день его отправили в Кемерово, в лагерь общего режима.

Первое время, несмотря на почтенный возраст (63 года), Борис Яковлевич работал — вязал сетки, мочалки, убирал в помещениях. Ему нередко досаждала поломанная нога — малейшая царапина начинала кровоточить и превращалась в рану, обнажающую кость. Самым эффективным лекарством была молитва. Господь, по-особому внимательный к узнику, миловал его, и раны на время заживали.

В январе 1985 года Борис Яковлевич попал в больницу — вновь открылись раны на ноге, началась аллергия. Вдобавок ко всему воспалились почки. Лечение длилось полтора месяца.

После больницы его освободили от работы, однако он не мог сидеть без дела — подметал, мыл, вытирал пыль,

убирал во дворе снег. Занимаясь тем или другим, много думал о Божьем слове.

В одном из писем жене он признался: «Хожу один, стараюсь о чём-то размышлять, но это не всегда удаётся. В таких случаях я всегда сожалею, что время прошло напрасно. Нам ведь должно дорожить временем!»

В неволе Борис Яковлевич много писал. Размышляя о величии Иисуса Христа, он рассматривал Его имена и титулы, данные Ему в Священном Писании. Исписанные тетради передавал родным.

На протяжении всего срока за Борисом Яковлевичем тщательно следили работники спецслужб, и это утомляло больше всего. Ему строго запрещали рассказывать заключённым о Боге, разговаривать с кем-либо на религиозные темы. Однако христианин не мог подчиняться этим требованиям.

Как-то раз Борис Яковлевич поговорил на плацу с одним человеком, и того на следующий день вызвали в оперчасть.

— С кем вчера стоял на плацу? — задали вопрос в лоб.

— Со Шмидтом.

— А ты знаешь, что он закончил две академии и в два счёта может любого втянуть в свою секту! — выпалил оперативник. — Смотри, не разговаривай больше с ним!

По заданию КГБ Борису Яковлевичу планировали дать второй срок без выхода на свободу, как делали это многим служителям в середине 1980-х годов. Однако Господь не допустил такого испытания.

Один знакомый остановился как-то вечером возле Бориса Яковлевича и вполголоса сообщил:

— Иду от опера. Там на тебя такую ерунду написали — как в сказке! Хотели, чтобы я подписался. Ну уж нет! Я отказался, хотя это дорого стоит. Теперь придётся сидеть до звонка, а то обещали по половине отпустить... Ну и пусть! Пакости делать таким как ты, я не намерен...

— Благодарю, — улыбнулся Борис Яковлевич. — В Библии написано, что нечестивым нет мира. Вот они и мечутся,

замышляя зло против невиновного.

Ближе к концу срока завхоз бригады, в которой работал вначале Борис Яковлевич, тоже открыл секрет.

— Слушай, батя, ты так часто ругал меня за гордость! — начал он.

— Так ты земли под ногами не чуял, — рассмеялся Борис Яковлевич. — Надо же было тебе помогать, чтобы ты не разбился...

— Я на самом деле такой, — кашлянул тот по привычке. — Но когда тебе стряпали второй срок и меня заставляли подписать бумаги, я отказался!

— Спасибо, ты доброе дело сделал, — пожал ему руку Борис Яковлевич. — Выйдешь на волю — начни жить по-новому! Покайся и служи Богу...

Сотрудники КГБ и в лагере не оставляли Божьего служителя в покое. Не раз приезжали с тем, чтобы склонить его зарегистрировать церковь, обещали за это тут же отпустить на свободу.

Однажды вызвали Бориса Яковлевича к начальнику лагеря. В кабинете у него сидели два работника оперчасти и незнакомец в штатском. Как только Борис Яковлевич вошёл, начальник лагеря исчез. За ним последовали и оперативники.

«Значит, это работник КГБ, — без труда догадался служитель. — С чем же он пожаловал?»

Мужчина средних лет энергично поднялся и протянул Борису Яковлевичу руку.

— Не положено, — заложил тот руки за спину.

— Почему? — опешил чекист.

— Не видел я, чтобы начальник лагеря здоровался с заключённым за руку!

— Я не такой... — Неловко опустив руку, мужчина сел в кресло и начал рассказывать, как необходимо срочно зарегистрировать церковь.

Борис Яковлевич не реагировал на вдохновенную речь, рассматривая незамысловатый рисунок на линолеуме.

— Вы меня слышите? — не выдержал чекист.

— Очень хорошо слышу, — кивнул заключённый, не поднимая головы.

Долгий монолог всё же закончился, и работник КГБ удалился ни с чем.

Во второй приезд через пару месяцев картина повторилась — чекист говорил, а узник словно воды в рот набрал.

Третий раз работник спецслужбы появился уже перед самым освобождением Бориса Яковлевича, который на тот момент не стал молчать. Однако все его возражения не давали никакого результата, и он решительно поднялся, чтобы уйти из кабинета. Чекист тут же вскочил и встал у двери. Подневольному пришлось сесть и выслушать длинную речь хорошо подкованного специалиста. При всём том Божий служитель твёрдо стоял в истине и на компромисс не соглашался.

Дочери

«Дорогой папа! — писала Юстина в лагерь для заключённых. — Хочу поделиться с Вами новостью: Яша Гец сделал мне предложение. Благословите ли Вы наш брак?..»

Жизнь на воле шла своим чередом. Дети подрастали, и перед ними вставали новые, уже не детские вопросы. Но они по-прежнему спешили за советом к отцу, хотя он был отделён от них не только расстоянием, но и колючей проволокой.

Получив письмо от дочери, Борис Яковлевич долго молился, желая правильно сориентироваться. Затем он дал согласие и благословение на брак:

Дорогая моя Юстиночка! Сердечно тебя приветствую любовью Господа нашего Иисуса Христа.

Получил от тебя коротенькое письмо. Получил также и от Яши. Отвечать буду, наверно, одним письмом. Вы же скоро будете одно. Думаю, что в сердце вы и сейчас уже одно...

Как прекрасна любовь!

Меня часто спрашивают, что такое любовь и есть ли она вообще. Апостол Павел характеризует её очень правильно: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит». К этим словам нечего прибавить! Иметь бы только эту любовь, и всё было бы чудесно.

Желаю вам этот текст в день вашего бракосочетания. Пусть он сопровождает вас всю последующую жизнь, потому что «любовь есть совокупность совершенства». Да, любовь — это самое главное, что нужно людям, особенно в семейной жизни.

Вы вступаете в новую, неведомую для вас жизнь. Вы наблюдали за своими родителями и, наверно, находили у нас недостатки. Мне хочется, чтобы вы не повторяли наших ошибок, а подражали только доброму, забывая плохое.

Конечно, у каждой семьи есть свои особенности, свои проблемы. Не забывайте, что Сам Господь благословляет брак. Он обещает быть с вами и помогать вам. Мы, родители (говорю и от имени мамы), благословляем вас. Я принимаю Яшу как родного сына и хочу быть для него благословением.

Итак, перед вами путь. Он пойдёт по прекрасным местам, по зелёным лугам, где протекают спокойные реки. Это злачные пажити и тихие воды, о которых пишет псалмопевец Давид. Господь будет водить вас по прекраснейшим пажитям Своего неизменного Слова, которое раскрывает нам Иисуса Христа. «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне», — говорил Господь. Писания свидетельствуют о Нём. А иметь Иисуса Христа — значит иметь всё.

Ещё одно моё пожелание вам: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов».

В остальном Сам Господь научит вас, как поступать...

Погода отличная, на душе радостно. Радуюсь вместе с вами, ибо написано: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими». Хотелось бы всегда так поступать, и это как раз и хранило бы от зависти. Радоваться успеху ближнего не каждый сможет.

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

Обнимаю вас и целую. Ваш папа.

12 октября, 83 г.

Желанный молодыми день приближался, и невеста взволнованно говорила жениху:

— Не представляю себе бракосочетания без отцовского благословения...

И однажды её озарила прекрасная идея:

— Давай поедем в лагерь и попробуем добиться свидания!

Так и сделали. В канун бракосочетания, 29 октября 1983 года, в субботу, невеста с женихом поехали в Кемерово, в исправительно-трудовую колонию. С ними отправилась и Агнесса Петровна, а также Аня с мужем.

В Кемерове вначале заехали к друзьям, жених и невеста переоделись в свадебный наряд и отправились в лагерь.

Моросил холодный осенний дождь, отчего

Яков с Юстиной, 1983 г.

серое административное здание колонии казалось ещё более мрачным и неприветливым. На его фоне жених и невеста в своём наряде смотрелись особенно празднично. Они зашли в длинный коридор. Это было невиданное зрелище! Как только они обратились со своей просьбой к кому-то из должностных лиц, начался переполох. Из многочисленных дверей стали выглядывать люди и рассматривать необычных посетителей. Работники так суетились, что невеста едва сдерживала смех.

— Зайдите в этот кабинет! — пригласила наконец суровая на вид женщина в погонах. — Свидание разрешили только на десять минут и только для родственников! — Она внимательно оглядела присутствующих. — Вы, молодой человек, не родственник. Выйдите, — сказала она Аниному мужу.

Попытки уговорить её, чтобы разрешила зятю остаться, оказались безуспешными. Все радовались, что хоть жениха не выдворили на улицу.

Через некоторое время зашёл Борис Яковлевич в чёрной арестантской робе. Он широко улыбался, его глаза светились счастьем.

Им никто не мешал, и они общались более десяти минут. Отец помолился над женихом и невестой, возложив руки на их головы. Тепло этих рук осталось с ними до старости, а благословение, выпрошенное у Господа, всю жизнь вдохновляло с молитвой и верой переносить житейские невзгоды.

Прошло два года, и замуж собралась другая дочь Бориса Яковлевича — Маргарита. Её женихом был Отто Рыль. Они тоже очень хотели получить благословение любимого отца и поехали в кемеровскую колонию.

В администрации молодым сказали, что начальник лагеря в отъезде. Однако его заместитель, женщина, сочувствующе пообещала, что вопрос свидания сейчас решат, и отвела их в кабинет замполита.

Он встретил жениха с невестой неблагосклонно.

— Не положено! — хмуро отвёл глаза в сторону. — Здесь

Отто с Маргаритой, 1985 г.

не курорт. Вам что, закон не писан?!

Минут пятнадцать Отто с Маргаритой выслушивали его гневную тираду. Невеста, опустив голову, тихо плакала.

Когда они вышли от замполита, Маргарита вдруг вскрикнула:

— Папа!

В конце коридора стоял Борис Яковлевич.

Заместитель начальника, как и обещала, положительно решила нелёгкий вопрос.

На общение с отцом отвели десять минут. Но и этому короткому времени дети были несказанно рады.

Для Бориса Яковлевича этот день тоже стал памятным. Он был счастлив помолиться с детьми и доверить их жизнь Божьему попечению.

Письма

— **В**сё пишешь? — ухмыльнулся один из заключённых.

— Да! — добродушно посмотрел на него Борис Яковлевич. — Через письма я общаюсь со своими родными...

По сей день, читая эти письма, можно узнать, о чём думал Божий служитель, находясь в заключении, что для него было важно, чем он жил целых четыре года вдали от семьи и церкви.

Дорогая моя Агнесса! Приветствую тебя именем Господа моего Иисуса Христа.

Хочу немного поговорить с тобой, хотя письма от тебя ещё нет. Но это не имеет сейчас особого значения — оно будет, может быть, даже сегодня.

Мне так сильно не хватает тебя. Особенно, когда что-то гнетёт и на сердце тяжело. Хорошо сказал Пётр Иисусу: «К кому нам идти? у Тебя глаголы вечной жизни...» И у нас такая же убеждённость — к Нему можно прийти со всеми своими нуждами и тяжестями.

На земле Господь нам дал ещё и друзей — таких, кому можно всё рассказать и доверить. И нам с тобой не надо далеко ходить, чтобы найти таких друзей.

Иногда я мысленно сижу около тебя и рассказываю тебе свои переживания. Ты, конечно же, внимательно слушаешь меня, понимаешь, и таким образом происходит у меня разгрузка.

Сегодня я почему-то с утра был чем-то недоволен. Не могу даже точно сказать, чем. Уборка прошла не так, как всегда — обычно с радостью, с удовлетворением, а сегодня — с каким-то ропотом. Может, из-за того, что мне велели убирать другой класс, который на мой взгляд был хуже прежнего. Но это не причина...

...Я не старался смириться, а развивал в мыслях своё неудовольствие. Мы же прекрасно понимаем, что всякое греховное начало надо сразу гасить. Я этого не сделал, потому начал день неподготовленным к другим испытаниям и искушениям...

Я не мог быть приветливым, как обычно, допускал ошибки в общении с заключёнными, хотя это, возможно, никто и не замечал, но я знаю своё сердце лучше, чем те, кто думает обо мне хорошо. Таким образом я стал виновным перед моим Господом. А как не хочется огорчать Его! Как хочется жить в близком общении с Ним и за всё благодарить!

После всего пережитого я помолился и попросил прощения у Господа, и моё сердце помаленьку успокаивается, приобретает радость.

Иногда сложно во всех обстоятельствах оставаться в полном равновесии и покое. Для этого как раз и нужны нам утренние часы молитвы и уединения. Общение с Богом укрепляет нас, и мы можем противостоять дьявольским искушениям и козням...

Как это ужасно — изо дня в день слышать ругань и сквернословие! Они этого не замечают, а на самом деле и себя оскверняют, и воспаляют круг жизни.

Ну ладно, написал тебе немного о своих переживаниях. Буду ждать, что и ты мне что-нибудь напишешь...

Оставайся с Богом. До встречи.
5 сентября, 84 г.

Дорогие мои братья!

Приветствую вас любовью Господа нашего Иисуса Христа.

Решил немного написать вам и послать весточку от себя. Скоро уже год, как меня арестовали, и ещё три года мы будем в разлуке. С помощью Господа всё можно перенести. Чувствую себя хорошо. Здоровье тоже — слава Богу.

Духовно бодрствую, за всё благодарю Господа. Насущным хлебом чудно обеспечен, так что можно сказать — избыточествую и доволен всем. Только иногда тоска по вам одолевает и на сердце грустно. Ведь ничем теперь не могу вам помочь, хотя желание есть. В первое время я сильно беспокоился о том, что не успел докончить то, что начал, и думал: как там теперь будет? Но со временем стал меньше об этом переживать.

У вас теперь, наверное, много новых сотрудников — это хорошо. Желаю вам всем благословений от Господа в вашем труде под руководством Духа Святого.

‹...›

Мы с вами ответственны за наше поколение. Для его спасения Господь никого не может послать, кроме нас. Для следующего поколения Он найдёт других. Может быть, наших детей. Если мы не сделаем всё, что можем, то в конце жизни нам будет стыдно (если не хуже)...

Материал по толкованию Писаний для библейских курсов, который я собрал и написал, считаю очень важным. Братья мои, это не потому, что я написал и мы им пользовались на курсах, нет! Хочется, чтобы этот материал мог ещё принести радость и наслаждение другим. Я сам был восхищён им и захвачен, и был бы рад теперь ещё раз прочитать и поразмыслить над ним. Особенно Книга Бытие дала мне много назидания. По этой книге у меня было руководство на немецком языке, а потом пришлось искать другую литературу. Господь дал мне возможность на протяжении более чем двух лет собирать этот материал...

Обо мне знает весь лагерь, потому что газета рассказала о всей моей деятельности. Я знаком всему начальству, потому что они все меня вызывали, и приходилось много говорить им об Иисусе Христе...

В тюрьме испытывал самое радостное, близкое общение с Господом. На суде — так же.

Арест для меня был каким-то праздником. А с другой стороны — были и трудности, тяжесть ожидания будущего, особенно следствия.

Следователь держал меня по пять–шесть, а порой и по восемь часов. Очень хитрый. Я мог ничего и не говорить, но не скрывал, что являюсь служителем Христа...

Ожидаю от вас обстоятельного ответа. Хотелось бы знать, как дела в Совете церквей, есть ли новые служители от Сибири и других мест? Как дела в Средней Азии, на Украине? Как Степан Мисирук, Иван Яковлевич и Дмитрий Васильевич? Сколько дали Мисируку? Есть ли новые аресты?

Не унывайте, дорогие мои! Такая наша участь по Евангелию. Мы призваны защищать Евангелие и не только веровать в Иисуса Христа, но и страдать за Него.

Всем братьям в Совете церквей мой сердечный привет!

24.07.83

Б. Я. Ш.

Узник очень часто писал семье — и всем вместе, и каждому в отдельности. Его письма дышали свежестью — он жил в тесном единении с Господом, и ничто греховное, мирское не накладывало на него своего мерзкого отпечатка.

Дорогие мои, Яша, Лида и ваши ребятишки!

Приветствую вас любовью Христа и желаю вам благословения и много благ в жизни. О, пусть Господь поможет вам! Жизнь — это серьёзное дело...

Мне иногда приходится беседовать с людьми, и в разговоре всегда выявляется превратное понимание нормального поведения. Недавно меня спросили, когда я уверовал. И когда я сказал, что на двадцать седьмом году жизни, они заметили, что «в общем, до этого ты жил нормально». Я ответил: нет! до этого я жил не нормально! Я курил, иногда выпивал, сквернословил и так далее.

Мне долго пришлось доказывать, что нормально живу теперь, но они всё равно не соглашались. Апостол Павел написал предельно точно, что они, будучи помрачены в разуме, остались без жизни Божьей по причине невежества и ожесточения сердца. Они дошли до бесчувствия, предались распутству, делая всякую нечистоту с ненасытимостью. А о том, что они делают тайно, стыдно и говорить...

Ну вот, я немного поговорил с вами. «Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нём и в Нём научились... отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего...»

Ваш папа
17.01.84

...Всех вас приветствую любовью Господа Иисуса Христа и желаю вам возрастать в познании благодати Божьей.

Смотрите — это касается всех молодых, — чтобы земное устройство ваше не поглощало все ваши духовные силы, оставьте хоть немного для души! А то Господь на-

звал такого человека безумным, который заготовил много добра и построил новые житницы.

Помогайте старикам в духовной работе и начинайте чувствовать ответственность за неё...

10.05.84

...Благословение или удовлетворённость души не всегда зависит от внешнего благополучия и устройства. Нет! Можно иметь буквально всё для жизни: устроенную семью, хорошую работу, материальную обеспеченность, уют в доме и т. д., но в то же время не чувствовать удовлетворённости в душе, не чувствовать благословения.

Господь поручает нам что-то другое кроме всего того, что мы имеем. И только тогда, когда мы исполняем порученное нам дело, тогда вдруг наше сердце чувствует благословение и удовлетворённость.

Иисус говорил Отцу: «Я прославил имя Твоё на земле и исполнил дело, которое Ты поручил Мне исполнить, и теперь, Боже, прославь Меня Ты у Самого Себя славою, которую Я имел у Тебя прежде создания мира». Иисус сделал всё, порученное Ему.

Апостол Павел говорил: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...» Этому человеку очень много пришлось пострадать. Вся его жизнь была полна опасностей, его буквально гнали из одного города в другой. Но он не унывал, а делал то, что ему было поручено. Он написал прекрасные, поучительные в догматическом отношении послания. Там столько тем для размышления, что мы учимся всю жизнь и разбираем их и до сих пор получаем ответы на волнующие нас вопросы.

Самое важное для поддержки духовности — труд. Кто хочет потерять духовность, благословение или удовлетворённость души, тот пусть ленится и ничего не делает. А кто хочет сохранить тонус жизни — тот трудись!..

10.02.85

...Конечно, очень рад, когда получаю от вас весточку. Тогда хоть мысленно, но вливаюсь немного во все ваши повседневные дела. Со временем всё больше отходишь от того, что было тогда, когда жил на воле. Помню, что в начале моего отсутствия полностью жил нуждами семьи, церкви. Думал, что без меня многое не сделается и стремился жить этими нуждами. Теперь это немного изменилось. Я говорю «немного». Всё равно обо всём думаю, но помочь могу только молитвами.

20.11.85

...Вчера ходил по двору и пел песни, которые знаю наизусть.

«Ближе, Господь, к Тебе...»

Как хорошо, когда мы в одиночестве можем общаться со Христом, петь те же песни, какие пели дома, только с той разницей, что теперь это всё надо пережить на практике.

Здесь пение и слово (Божье. — Ред.*) обладают большой жизненной силой, и христианин радуется о всех путях Божьих в личной жизни.*

В общем, душа моя жаждет Бога — крепкого и живого. «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду ещё славить Его, Спасителя моего и Бога моего».

Всё прекрасно и хорошо в моей жизни, потому что Господь со мною...

03.01.86

...То, что дела у тебя идут помаленьку, это хорошо, но это не главное.

Я хотел бы видеть тебя за книгами. Трудись над собой, трудись на благо других. Дети ожидают пищи. А Христос говорил ученикам: «Не нужно идти покупать хлеба. Вы дайте им есть». Потом Он взял хлеб, благословил его и дал ученикам, а они уже дали народу. Там было пять тысяч человек. Всем хватило. Ученики были всего

лишь проводниками Божьей щедрости.

Или насчёт молитвы. Друг идёт ночью к другу просить хлеба для приезжего гостя. Он просит, чтобы отдать, просит не для себя. А если мы будем просить только для себя и не будем отдавать, то получится застой в нашем сердце и мы оскудеем.

Передай всем такой привет от меня. Особенно молодожёнам и детским работникам. В пение вкладывайте больше духовного. Всё чтобы было для Его славы...

21.05.86

Свобода

— Смотрите, не устраивайте никаких торжественных встреч, иначе вас живо вернут сюда! — строго предупредил Бориса Яковлевича начальник по режиму накануне долгожданного освобождения.

— Не знаю, кто и как будет меня встречать. Да и как я могу устроить встречу? Если родные приедут, мы немного побудем у друзей и поедем в Анжерку.

Воскресный день, 10 августа 1986 года, Борис Яковлевич провёл в молитве и трепетном предвкушении свободы. В мыслях то и дело всплывали картины богослужений, лица дорогих братьев и сестёр.

Друзья в Анжеро-Судженске тоже с радостью готовились к встрече с узником. Готовились и недруги.

Агнесса Петровна с дочерями, братья и некоторые родственники решили поехать в Кемерово рано утром, 11 августа, чтобы встретить Бориса Яковлевича у ворот лагеря. Всего должно было поехать четыре машины.

Самые первые отправились в четыре утра. Они благополучно проехали пост ГАИ, так как там ещё никого не было. Следующие две машины на посту задержали. Под надуманным предлогом с автомобилей сняли номера и велели водителям возвращаться домой. Водитель четвёртой машины издали увидел, что братьев остановили на посту,

и решил объехать его. Он тоже благополучно добрался до места.

Несмотря на всевозможные препятствия, к воротам лагеря подъехали братья из Павлодара и Новосибирска. Поодаль стояло несколько офицеров. Они внимательно наблюдали за происходящим.

Наконец ворота открылись, и на волю с широкой улыбкой на лице вышел Борис Яковлевич. Агнесса Петровна поспешила ему навстречу с букетом цветов.

Крепкие объятия, горячая благодарность Господу — для вчерашнего заключённого всё как во сне. Когда сфотографировались и хотели уезжать, он вспомнил о товарищах, подошёл поближе к забору и помахал им рукой на прощанье. А они, облепив окна второго этажа в бараке, жадно наблюдали за торжественной встречей святых людей.

Фотограф, из опыта зная, что недруги могут забрать аппарат и засветить плёнку, постарался незаметно положить его в автомобиль Якова Геца.

Кемеровчане от имени всей церкви попросили Бориса Яковлевича остаться на благодарственное служение, пообедать, а потом уже ехать в Анжеро-Судженск. Так и решили сделать.

Едва попросили благословения на общение, как приехал уполномоченный по делам религиозных культов.

— Только вышел и сразу устраиваешь сборище! — возмутился он с порога. — Давайте по-хорошему — все на выход, по одному! И скорее, чтобы через пятнадцать минут здесь никого не было!

Пригрозив неприятностями, уполномоченный сделал ещё несколько формальных замечаний и ушёл, напомнив:

— Будете долго распевать, пришлём наряд...

Несмотря на угрозы, богослужение прошло торжественно. Вместе с Борисом Яковлевичем братья и сёстры от всего сердца благодарили Бога за все чудеса и милости, свидетелями которых были они, проходя нелёгким путём.

В конце собрания один из братьев сообщил, что все подъезды к дому заполнены внештатными сотрудниками

Самый счастливый!

Цветы — победителю: остался верным, незапятнанным изменой Богу

органов безопасности. Хозяин дома, где проходило богослужение, вызвался провести окольными путями машину, в которой поедет Борис Яковлевич.

Автомобиль стоял в гараже, куда незаметно прошли Борис Яковлевич, Агнесса Петровна и две их дочери. Хозяин дома сел на мотоцикл и провёл гостей так, что они объехали все посты, где их ждали, в том числе и пост на выезде из города.

Шёл дождь. Мотоциклист промок насквозь, но был вне себя от радости, что Борис Яковлевич беспрепятственно отправился домой.

На Анжеро-Судженском посту их тоже не остановили — такого распоряжения из областного центра не поступало.

Был первый час ночи, когда изрядно уставшие, но счастливые путешественники благополучно прибыли в свой дом. Там собралось немало друзей в ожидании любимого брата. Никто не спал. Лишь после сердечных приветствий и таких же искренних молитв разошлись на отдых.

Утром к дому Якова и Юстины подъехали сотрудники милиции.

— Где муж? — поправляя фуражку, деловито спросил у хозяйки моложавый лейтенант.

— На работе.

— А где его машина?

— Он уехал на ней...

Оставив Юстину в недоумении, стражи порядка поспешно уехали.

Яков работал в котельной на шахте. В то утро работники милиции явились к нему с требованием предоставить автомобиль для осмотра.

— С чем это связано? — удивился он.

— Вы были вчера в Кемерове и нарушили там правила уличного движения. Вы убегали от работников ГАИ, и нам велено обыскать вашу машину.

Обыскивали тщательно. Нашли инструменты, которые Яков давно уже потерял. Но то, что им хотелось найти, —

И снова среди родных и любимых... Кемерово

Наконец-то дома!

Первое воскресное богослужение после заключения

не нашли. Яков понял, что они искали фотоаппарат, который он успел отдать фотографу.

Пригрозив большим штрафом, милиционеры уехали. Однако штраф так и не пришёл.

А в доме Бориса Яковлевича между тем собирались близкие и друзья. Каждому хотелось увидеться с узником и прославить вместе с ним Господа. Дом наполнился так, что ступить было некуда. Приехала милиция.

Блюстители порядка вели себя грубо. Бесцеремонно фотографируя собравшихся, они шумели, требовали разойтись. Улицу запрудили милицейские машины, которые сновали туда-сюда, создавая напряжённую атмосферу. Однако через час-другой они, как по команде, уехали, и христиане смогли провести тёплое, радостное общение.

В первое воскресенье после освобождения дорогого служителя собрание назначили в доме Якова и Юстины. Приехало много гостей. Договорились, что Борис Яковлевич

придёт на час позже, не к началу собрания.

Не успели попросить благословения на предстоящее служение, как приехала милиция. Увидев, что освободившегося из заключения среди верующих нет, они заявили, что собрание считается незаконным и все срочно должны разойтись. И уехали.

А потом пришёл дорогой служитель, и церковь в спокойной обстановке выслушала его слово назидания, воспоминания о трудностях и Божьих милостях, которыми сопровождалась жизнь в заключении. Молились искренне и вдохновенно — ведь было за что благодарить Господа!

Через неделю Бориса Яковлевича вызвал секретарь горисполкома.

— И что, вы по-прежнему будете играть первую скрипку? — спросил он, не скрывая раздражения.

— А как иначе? — простодушно улыбнулся тот. — Мы не можем жить по-другому. Я хочу служить моему Богу от всего сердца.

Встреча с семьёй в Анжеро-Судженске, 1986 г.

Неутомимый

— Борис Яковлевич, и по старшинству, и по опытности не мне, а вам нужно быть ответственным за объединение, — уже в который раз говорил Давид Андреевич Пивнёв своему брату и другу.

— Я буду помогать, — неизменно отвечал он. — А ты молод, полон сил — тебе и быть ответственным.

В 1984 году, когда Борис Яковлевич отбывал срок наказания, Давида Андреевича избрали ответственным за Сибирское объединение. Теперь, когда более опытный коллега освободился, служитель стал упрашивать его принять ответственность за объединение. Но Борис Яковлевич наотрез отказывался.

Большое объединение требовало большого труда. Все неприятности, равно как и радости, братья делили пополам. На удивление, они очень быстро подружились, несмотря на значительную разницу в возрасте — Давид Андреевич был на тринадцать лет моложе. Все, с кем соприкасались эти два служителя и друга, воспринимали их как еди-

Борис Яковлевич и Давид Андреевич в пути на Сахалин, 1999 г.

ное целое: они всегда вместе и действуют в одном духе.

Имея здоровое чувство юмора, служители могли «корректировать» друг друга без всяких обид и огорчений.

В обязанности Бориса Яковлевича входило рукоположение в объединении — подбор кандидатов и возложение рук. Это служение он всегда совершал вместе с Давидом Андреевичем.

Борис Яковлевич считал, что его проповеди суховатые, чисто догматические, и воспринимать их непросто. Поэтому он старался, чтобы Давид Андреевич проповедовал после него — слово этого служителя изобиловало жизненными примерами, оживляло и умиляло слушателей.

Давид Андреевич всегда отзывался о своём друге, как об очень ответственном человеке.

Однажды, собираясь на пресвитерскую конференцию, братья составили длинный перечень вопросов, которые обязательно нужно было решить.

Несколько дней конференции пролетели незаметно. Давид Андреевич, как ответственный за объединение, был предельно занят. Уже перед тем как служители начали разъезжаться, он вдруг вспомнил о своём списке.

— Борис Яковлевич, мы забыли побеседовать с Анатолием...

— Я побеседовал.

— А с Сергеем?

— И с ним тоже...

— Мы же хотели договориться о поездке в Хабаровск...

— Я договорился.

Давид Андреевич не скрывал своей радости и благодарности Богу за сотрудничество с братом и взаимопонимание.

В поездках по церквам неизменной спутницей Бориса Яковлевича была скрипка. Он мог аккомпанировать общему пению — и на пресвитерской конференции, и на обычном богослужении. Порой после сложного членского собрания, во время служения по очищению и освящению, братья собирались вместе, чтобы помолиться. Борис Яковлевич тогда брал скрипку и исполнял несколько произведений. Слова

В каюте. Поездка на Сахалин, 1999 г.

Съезд МСЦ ЕХБ, 1993 г. Соработники на Божьей ниве. Стоят: Э. Шульц, Я. Я. Янц. Сидят: Б. Я. Шмидт, Д. В. Миняков, Н. А. Крекер, Д. А. Пивнёв

Старейшие служители МСЦ ЕХБ:
Н. А. Крекер, И. Я. Антонов, Б. Я. Шмидт

Совещание Сибирского отдела благовестия.
Новосибирск, 2001 г.

От всей души

песен вместе с приятной музыкой содействовали обновлению сил, направляли мысли к небесному.

Он возил скрипку и на библейские курсы, чтобы вечером, когда преподаватели захотят немного отдохнуть, сыграть им любимые гимны.

Когда же в объединении начали проводить музыкальные курсы и Борис Яковлевич попадал на выпускные экзамены, он буквально светился от радости. Оставляя музыкантам пожелание, он любил подчеркнуть, что восхищается их служением.

Заботясь о духовном росте христиан и их богопознании, Борис Яковлевич нередко записывал свои размышления о библейских истинах. В 1998 году вышла в свет его брошюра «О Духе Святом». В ней раскрыта тайна Божественной Троицы и суть Божьего дара.

Продолжительное время он работал над комментариями к Книге Бытие. Этот прекрасный, глубоко назидательный материал был разделён на четыре части и оформлен в книги под названием: «Книга начал», «Книга веры», «Книга борьбы», «Книга водительства». Они были опубликованы в 2000 году.

К концу 1980-х годов отношение властей к церкви изменилось. Христиане стали беспрепятственно строить просторные дома для богослужений, проповедовать Евангелие на улицах и площадях, в клубах и учебных заведениях.

В это же время церковь в Анжеро-Судженске постигло очередное переживание — началась массовая эмиграция в Германию. Выезжали большими семьями. Уезжали молодые и пожилые. Церковь заметно опустела. Это вселяло тревогу, но Борис Яковлевич старался не опускать руки. Он занимал ясную и конкретную позицию в отношении переезда — сам не собирался оставлять то место, на которое его поставил Бог, и других наставлял поступать так же.

В 1988 году один из уезжавших братьев оставил свой дом церкви, чтобы в нём совершались богослужения. Перестроив его, церковь получила возможность собираться в одном месте.

В этом же году в городе было организовано благовестие, приуроченное к общенародному празднованию тысячелетия крещения на Руси. Расклеенные по городу объявления привлекли внимание жаждущего правды народа, и люди потянулись в палатку, где братья просто и доступно провозглашали библейские истины о Спасителе и спасении.

После этого благовестия у людей появился интерес к вере в Бога, и многие стали ходить на богослужения. У Бориса Яковлевича зародилось желание построить новый, просторный молитвенный дом. Думать об этом можно было лишь при одном условии — верой видеть пробуждение среди неверующих, в то время как проповедники и хористы уезжали за рубеж, увозя с собой молодёжь и детей.

По инициативе Бориса Яковлевича было всё же принято решение, и весной 1991 года братья приступили к строительству. Пресвитер церкви, несмотря на возраст, был одним из первых и активных работников на стройке. Он неумолчно ободрял друзей не опускать руки и, полагаясь на Божью милость, продолжать труд.

Заложив прочный фундамент, братья возвели каркасное строение лёгкого типа и к осени уже поставили крышу.

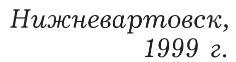
После рукоположения
в Прокопьевске, 1999 г.

Линёво, 2000 г.

Азово, 1999 г.

Нижневартовск,
1999 г.

Осинники, 1994 г.

После рукоположения в Благовещенске, 1999 г.

Друзья, братья и сотрудники: И. Я. Антонов, Б. Я. Шмидт, Д. А. Пивнёв, С. Г. Германюк

Начало строительства молитвенного дома, 1991 г.

Редкие моменты. Д. А. Пивнёв с супругой у Бориса Яковлевича в гостях, 1991 г.

При укреплении стропил Борис Яковлевич работал на лесах. Он неудачно опёрся на плохо прибитый раскос и упал с четырёхметровой высоты. Сломал шейку бедра. После операции он оказался прикованным к постели и пролежал долгих шесть месяцев. Естественно, эта болезнь удручала человека, который в свои семьдесят лет был полон энергии и мог зажигать других.

Было в этой тяжёлой ситуации и нечто положительное: служитель никуда не торопился, всегда находился дома, и к нему могли прийти все нуждающиеся в духовной помощи. К тому же он всегда был в курсе происходящего на стройке и помогал решать возникающие проблемы.

Только через полгода Борис Яковлевич начал понемногу ходить и долгое время должен был разрабатывать повреждённый сустав. Так к одной травме добавилась другая, которая давала о себе знать до конца жизни.

Осенью 1991 года в ещё недостроенном здании молитвенного дома анжерцы отмечали праздник Жатвы. А весной 1992 года, на Пасху, состоялось освящение дома. К середине 1990-х годов церковь насчитывала сто сорок членов (до эмиграции было восемьдесят).

Когда Борис Яковлевич лежал прикованный к постели, его посетили два молодых преподавателя библейских курсов с просьбой составить программу лекций по пасторскому служению и учению о Церкви.

— Возможно, Бог допустил вам эту болезнь для того, чтобы сделать столь важную работу, — несмело заметил гость.

— Может быть, — неуверенно произнёс старец и с увлечением занялся любимым делом.

Через некоторое время преподаватели вновь посетили его, и он подал им аккуратно исписанные листы:

— Вот вам «пустые мешки». Наполните их сами.

Он разработал план восьми лекций по пастырскому служению и семи — по учению о Церкви. Этим материалом долгое время пользовались преподаватели в объединении.

Борис Яковлевич никогда не упускал возможности

Освящение Дома молитвы, Уфа, 2001 г.

Конференция по благовестию в Благовещенске, 2003 г.

Анжеро-Судженск, 2002 г.

Библейские курсы в Славгороде

побывать на библейских курсах. Несколько раз он преподавал экзегетику, «Божий план спасения» и «Панораму Библии». Если же в список преподавателей он не попадал, то обязательно приезжал с Давидом Андреевичем на несколько дней и делился словом назидания, вселяя в братьев бодрость и вдохновляя ни под каким предлогом не отступать от евангельских истин.

Несмотря на то что старость всё увереннее овладевала тружеником, он не оставлял своего служения. Вместе с Давидом Андреевичем он не пропускал ни общебратских, ни региональных совещаний, посещал церкви обширного объединения, был желанным и в Молдавии, и в Средней Азии, и на Кавказе, и в других местах, куда бы ни позвал долг.

Страх Господень, любовь к Богу и Его слову, а также Дух Святой, живущий в сердце, ограждали Бориса Яковлевича от многих бед, соблазнов и искушений. Он жил в мире с братьями и в единстве с братством. Оглядываясь на пройденный путь, он нередко говорил: «Где бы я сейчас находился, что рассказывал бы потомкам, если бы не принял Христа, если бы не пошёл за Ним?! А если бы предал Его, изменил Ему?! Как велика Его благодать и милость ко мне!»

Встречи

— Вы меня помните? — Борис Яковлевич решительно подошёл к пожилому мужчине и с улыбкой протянул ему руку.

Бывший секретарь горисполкома не знал, куда деть глаза. Разве можно забыть те смутные годы, когда он довольно часто вызывал этого христианина для серьёзных разговоров, когда бесчестно свидетельствовал против него на суде?!

«Бедненький!» — подумал Борис Яковлевич, пожимая ему руку.

— Мы считаем вас хорошим человеком, — решил он

ободрить несчастного. — Мы знаем, что вы не приходили бы к нам и не выступали бы на суде, если бы вас не заставляли.

— Да, — признался тот слегка дрогнувшим голосом. — На меня сильно давили...

— Я ничего не имею против вас и желаю вам всего доброго, — шагнул в сторону Борис Яковлевич. — Извините, я пойду.

— Вы ещё извиняетесь? — опомнился секретарь. — Это я должен просить у вас прощения...

— Приходите в молитвенный дом, — вновь протянул ему руку Борис Яковлевич. — Только теперь как слушатель. Приходите. Божье слово звучит для всех...

А однажды в поезде, следующем в Новосибирск, Борис Яковлевич встретил офицера, в котором узнал милиционера, перевозившего его в наручниках из барнаульской тюрьмы.

— Кажется, мы с вами знакомы, — вышел он в тамбур вслед за офицером, желающим покурить.

— Да, — кивнул тот, глядя в окно.

Борис Яковлевич понял, что собеседнику неловко, но всё же продолжил разговор.

— Недавно встречал твоего отца в больнице. Он плохо выглядит.

— Я по этому поводу еду в Новосибирск. Хочу положить его на обследование в платную клинику.

Офицер взволнованно рассказал о состоянии отца. В его речи чувствовалась безнадёжность.

— Знаешь, Иисус Христос любит тебя! — дружески положил руку ему на плечо Борис Яковлевич. — Желаю тебе покаяться и стать настоящим верующим.

— Нет-нет, — поспешно запротестовал мужчина, — это не для меня. Я очень большой грешник, много крови пролил...

— Именно таких грешников Христос и прощает! Он желает, чтобы ты раскаялся и получил спасение. Если только захочешь спастись, Христос не отвергнет тебя.

Борис Яковлевич уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил:

— Впрочем, мы хорошо тогда ехали из Барнаула. Только наручники, по-моему, были лишние.

— В вагоне ехали кемеровские кегебисты, — смущённо ответил офицер. — Они следили за нами, и пришлось поступать по всей строгости...

Вечность

Ноябрь 2003 года начал уверенно подводить черту под многострадальной жизнью Божьего служителя. У Бориса Яковлевича пропал аппетит, он сильно ослаб, и без того худощавое лицо резко осунулось. Агнесса Петровна смотрела на мужа с тревогой.

В день своего 84-летия

Пришёл день, когда ему стало совсем плохо и его с острыми болями увезли в больницу. Сделали срочную операцию, за которой последовало печальное сообщение, что у Бориса Яковлевича рак желудка.

Привыкший к активной жизни, он даже в восьмидесятилетнем возрасте страдал от мысли, что ничего не делает. В действительности же, он и в это время, даже лёжа, участвовал в решении церковных вопросов, записывал свои размышления о Господе Иисусе, беседовал с посетителями.

За полтора месяца до ухода с земли Борис Яковлевич произнёс на региональном братском общении в Анжеро-Судженске свою последнюю проповедь «Успокоенное сердце». В ней он, в частности, говорил:

— Ошибочно думать, что у нас всё хорошо и волноваться нет причин, если мы давно являемся членами церкви, находимся в отделённом братстве, проповедуем и поём в хоре, занимаемся с детьми или молодёжью. Духовное состояние не зависит от того, к какой церкви мы принадлежим, что делаем для Бога.

Оценивать себя надо с другой стороны: какие у меня отношения с Господом? как я служу Ему? что движет мной?

Если мы находимся в неразрывной связи с Богом и ведём чистую и святую жизнь, то, конечно, можем и должны быть спокойными. Если же наблюдается какой-то разрыв с небом, нужно срочно бить тревогу...

12 марта 2004 года Борис Яковлевич с самого утра ждал Михаила Ивановича Хорева, который ехал к нему, но почему-то задержался в Прокопьевске. К обеду состояние умирающего резко ухудшилось, и в 12:50 его сердце остановилось...

Проводив дорогого мужа в последний путь, Агнесса Петровна враз почувствовала себя одинокой. Да, рядом всегда были любимые дочери — Агнесса и Эрна, неподалёку жили

другие дети со своими семьями. Ей уделяли немало любви и внимания, но душа её затосковала по небу. Туда ушёл её друг жизни, там был её Спаситель, Которому она служила смолоду.

Шесть лет ещё Агнесса Петровна жила ожиданием небесной встречи. Ослабевшая физически, она оставалась бодрой духом — много читала, слушала записи проповедей, много молилась о братстве и служителях, всегда стремилась быть в общении с церковью. В июне 2010 года её земной путь тоже завершился.

Борис Яковлевич и Агнесса Петровна в день 50-летия совместной жизни с детьми и внуками, 1999 г.

Послесловие

Незадолго до ухода с земли Борис Яковлевич написал в своём дневнике: «Жизнь моя идёт к закату. Мне не нужно больше думать ни о чём, кроме того, чтобы благополучно перейти в вечность».

Более пятидесяти лет он постоянно думал, заботился о том, чтобы сеять доброе, стоять на страже в доме Божьем, помогать изнемогающим, ободрять унывающих, кормить духовным хлебом ближних и дальних. Потом пришло время, когда необходимость в этом лично для него исчезла. В смирении он приблизился к порогу, за которым любящим Бога открывается блаженная вечность. И наконец успокоился от своих трудов.

«Борис Яковлевич умер красиво, потому что жил красиво, — говорили о нём служители. — Он был сибирским Самуилом: справедливо судил народ, по-библейски разрешал и лёгкие, и трудные вопросы, утешал и подкреплял изнемогающих.

Его служение Богу выражалось в том, что он чистосердечно служил людям. Он всегда откликался, когда в нём нуждались, всегда приезжал, куда бы его ни пригласили. Он был прост и доступен.

Его жизненный путь можно назвать прекрасным, потому что, будучи Божьим рабом, он добровольно выполнял все поручения и много заботился о воспитании следующего поколения служителей.

Борис Яковлевич рукоположил более ста братьев. А что значит „рукоположил“? Для этого ему надо было ехать на Камчатку или Сахалин, пробираться в тайгу, в тундру, на какой-то полуостров или побережье. И всё это он делал с больной ногой, которая была на двенадцать сантиметров короче здоровой!

Борис Яковлевич был Божьим подарком для нас...»

Уносит вечность наших братьев ввысь
Для славной встречи с Господом любимым.
Им больше не нужны слова: «Крепись,
Не бойся в этом мире быть гонимым!»

Наш брат уже прошёл свой путь земной,
Свой путь труда, смиренья и страданья.
Он, не стыдясь, шёл узкою тропой,
Оставив нам пример для подражанья.

Черпая силы в Господе своём,
Он кротким был учителем для многих.
Горя любовью к людям, был рабом
Как и для знатных, так и для убогих.

Утрату наше братство понесло —
Сибирский Самуил ушёл из жизни...
Осиротела церковь без него,
Когда шагнул он через смерть к Отчизне.

Бог отозвал как воина его,
Он не оставил пост свой до кончины!
Но кто в пролом бы встал вместо него,
Чтоб церковь враг не превратил в руины?

А. П. Рогальский

Содержание

С молитвой и песней

Виктор Кузьмич Моша

Добрый воин Иисуса

Борис Яковлевич Шмидт